

Пётр Станев

**КРЕПОСТЬ РУЩУК.
РЕПЕТИЦИЯ РАЗГРОМА
НАПОЛЕОНА**

Москва
2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4
С 76

Станев П.В.

С 76 Крепость Рушук. Репетиция разгрома Наполеона /
Пётр Станев. – М.: Издательство «У Никитских ворот»,
2019. – 160 с.

ISBN 978-5-00095-930-5

Крепость Рушук – малоизвестный эпизод отечественной истории, но именно в нём наиболее ярко проявился стратегический гений Кутузова. Здесь он впервые опробовал ставшие впоследствии спасительными тактики отступления и выжидания и в итоге разгромил турецкую армию с минимальными потерями для своих солдат. Благодаря этой победе за месяц до вторжения Наполеона в Россию, 16 мая 1812 года, в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор.

Пётр Станев воссоздаёт этот эпизод с точностью историка, не забывая про средства художественной выразительности. Герои прошлого предстают живыми людьми, со своими мыслями и чувствами. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4

ISBN 978-5-00095-930-5

© Станев П.В., 2019
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2019

ПЛОХ ТОТ ГЕНЕРАЛ, ЧТО НЕ БЕРЕЖЁТ СОЛДАТА

Пётр Станев написал увлекательнейшую историческую прозу. Когда читаешь такой текст, невольно снимаешь шляпу перед его автором. Ведь задача совместить художественность и историческую правду ох как не проста. Часто встречаешься с выверенной, почти идеальной исторической фактурой и полным неумением автора интересно её изложить, а случается и наоборот: историческая проза чудо как увлекательна, но потом выясняется, что достоверности в ней кот наплакал. Станев счастливо избежал и той, и другой крайности, подарив читателю книгу, где факты рассмотрены в лупу, но при этом исторические личности выписаны так живо, что кажется, будто сам с ними был знаком и теперь вместе с автором вспоминаешь об этом знакомстве. В центре повествования фигура легендарного русского полководца Михаила Кутузова; из его биографии выбран один момент, связанный событиями вокруг крепости Рущук. Книга так и названа «Крепость Рущук. Репетиция разгрома Наполеона».

Исторические деяния Кутузова всем нам знакомы с детства. Герой Бородина, победитель Наполеона. Но так ли много мы о нём знаем? Не мешают ли нам схематичные сведения осознать весь масштаб и всю сложность этой фигуры?

Пытливый Пётр Станев считает, что Кутузов для нас до сих пор остаётся человеком загадочным. Во многом благодаря неординарности своей личности, вызывавшей у современников желание оставить не совсем объективные

свидетельства. Вот как он сам пишет об этом в авторском предисловии: *«Но странное дело: все публикации на эту тему разнились и по форме изложения, и по содержанию, и по значимости участия в этих военных действиях Кутузова. Мало того, в этих, уже глубоко исторических публикациях, оказалось неожиданно много негативных изложений. В итоге изучения боевых действий на Дунае возникало много вопросов, на которые нет ответов, только намёки».*

Станеву удаётся показать великого сына России во всех ракурсах. С первых страниц перед нами не только опытный стратег, но и живой человек. Природа за окнами его кареты, несмотря на весь драматизм военного момента, когда, казалось бы, ни о чём другом нельзя думать, вызывает у него искреннее восхищение и сочувствие.

«Михаил Илларионович, опираясь на крепкую руку молодого капитана, медленно сошёл на сырую, только что вытаявшую из-под снега землю.

— Смотрите же, какое чудо, ещё снег не сошёл, а на проплешинах уже цветы растут».

Настоящий исторический контекст прозе Станева придаёт то, что она не линейна. Да, события развиваются по всем фабульным законам, но в целом пространство значительно шире. Кутузов вспоминает о своей прошлой жизни, полной занимательнейшей фактологии, битв, интриг и воли, а его приезд в Молдавскую армию, с которого начинается повесть, окутан маревом предыстории, где царствует интрига, где люди охвачены чувствами далеко не великими, и ставят выше всего интересы России, а не свои мелкотравчатые выгоды.

Автор раскрывает причины того, почему назначению Кутузова не очень были рады прежний командующий Ланжерон и его свита. Они приноровились делать деньги на этой вечной войне с турками, не стремясь ни к каким военным достижениям.

Станев прекрасно владеет всеми необходимыми писательскими качествами для построения детективной прозы. Конечно, эта повесть не детектив, но напряжение острого

сюжета порой вырастает до предельного. Чего стоит сцена с обнаружением турецких лазутчиков...

Любопытно наблюдать по мере прочтения, как автор, исследуя исторические события по сохранившимся документам, пытается реконструировать образ мыслей Кутузова, проникнуть в причины тех или иных его решений, которые, на первый взгляд, выглядят неочевидными и странными, но впоследствии выдают военный гений Михаила Илларионовича.

Вся описанная в книге эпопея сводится к одному очень серьёзному выводу: не тот полководец выдающийся, кто достиг победы, забросав противника трупами собственных солдат, а тот, кто путём манёвров сохраняет армию целой и боеспособной и добивается от противника договоров и пактов, выгодных стране в долгой её перспективе. Во время службы Кутузова в Молдавской, чуть позже переименованной в Дунайскую, армии, все понимали, что войска Наполеона вот-вот вторгнутся в Россию и изнурительную противостояние с турками у южных границ может быть абсолютно губительным. Выполняя стратегическую задачу командования, идя на все возможные дипломатические ухищрения, Кутузов добился от султана мирного договора. Кто знает, чем бы кончилась Отечественная война 1812 года, если бы пришлось держать для противостояния с турками крупные резервы. *«В Бухаресте, к огромному неудовольствию и глубокому разочарованию Наполеона, был подписан мирный договор с Турцией. Сохранив армию, Кутузов одержал удивительную, загадочную победу. В результате Россия получила Бессарабию, с границей по реке Прут. Ряд областей в Закавказье, автономию Сербии. Сохранённую Молдавскую армию переправили в Смоленск. Но Петербург опять сыграл с ним злую шутку. Победу Кутузова в итоге принизили, очернили. Оставшись не у дел, Михаил Илларионович уехал в имение. Сильно переживал. И только под давлением здравомыслящей общественности, на фоне сложившейся критической ситуации на фронте боевых действий в Отечественной войне 1812 года, гений Кутузова был снова востребован».*

Конечно, эта книга Петра Станева будет любопытна тем, кто изучает этот исторический период или просто любит русскую историю, но, уверен, она явится поучительной и для тех, кто излишне героизирует полководцев, ради достижения цели не жалевших своих солдат. Важнее всего человеческая жизнь. И Кутузов это понимал как никто. И то, что его действия послужили тому, что такая народность, как гагаузы, получила мировое признание, яркое подтверждает приведённый выше тезис. Ведь они поселились на отвоёванной Кутузовым земле.

*Максим Замшев,
главный редактор «Литературной газеты»,
член Русского Пен-центра,
член Совета при Президенте РФ
по развитию гражданского общества
и правам человека*

ОТ АВТОРА

Работая над своими предыдущими произведениями, в которых я пытался отразить моё видение некоторых исторических событий, я неоднократно наткнулся на публикации о действиях Русской армии в районе среднего Дуная. В них отмечались некоторые военные события, которые произошли под руководством Михаила Илларионовича Кутузова. Материалы я собирал из разных источников: статей известных историографов, воспоминаний современников того времени.

Но странное дело: все публикации на эту тему разнились и по форме изложения, и по содержанию, и по значимости участия в этих военных действиях Кутузова. Более того, в этих уже глубоко исторических публикациях оказалось неожиданно много негативных изложений. В итоге изучения боевых действий на Дунае возникало много вопросов, на которые нет ответов, только намёки.

В архивах имеется много документов, но информация, содержащаяся в них, противоречивая. Одни и те же события освещались совершенно по-разному. Много донесений, в которых действия Кутузова освещаются крайне негативно. Писались они, скорее, недругами, завистниками. Некоторые рапорты принимались к сведению. Но многие отвергались сразу и во внимание не принимались. Я долго обдумывал. Подходил с разных сторон.

В мировой истории я пока не нашёл аналогов кутузовского мышления, его гения. У великого полководца фельд-

маршала Суворова и флотоводца адмирала Ушакова было шестое чувство, они могли чувствовать противника. Читать его мысли. Ну и конечно, это присутствовало у некоторых современных военных стратегов — Михаила Фрунзе, Константина Жукова, например. Но это были талантливые ученики. Думаю, что Иосиф Сталин учился воевать у Жукова. Вернее, это Георгий Жуков научил жёсткого правителя думать и видеть по-другому. Но всему виной был гений Кутузов. У Михаила Илларионовича тоже было нечто подобное в отношениях с императором Александром I. Генералиссимуса Александра Суворова, адмирала Ушакова, генерал-фельдмаршала Михаила Кутузова и маршала Георгия Жукова правители ревниво пытались принизить. Удаляли от себя — кого прозябать в имении, кого на службу в дальний гарнизон после того, как эти полководцы, проявив свой гений, верно служа Родине, исполнили свой долг до конца.

Но память народную никуда не денешь, не удалишь. Она сильнее.

В результате я попытался самостоятельно изложить своё видение гения Кутузова и отдать ему честь по всей форме.

В работе по созданию этой книги мне помогли разные люди. Они своим участием оказали мне серьёзную помощь. Особую благодарность хочу выразить моему учителю и вдохновителю, поэту, автору-исполнителю, писателю, члену Союза писателей России Виталию Лиходеду, моему консультанту доктору исторических наук, этнографу, преподавателю университета Петру Пашалы. Я также выражаю сердечную благодарность моим постоянным помощникам из московской типографии «Август Борг» в лице руководителя Андрея Зарецкого, сотрудника типографии Светланы Павловой.

Что у нас получилось — судить вам, уважаемые читатели.

Пётр Станев

ГЛАВА 1

Весеннее мартовское солнце с каждой преодоленной сотней вёрст пригревало всё душевней.

После промозглых, сырых погод, пустых баталий и интриг при штабе союзных сил, мучительных переходов по грязным дорогам центральной Европы тёплое весеннее солнышко Бессарабии действовало благотворно на самочувствие уставшего генерала и особенно на его больные суставы.

Михаил Илларионович откинул занавеску, глянул в забрызганное грязью окошко кареты. Вдали виднелся пологий, левый, уже полностью бесснежный берег Днестра. Сама река ещё была покрыта взбухшим рыхлым серым льдом.

«Видимо, на днях вскроется, — подумал Кутузов, — вот только резвее потекут ручьи с вершин старых Карпат — и льду седого Днестра не устоять». Он опять откинулся на спинку мягкого дивана. Рыдван-каре́та, замечательно сработанная искусными руками австрийских мастеров, удобна для дальних поездок. На мягких рессорах, с раскладным кожаным диваном; высокие и набитые конским волосом борта могли защитить от пули. Для подогрева салона имелась даже встроенная печь. Генерал уселся поудобней, прикрыл ноги шерстяным пледом, погрузился в долгие размышления и воспоминания.

В очередной раз военная судьба забрасывает его к этим беспокойным в это весеннее время берегам. И каждый раз здесь его ждали суровые испытания. Сначала под командо-

ванием Румянцева в чине капитана участвовал в разгроме превосходящих сил турок под Вулканештами, у мелкой болотистой речки Кагул. Потом, став случайным фигурантом интриг капитана Анжели (как оказалось впоследствии — французского шпиона), был направлен в Крым, где при штурме Алушты получил смертельное ранение в голову. Чудом выжил. Позже, во время штурма крепости Очаков, получил второе, точно такое же ранение, долго лечился, потерял зрение на один глаз, но неожиданно для всех вернулся на службу. Был направлен на Днестр, где участвовал в штурме крепости Бендеры. Но там всё обошлось сравнительно бескровно. Решительность, опыт, знание дела, профессионализм были достойно отмечены светлейшим князем. Потом он вместе с бугскими егерями по Его Высочайшей рекомендации был направлен к Суворову под мрачные стены Измаила.

Судьба потрепала его тогда сверх меры, кровавые стены крепости Измаил привили ему на все оставшиеся годы жизни устойчивое чувство ненависти ко всем крепостям. Смертельно опасный героический штурм под руководством великого Суворова стал для него великим уроком. С тех самых пор, почувствовав омерзительный холод смерти, свою беспомощность перед нею, он всегда старался избегать тяжёлых кровопролитных баталий. Это героическое и в то же время трагическое действие происходило немного в стороне от Днестра, но всё равно это были южные, засушливые степи Бессарабии.

Через два года после взятия Измаила его назначили послом в Константинополь, где произошёл расцвет его дипломатических талантов.

Получив в 1792 году приказ Её Величества о назначении его послом в Великую Порту с предоставлением ему широких полномочий, начал усиленную подготовку к своей будущей деятельности. Он задолго до этого, следуя совету Суворова, стал изучать турецкий и персидский языки. Занимался живыми переводами документов, привлекал для этого письмоводителя двора — последнего крымского хана.

По заданию светлейшего князя Потёмкина, мимо внимания которого не прошло увлечение генерал-майора, на тот момент комендант Измаила организовал наблюдение за тылами турок в придунайских степях. Им отменно была поставлена агентурная разведывательная деятельность. В его ведомстве даже применялись голуби, обученные для доставки почты. В результате им было успешно отражено несколько серьёзных ответных попыток штурма крепости турками.

Незадолго до своей кончины Потёмкин в своём письме протезировал Екатерине II Михаила Голенищева-Кутузова. Рекомендовал использовать незаурядные способности молодого генерала на дипломатической службе в Константинополе.

И вот, двигаясь по этим же дорогам, он не спешил тогда так, как сейчас. После обмена посольских миссий в Дубоссарах недельная дорога от Днестра до Константинополя была преодолена за три месяца. За это время силами молодых офицеров российской миссии в Турции была собрана для него вся возможная информация о нравах и интригах султанского двора, о влиятельных вельможах, любимых жёнах султана Селима III, других лицах, имеющих влияние на правителя, их привычках, слабостях. При случае они могли бы донести до султана нужную информацию.

До получения интересующих его сведений он не принимал никаких решительных действий по ускорению продвижения по трясучим дорогам Бессарабии. И, только посчитав себя достаточно информационно вооружённым, он въехал в Константинополь, приложив всю свою хитрость, блестящую образованность, полученный им бесценный жизненный опыт в кровавых боях и придворных интригах, в которых он преуспел не меньше. Угождая прихотям великих, терпя ехидные усмешки других иностранных послов в кулуарах султанского двора, Кутузов одержал ряд серьёзных дворцовых побед. Без единого выстрела, без огромных затрат на содержание и перемещение войск. Путём лёгкого подкупа, ненавязчивого вручения изысканных даров нужным чинам и влиятельным дамам из гарема: в частности, с помощью Валиде-султан

Михришах — матери султана — он склонил Селима III воздержаться от участия турецких войск в европейских баталиях на стороне наполеоновской Франции. Упрочил мирные отношения Турции и России в Причерноморье. Смягчил условия передвижения купеческих судов и русских военных кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы. Его трудами были заложены основы в мирный договор 1799 года.

Неожиданно карета резко накренилась вправо. Кутузов отвлёкся от воспоминаний, недовольно заглянул за занавеску. Колёса кареты увязли в глубокой жиже растаявшей дороги. Вокруг заметались офицеры, принуждая эскорт сопровождения к энергичным действиям по немедленному продолжению движения кавалькады командующего.

Остановившиеся посреди огромной лужи лошади под ударами кнута кучера и казацких нагаек в беспорядке заволошились, безуспешно упирались копытами усталых ног в вязкую глину, расплёскивали вокруг грязную жижу.

— Охолони малость! Что, проспал? Не мучай коней, коли сам виноватый. Леший тебя возьми. Лютуешь теперь? — прикрикнул строго на возницу пожилой, но ещё крепкий собой казачий унтер.

Ловко вскочив ногами на седло, оттолкнувшись, стремительно перелетел коршуном на спину запряжённого в упряжку коренным коня.

— Но-о! Давай, родимый, давай, вперёд! — ободря уставшую животину, кричал казак, вонзая шпоры в бока ошалелого коня.

Тот встрепенулся. Ища твёрдый грунт, стал торопливо перебирать ногами и, зацепив копытом твёрдую кочку, медленно сдвинул карету с места. Другие лошади в упряжке усердно помогали ему.

Так под гиканье казаков, под их подбадривающие возгласы карета медленно вылезла из лужи.

— Братец! — обратился Кутузов к адъютанту. — Что-то ноги затекли, мне бы прогуляться чуток.

Адъютант, молодой майор из штабных, по природе своей сухой и молчаливый, своё дело знал и исполнял его отменно,

приоткрыл дверь, подал знак конному офицеру. Тот мигом спешился, подбежал к карете, откинул ступени. Стал рядом, вытянулся во фронт, отдал честь Кутузову.

Михаил Илларионович, опираясь на крепкую руку молодого капитана, медленно сошёл на сырую, только что вытаявшую из-под снега землю.

— Смотрите же, какое чудо, ещё снег не сошёл, а на пропелшинах уже цветы растут, — восторженно проговорил генерал, разминая затёкшие от долгого сидения ноги.

Михаил Илларионович достал платок, обмакнул выступившую слезу. Случайный человек мог бы удивиться такой сентиментальности пожилого генерала. На самом деле двойное тяжелейшее ранение практически в одно и то же место головы напоминало о себе.

Принесли походный стул, раскладной стол, умывальник, другие принадлежности. Пока все приводили себя в порядок — поспел самовар. Раннее весеннее солнце ласково пригревало, даже немного расслабляло.

Поев холодной телятины, швейцарского сыру, откушав чаю с баварским печеньем, Кутузов прогулялся к высокому берегу Днестра. Полюбовался сверху открывшимися дивными далями. Медленно ступая, возвратился, дал команду майору двигаться далее. Дела ныне не давали времени на передышку. Его ждала армия.

Волей государя Александра I, по его приказу, Кутузову было предписано срочно прибыть в штаб-квартиру в Бухаресте и вступить в командование Молдавской армией.

В секретной депеше ему ставилась задача активизировать боевые действия против значительных сил турецкой армии, но при этом быть осторожным, не провоцировать турок, избегать прямых сражений, дабы избежать больших людских и имущественных потерь. Необходимо было сохранить армию для использования её в предстоящих боевых действиях с Наполеоном.

В ряде крепостей по берегам Дуная находились русские гарнизоны, которые держали под контролем не только сами крепости, но и прилегающие окрестности. Главной же зада-

чей ставилось склонить османскую Порту* к переговорам и любыми способами в итоге принудить турок заключить мир. Дабы, в случае вступления Наполеона на российскую землю, а сомнений о предстоящей войне с Францией уже не было, турецкая армия не смогла бы оттянуть на себя часть русских сил.

Через некоторое время кавалькада командующего, растянувшись на добрую версту, продолжила движение. Михаил Илларионович, прикрыв глаза, снова погрузился в воспоминания и размышления.

До этого Молдавской армией** командовал прославленный генерал от инфантерии Николай Каменский, но в связи с его болезнью и последующей смертью армию временно принял генерал-лейтенант Александр Фёдорович Ланжерон (Александр-Луи Андре де Ланжерон де Сесси). По происхождению француз, убеждённый монархист, он не принял революцию, не стал присягать новой власти, попросился вместе со своим другом, герцогом де Ришелье, на службу в Русскую армию. Александр I, недолго думая, дал своё высочайшее согласие.

Образованные офицеры, понимающие дворцовый французский политес и одновременно разбирающиеся в иерархии военного ведомства Бонапарта, были очень кстати. Но после неудачного сражения под Аустерлицем недовольный исходом дел русский государь был суров, считал виноватыми в поражении всех, вымещал своё неудовольствие на офицерах, которые попадались под руку.

Не миновала царская кара и французских друзей: вместе с герцогом де Ланжерон был назначен служить в далёкую, неустроенную, пустынную Одессу. Знал бы государь, какую добрую службу он сослужил друзьям и России. Неожиданно они проявили незаурядные способности по руководству строительством и развитию этого молодого города.

* Государство (*Порта*), созданное в 1299 году под предводительством удж-бея Османа I Гази. Просуществовало под управлением османской династии до начала XX века.

** Молдавская армия в связи с отправкой значительной части войск на западную границу далее будет переименована в Дунайскую армию.

До этого в создании города, от штурма турецкой крепости Хаджибей до строительства первых строений (каменных казарм, административных зданий и оборонительных сооружений), принимали активное участие неаполитанец де Рибас и его друг из далёких Нидерландов – де Волан. Все вместе они внесли огромный вклад в строительство и развитие этого славного в истории России города.

Особенно отличился герцог Эммануил Осипович де Ришелье, будущий первый генерал-губернатор Одессы, настоящее и полное его имя Арман-Жан де Виньеро дю Плесси де Ришелье, его дед был маршалом Франции, а отец – генералом Франции. Его дядя кардинал Арман-Жан дю Плесси де Ришелье был знаменитым министром короля Людовика XIII.

Под руководством Эммануила де Ришелье унылый, грязный, бесформенный городишко расцвёл по-настоящему. Был создан торговый порт. Отстроены великолепные здания, вдоль улиц высажены деревья, в молодом городе появились парки, построены католическая и православная церкви, созданы театр, учебные заведения, а позже, с приложением большого труда, упорства и мудрости, появился университет. Все дороги замостили гранитным булыжником.

Под его руководством Одесса стала самодостаточным, а далее – прибыльным городом с внушительным бюджетом.

Этого незаурядного административного, политического, военного деятеля ждали впереди великие дела, не говоря о том, что он впоследствии будет удостоен должности премьер-министра Франции. Но всю жизнь он мечтал вернуться в Южную Пальмиру России, цветущий город Одессу.

А пока кавалькада главнокомандующего Дунайской армией спешила в Бухарест, где его ждали в штаб-квартире генерал-лейтенант де Ланжерон и его друг, соратник герцог де Ришелье. Нельзя сказать, что Александр Фёдорович принял это известие с восторгом, в душе тайно надеялся на назначение главнокомандующим своей персоны и приложил для этого немало усилий. Но не сложилось, и в душе графа затаились на долгие годы ревность и неприязнь.

ГЛАВА 2

Преодолев тысячу вёрст, конвой Кутузова отклонился западней от Днестра и через двое суток вышел в Буджакскую холмистую степь. Следуя рекомендациям разведки, взяли направление к Вулканештам, надеясь переправиться в этом населённом пункте через болотистую, особенно в это время года, речку Кагул.

Слушая доклад усталого секунд-майора Каменского об итогах разведанной стратегической обстановки и особенностях в зоне прохождения их дальнейшего маршрута, Михаил Илларионович, пряча невольную усмешку, достал платок, стал якобы промокать набежавшую слезу из незрячего глаза.

«Откуда знать этому майору, что более тридцати лет назад я, генерал от инфантерии, тогда пребывая примерно в возрасте этого майора, участвовал в великой победной баталии с турецкой армией под руководством прославленного Румянцева», – усмехнувшись, думал Кутузов, но никак свою усмешку командиру разведки не показал.

«Кстати, именно здесь я получил своё заслуженное звание секунд-майора, здесь же попал в немилость к будущему фельдмаршалу за неосторожно высказанную фразу в адрес Румянцева», – вспомнил свою старую обиду Михаил Илларионович. Его сослуживец и заместитель, капитан Анжели, преподнёс тогда главнокомандующему их спор, подло извратив самую суть.

Генерал, находясь под впечатлением от этих воспоминаний, тяжело вздохнул, сел поудобней, отхлебнул остывшего чая. Но через пару минут, прикрыв больной глаз повязкой, он снова погрузился в воспоминания. В скором времени его командировали в Крым. Таким образом Румянцев расправился с молодым Голенищевым-Кутузовым за его острый и неосторожный язык, впрочем, своё решение о присвоении звания секунд-майора оставил в силе. Таким образом он задал урок на будущее молодому капитану. И отец, несмотря на великое уважение к себе Румянцева, не смог помочь сыну.

А вот с Анжели Кутузову встретиться пришлось — и не раз. Он оказался не просто подлецом. Не без помощи Суворова под Очаковом он был изобличён в предательстве и шпионаже. За что решением императрицы был выслан из страны с позором.

Потом их пути перекрестились в Константинополе, где Анжели, являясь представителем французской миссии, не раз встречал в добрые отношения дипломата Кутузова с двором султана. Но искушённый в дворцовых интригах российский посол нашёл возможность обезвредить змеиные поползновения француза. В результате Анжели, спасаясь от возмездия султана, бежал из Порты.

Майор Каменский, закончив доклад, положил перед командующим карту с нанесёнными направлениями дальнейшего продвижения кавалькады. Указал расположения Дунайской армии, предполагаемые зоны, контролируемые турецкими силами. Место переправы через болотистую речку Кагул по данным разведки оставалось вне контроля противника. В это раннее весеннее время болотистое место было труднопроходимым, особенно для обозов.

Кутузов, рассматривая карту, вспомнил о двух молодых местных молодцах, прибывших вместе с великим Суворовым под стены крепости Измаил. Они тогда сыграли важную роль по дезинформации противника, защитников турецкой крепости. Эти молодые юноши сумели вручить туркам фальшивый план штурма крепости и заодно вызволить своих невест из турецкого плена.

— Где теперь эти герои? Как сложилась их судьба? — произнёс вслух негромко генерал.

Как хотелось получить ответ на свои вопросы старому вояке. Так мало было романтических историй в его прошлой жизни, проведённой в суровых военных буднях и долгих месяцах излечения тяжёлых ран. Уж очень хотелось ему, чтобы у этих ребят сложилась удачная счастливая жизнь. Теперь через десяток лет эти юноши должны были стать уже зрелыми мужчинами, отцами больших семейств, с кучей детишек. Пашут полученную в награду землю, с помощью

грамоты, жалованной им Суворовым. Хотя в этой сложной политической обстановке грамота Суворова могла обернуться для них тяжёлым испытанием.

— Прошу прощения, Ваша светлость! Я не расслышал.

Майор, пытаясь расслышать шёпот генерала, склонился поближе.

Кутузов, очнувшись от воспоминаний, ещё раз глянул на карту. Поразмыслив, оценив ситуацию, задал вопрос Каменскому:

— Скажите, любезнейший, а куда делся старый Траянов вал, он должен быть примерно в этой зоне?

Михаил Илларионович провёл пунктиром линию на карте.

— Он достигает пяти саженей вышины и примерно столько же ширины. Преодоление его войсками с артиллерией и обозами — непростое дело. Этот вал обязательно должен патрулироваться турецкими разъездами.

Кутузов откинулся на спинку походного кресла, глянул испытывающим глазом на майора.

Каменского заданный вопрос не смутил. Он знал на него ответ. Его озадачило то, что Кутузов был осведомлён о местности этого забытого богом, засушливого уголка земли. Где, как казалось, никто из цивилизованных людей не бывал, кроме местных людишек, большей частью переместившихся с Балканских и Родопских гор, Македонских земель северной Греции, спасаясь от свирепых османов. Они занимались в новых местах привычным для них мирным трудом, скотоводством и возделыванием засушливой земли.

— Возведённый в древности римлянами при императоре Траяне вал, состоящий из тяжёлой красной глины, перемешанной с песчаным камнем, действительно существует. Но он значительно повреждён, имеет довольно широкие проходы. Это связано с большим количеством переселявшихся с Балкан людей, которые использовали камень и глину для построек своих жилищ*.

* Ищи фото в сборнике «Кагул — забытая слава».

Каменский, ответив, ждал реакции главнокомандующего. Озадаченный словами майора, Кутузов задумался.

Действительно — за тридцать с лишним лет изменения в местности действительно могли быть значительными, вполне возможно, что могли возникнуть новые поселения. Люди не могут терпеть долго лишений, унижения своего достоинства. Турецкое присутствие слишком давило на народы Балкан, Болгарии, Сербии, Месопотамии, Валахии, Трансильвании, Молдавии, Бессарабии.

— То, что древний Траянов вал стали разбирать для строительства мирных жилищ, — это понятно. Хотя жалко это древнее сооружение. Его надо бы сохранить для истории, — произнёс с грустью старый генерал. — По этому валу ещё Суворов на штурм Измаила спешил, не говоря о быстрых перемещениях по нему римских легионов в далёком прошлом.

Несмотря на то, что в этих краях было намного теплее, чем в центральной Европе, спина генерала и руки начали стынуть. Всё-таки ещё ранняя весна стояла, не хватало ему простудиться. Генерал потянулся за шерстяным пледом, которым снабдила его заботливая супруга. Внимательный адъютант вскочил, накрыл пледом широкую генеральскую спину. Дал команду разжечь печь в крестьянской хате и согреть чаю.

— Хорошо, я принимаю ваши рекомендации о нашем дальнейшем направлении, — произнёс устало командующий. — Организуйте переправу и обеспечьте нашу безопасность, господин секунд-майор.

Каменский сложил карту, спрятал на груди. Отдав честь генералу, вышел. Через минуту раздался быстро удаляющийся топот копыт коней Каменского и сопровождавших его разведчиков.

Утром, едва забрезжил рассвет, лагерь русского конвоя зашевелился. Кормили, поили лошадей. Разожгли костры, готовили кашу, в общем, готовились к очередному дальнему переходу. Завтрак Кутузову готовили в печи простой крестьянской мазанки, чисто выбеленной внутри и снаружи известью.

Радужные хозяева выставили на стол свою нехитрую снедь: овечью брынзу, соленья, кукурузную мамалыгу, от которой валил горячий пар, жаркое из нежного мяса молодого барашка. Принесли глиняный кувшин домашнего вина. В этой засушливой степи кислое виноградное вино часто употребляли вместо воды. Оно утоляло жажду, придавало сил и являлось хорошим профилактическим средством от болезней. Особенно во время эпидемий холеры.

Это было поселение гагаузов, не так давно обосновавшееся в этих пустынных краях ввиду тяжёлых притеснений со стороны османов. Этот народ говорил на древнем языке турков, почти идентичном языку турок. Люди исповедовали православную веру, и их всячески за это притесняли. За любое неподчинение жестоко расправлялись. Тем не менее этот народ невероятным образом сохранял свою самобытность, язык, культуру. К изумлению офицеров и самих хозяев, генерал легко изъяснялся с хозяевами на их языке. Михаил Илларионович получил первые навыки ещё в Крыму, потом, будучи комендантом Измаила, он по рекомендации светлейшего князя Григория Потёмкина продолжал изучение языка.

Впрочем, денщики заварили свою, более привычную овсяную кашу, сдобрили её густым козьим молоком. Вскипятили воду, приготовили крепкий кофе. Михаил Илларионович умылся, побрился с помощью денщика, переделся в чистую нательную сорочку из белоснежной бязи. Сел за стол.

Не желая обидеть хозяев, попробовал мамалыги, отломив кусочек, обмакнул в покрошенную брынзу, отправил аккуратно в рот. Он по прошлым походам знал эту местную еду. Нельзя сказать, что ему эта пища нравилась, но она была довольно питательной. Ему больше нравилось употреблять её со шкварками, но очень жирная еда ему была тяжеловата, поэтому есть её опасался. Вот в молодые годы он мог её съесть прилично, запивая вином.

Молодая невестка хозяина старалась угодить, прислуживала ему с удовольствием и любопытством. Присутствие такого высокого гостя в их доме было для неё и остальных

домочадцев божьей наградой в их однообразной, нелёгкой и глубоко провинциальной жизни. В праздничной юбке до пят, из-под которой весело выглядывали нарядные домотканые цветные тапочки, в тёмной блузке с бархатной синей вставкой на плечах, расшитой на груди узорами с красными розами, переплетёнными жёлтыми ромашками, с пунцовыми от волнения щёчками, в льняном праздничном платке на голове, повязанном по-селянски, сзади, — она радовала глаз отдохнувшего генерала. Тот весело болтал с ней на её языке, от чего она смущалась и отвечала невпопад. Ему очень хотелось прикоснуться к ней, вдохнуть её аромат. Но, не желая обидеть хозяев, сдерживал свои чувства.

Несмотря на своё высокое положение, окружённый огромным количеством людей, готовых исполнить любое его пожелание, он был одиноким, отрешённым от окружающей жизни. Он не был свободен. Вся его жизнь была у всех на виду. Даже редкие, свободные от службы месяцы, проведённые в семейном кругу, становились в итоге мукой для генерала.

Все ждали от него, прежде всего, материального благополучия, почестей и уважения в высшем свете. Его долгое пребывание в имении означало опалу, а значит уменьшение доходов и провинциальную скуку, что вызывало крепкое неудовольствие домочадцев. Попытки Михаила Илларионовича упорядочить дела в хозяйстве, навести порядок, приструнить вороватых управляющих и приказчиков приводили к ещё большим материальным потерям, семейным скандалам.

Так получалось, что на службе и дома он практически всегда находился под надзором императора или семьи. Все ждали от него исполнения своих вожделений. Император — успешных баталий и роста своего авторитета, семья — материального благополучия.

И если вдруг в отдалении от дома у Михаила Илларионовича появлялась женщина, а они просто не могли не появиться в окружении такого высокопоставленного генерала, то семья чувствовала материальные убытки сразу. В рас-

положение штаба срочно выезжали, чаще всего Елизавета, старшая дочь. Наведя порядок, оставив соглядатаев, возвращалась обратно с плотно набитым кожаным саквояжем, а иногда её отъезд сопровождался загруженным с верхом, закрытым плотной рогожей обозом.

С наездами дочери для генерала наступали чёрные дни и тяжёлая меланхолия. С возрастом он уже не мог обходиться без женского участия и ухода. Так уж сложилось — не Суворов. Тот мог проснуться до рассвета, ополоснуться студёной водой, поесть у костра солдатской похлёбки, запросто уснуть на соломе, заботливо укрытым денщиком простой шинелью.

Но хитрый Кутузов нашёл простой выход. Он просил кого-нибудь из доверенных ему офицеров, чаще всего адъютанта, найти ему заботливую служанку, иногда двух, из местных простолюдинок. Это решало все его жизненные проблемы. Он получал женскую заботу, хороший уход, радости, тёплую постель, небольшие расходы, которые он иногда покрывал за счёт припасённых трофеев.

Грузный генерал уже не был большим героем в постели. Но в объятиях случайной жаркой паненки или развращённой придворным флиртом немки ещё мог соблюсти приличия.

Другое дело — простолюдинки. Заботливые, чистые, смешливые, ласковые, не требовательные: они всё понимали. Поначалу стеснялись, но, пообвыкнув, своё дело исполняли нежно и страстно. Зайдя якобы погасить свечи, тихо и быстро раздевались, юркали к генералу под одеяло с головой. Согрев старого воина, делали своё нежное дело, убаюкав, исчезали из постели, если удовлетворённый ласками господин вдруг не удержит при себе до утра.

Домой, как правило, они возвращались богато одарёнными, сидя гордо на гружённой фуражом и мануфактурой телеге с впряжённым добротным конём, прижимая к полной груди домотканую, шерстяную, расшитую незатейливым узором, тяжёлую от подарков и денег сумку. Особо талантливым служанкам к телеге привязывали корову.

Утром генерал чувствовал прилив сил. Слушая за завтраком доклады дежурных офицеров, он воспринимал действительность по-иному, чем прошедшим вечером. Решения им принимались легко, да и, как правило, были неординарными, смелыми. Офицеры при штабе изумлялись его приказам, дивясь их простоте и гениальности.

Впрочем, его чудачества рождали неприязнь у его противников и завистников. Ухмылки и непристойности были в ходу среди недругов. Но старый дипломат чувствовал интриги на расстоянии. Сам был приличным интриганом. А что делать, таковы нравы высшего общества. Он проявлял холодную сдержанность до поры. И не дай бог какому-либо недоброжелателю опростоволоситься, особенно в бою!

Михаил Илларионович, глянув оценивающе на молодуху, сожалеюще вздохнул, допил кофе, встал, поклонился хозяйкам, обращаясь к адъютанту, попросил по-отечески:

— Братец, расплатись с хозяином и дай команду трубить в поход.

Кутузов медленно двинулся к выходу из горницы. Будто вспомнив, приказал:

— Выдать дополнительно хозяину мешок муки, фунт сахару.

Ещё раз взглянув на молодую хозяйку, поманил к себе, достал из кармана нитку красных бус, надел на белокожую шею крестьянки, с взбухшими от волнения синими тонкими венками. Милые щёчки запунцевели под цвет бусам.

Приведя себя в порядок, одев с помощью денщика походный мундир, накинув тёплый плащ, вышел на крыльцо мазанки.

Конвой был полностью готов к движению. Кутузов медленно сошёл с крыльца, вдохнул полной грудью свежего воздуха, прошёл к карете.

Адъютант раскрыл дверь, помог генералу взойти по откинутым ступеням внутрь. Укрыл ноги пледом. Взял у денщика корзину с приготовленной снедью, уложил в сундучок, вошёл следом, уселся напротив командующего. Дал команду к движению.

Кавалькада тронулась в дальнейший непростой путь.

ГЛАВА 3

Преодолев Траянов вал, колонна остановилась. В нескольких вёрстах находилось место славной битвы войск Румянцова с турками.

К карете главнокомандующего прискакал Каменский в сопровождении усталых, но бодро державшихся егерей.

Адъютант раскрыл дверь кареты. Убедился, что свои, убрал взведённые пистолеты. Впустил майора внутрь. Офицер козырнул, отдавая честь генералу.

— Ваша светлость! — обратился майор к главнокомандующему. — Разрешите доложить по результатам разведки и выслушать мои предложения по дальнейшему нашему продвижению.

— Полноте вам, — ответил, оживившись, генерал. — Соскучился, понимаете ли, по простому человеческому общению. Присаживайтесь, говорите, пожалуйста, я внимательно слушаю.

Каменский откинул полу плаща, присел. Спокойным тихим голосом стал докладывать.

— Во время рейда по территории, контролируемой нашим противником, по моему заданию добровольные лазутчики из местного населения проникли в селения, в которых расположились турки.

Каменский устало откинулся на мягкую, обитую добротным синим сукном спинку дивана. Переведя дух, продолжил:

— Из разговора с крестьянами они узнали, что турки знают о маршруте нашего конвоя. Мало того — туркам известно о том, что вы назначены главнокомандующим армией, они готовятся напасть на конвой с целью пленить вас. Они ждут начала нашей переправы через речку Кагул. И ещё — местное население поведало моим лазутчикам, что к туркам периодически приходят люди из расположения русских гарнизонов. Видимо, турки находятся в тесном контакте с кем-то из Молдавской армии и что-то замышляют.

Майор достал платок с искусно вышитым в углу вензелем, приложил к лицу, вдохнул еле чувствовавшийся аромат душистого французского масла. Устало вытер уголки губ, протёр вспотевший высокий благородный лоб, прикрыл глаза...

Почувствовав лёгкое прикосновение, он открыл глаза. Это денщик легко тронул пальцами его плечо. В руках он держал чашку с горячим кофе.

— Откушайте кофею, господин майор.

Он поставил чашку с горьким турецким напитком на заботливо придвинутый к Каменскому походный столик.

— Где командующий? — заволновался майор. — Я что, уснул? Надо же, как нехорошо. Перед командующим уснул, — расстроился офицер.

— Полноте вам, — денщик придвинул чашку к майору, — он всё понимает и очень уважает вас. Выпейте кофею, он хорошо взбадривает. Михаил Илларионович приказал напоить вас этим напитком, когда вы проснётесь. И ещё обязательно покормить. Есть холодная телятина, отварная курица. Что будете?

Не дожидаясь ответа, он достал из плетёного ящика белую салфетку, стал выкладывать нарезанный козий сыр, мясо, разломал на части холодную отварную курицу. Налил из откупоренной бутылки красного вина. Напоследок отрезал большой ломоть крестьянского белого хлеба.

— Командующий сейчас на военном совете, — тихо проговорил адъютант. — Велел, как покушаете, присоединиться к ним.

— А как долго я спал? — забеспокоился офицер. — Надо идти на совет.

— Нет, нет. Приказано не отпускать, пока плотно не поедите, — запротестовал денщик.

Каменский сопротивляться не стал, тем более что он действительно был голоден. После короткого сна, ободряющего кофе, сытной еды, доброго фужера вина он почувствовал новый прилив сил.

От души поблагодарив денщика, он вышел из уютной кареты. Плотнув прохладного свежего ночного воздуха, на-

правился к светящимся тусклым светом окошкам, к сельской хате.

Козырнув вытянувшегося во фронт постовому, он, дабы не задеть низкую притолоку, снял треуголку, пригнувшись, вошёл внутрь. Постучав, зашёл в горницу.

За большим деревянным столом сидели старшие офицеры. Майор отдал присутствующим честь, хотел доложить о прибытии по форме, но сидевший во главе собрания Кутузов пригласил его к столу с разложенной картой.

— Пока вы отдыхали после исполнения трудных, но очень важных для нас поручений, я ввёл присутствующих в курс дела. Посоветовавшись, мы пришли к мнению, что наше дальнейшее беззаботное прямолинейное продвижение к Бухаресту без принятия мер предосторожности будет легкомысленным с нашей стороны. В результате совещания мы решили принять следующие меры. Подойдите ближе, — пригласил Каменского к карте командующий.

Присутствующие опять склонились над столом, стали сосредоточенно следить за указкой генерала.

Закончив излагать план действий, Кутузов отпустил присутствующих, приказал всем отдыхать до особого распоряжения. Задержал только секунд-майора.

— Я должен вас предупредить, — командующий достал носовой платок, промокнул выступившую из больного глаза слезу, — при существующем командовании Молдавской армией не все довольны моим назначением. Им было комфортно находиться в отдалении от Петербурга. После смерти генерала Каменского стали вести довольно вольготную жизнь, им удавалось неплохо зарабатывать на этой войне. Получая неплохие деньги на содержание армии, практически не беспокоили турок. Военные действия, небольшие стычки совершались, как мне кажется, по договорённости, не считая некоторых недоразумений, которые иногда случались. Это было удобно Ахмету-паше и Ланжерону.

Кутузов встал, подошёл к майору, посеревавшему лицом, продолжил:

– Мы ещё разберёмся, от чего болел и почему умер ваш дядюшка. Будьте бдительным. Возможно, вам встретится человек, скорее всего, европеец, может, француз, скорей всего, не один. Их надо приветить, обласкать, но глаз с них не спускать. По возможности привести сюда. Им нужен я, поэтому будут вести себя мирно, доброжелательно. Помните, они хитры, обучены искусству перевоплощения, подлым приёмам фехтования как шпагой, так и кинжалом, владением тайными приёмами борьбы, освобождением от пут, нанесением смертельных ударов, отменно стреляют, поэтому очень опасны.

Командующий по-отечески положил руки на плечи майора, слегка сжал их. Выдержав многозначительную короткую паузу, тихо проговорил:

– Я верю в тебя, мой друг. Прошу, будь осторожен сам и береги своих людей.

Каменский отдал честь командующему, ловко развернулся, лихо звякнув шпорами, вышел. Слегка взволнованный услышанным, надел треуголку, укутавшись в плащ, отправился в расположение своего отряда. Увидев приближающегося командира, сидевшие вокруг костра казаки почтительно встали. Он, махнув им рукой, попросил не беспокоиться, пригласил всех сесть. Пожилой казак заботливо придвинул офицеру деревянную чурку, укрытую сложенной вчетверо попоной. Подал кружку с горячим, настоящим на травах чаем. Майор попытался отказать, но казак упрямо протягивал напиток командиру.

– Выпейте, господин майор. Успокаивает, силу даёт, хворь отгоняет. Не обижайте. Варевое, может, и грубое, но вам поможет. Уснёте крепко. Нам с вами сила нужна. Вижу, генерал шибко вас озадачил.

Казак достал трубку, пошурудил в костре хворостиной. Выкатив из огня уголёк, взял его пальцами, положил осторожно в трубку, раскурил её. В заключение всей процедуры отряхнул руки от сажи. На пальцах не было никаких следов ожога.

Каменский слышал о разных казацких чудесах, о которых рассказывали с восхищением молодые офицеры, но в натуре

такой фокус видел впервые. Это его сильно позабавило, отвлекло от дум о предстоящих опасных делах. Но от восторгов и расспросов воздержался. Хотя самообладание и сила воли бывалого казака его поразили.

Зато молодые казаки эмоций не сдерживали — восторженно забалагурили. Один из казачков с напускным хладнокровием тоже взял хворостину, выкатил уголёк и попытался взять его пальцами. Его пальцы предательски стали подрагивать, но он, проявляя недюжинное мужество, поднял его. В пальцах уголёк зашкворчал. Громко ойкнув, он перебросил уголёк в ладонь, потом, словно горячую печёную картошку, перебросил в другую руку. Уголёк зашкворчал и в ней, но казачок уголёк не бросил, пытался перебороть боль.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813)

Тут старый казак, шлёпнув снизу по тыльной стороне ладони молодого, выбил уголёк из опалённой руки и ловко поймал его на лету. Спокойно бросил его обратно в костёр.

— Не балуй мне, — прикрикнул он, — тебе шашкой работать этой рукой завтра, а ты и повода удержать не сможешь.

Казак взял руку молодца, развернул к себе, осмотрел при свете костра.

— Отойди в сторонку, помочись на ладони, замотай чистой тряпицей. Поможет. До утра затянет.

Увидев недоверчивый взгляд казачка, недовольно, но уже миролюбиво проговорил:

— Иди, иди. Это первое дело при ожогах. Сам не раз так лекарился... Ну! Чего ждёшь? Бего-ом ма-арш! — скомандовал старшой.

Молодой быстро вскочил, побежал в кусты.

Каменского славно позабавили и в то же время удивили его казаки: «Какая сила в них живёт, какое мужество, величие. Да! С ними нестрашно даже в чёртовом пекле оказаться». Он встал, улыбнулся, поблагодарил за тепло и чудесный чай. Тут же строго приказал всем ложиться спать. Запахнув офицерский плащ, отправился спать сам. Впереди ждали серьёзные дела.

— Ну что, казаки, давай ложиться, — обратился к товарищам Григорий Кожа, — командир у нас строгий и правильный, надо слушать его. Просто так он ничего не говорит. С ранней зарёй нас опять поднимут на дело.

— А то! Чай, России служим, а не басурманам. Сам Кутузов с нами. Он с виду старичок, а так дело знает, хитёр вояка, — молвил рябой казак Силантий Лиходед.

Укладываясь на ночлег, продолжил:

— Сам Александр Васильевич Суворов его уважал, опирался на него в трудный час.

— Недаром царь-батюшка его назначил сюда. Видимо, беспорядок здесь завёлся, — сказал Тимофей Кручёный, казак кряжистый, в бою свирепый, с отметиной на щеке от сабли шляхтича.

— Ничего, Кутузов разберётся. Каждому место своё укажет. Мудрый! Да и мы не в седле деланные, поможем, — ответил Силантий.

Так, переговариваясь меж собой, они укладывались на ночлег, подкладывая под себя колкую солому, покрывая её попоной или рогожей. Укрывались шинелями. Под голову

клали сёдла. Так потихоньку утихомирились. Через мгновение ночную тишину нарушил стойкий храп уснувших казаков. Не спал только караул, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

С первыми отсветами утренней зари лагерь зашевелился. Умывшись, поев хлеба с салом, попив согретого ночным караулом чаю, стали готовить сытых, отдохнувших за ночь коней.

Накинули сёдла, затянули подпруги, подвязали нехитрый походный личный скарб и оружие. Кроме того, каждый нёс ответственность за общественное имущество: кто за порох, кто за пули, кто за точило, кто за казну, кто за инструмент для подковывания копыт... и прочее, без чего не могли обойтись казаки в дальнем походе. Построившись в походный порядок, стали ждать прихода командира.

Тот не заставил себя долго ждать. Вышел из хаты — чисто выбритый, подтянутый, выпавшийся, с начищенными до блеска сапогами, весь какой-то щеголеватый, будто не в голой южной степи, а на смотре в Петербурге на Сенатской площади. Вот только заплаты в офицерском плаще от вражеских пуль да рваных следов от ударов турецких кривых сабель немного портили фактуру. А так ничего, вид геройский.

Майор подошёл к коню. Погладил холку. Достал кусочек колотого сахара, покрытый налипшим карманным мусором, протянул на раскрытой ладони. Конь осторожно взял тёплыми губами лакомство, несколько раз кивнул головой — благодарил хозяина.

Командир согнул левую ногу в колене. Денщик привычным движением подхватил её, посадил офицера вверх. Тот мигом оказался в седле. Вдев ступни в стремя, благодарно глянул на молодого денщика. Приподнявшись над седлом, дал сигнал сотникам приблизиться к нему.

Разъяснил каждому задачу, указал направление движения отряда. Отправил вперёд разъезд во главе с Григорием. Другому сотнику приказал прикрывать тыл во время движения колонны. Дал команду трогаться. Сам, отъехав в сторону, дабы не показаться сентиментальным, тайком перекрестил-

ся, взял под козырёк, гордо подняв подбородок. Он вглядывался в каждого, пытаясь запомнить их лица.

Трижды перекрестившись широким знаменем, казаки тронулись в дальний поход. Невольно выпрямлялись в седле, закручивали усы, выпускали чубы, принимали степенный вид. Чувствовали глубокий взгляд офицера. Держа строй, придерживали ретивых отдохнувших коней, желали выглядеть в глазах майора достойно. С другой стороны, хотели поддержать командира. Весь вид их, геройский, говорил: «Не сумлевайся, отец родной, выдержим любое лихо, не сдадим».

Каменский дождался замыкающих. Поправил треуголку, потянул повод, развернулся в сторону движения колонны. Пришпоренный конь резво понёс седока в начало отряда. Заняв своё место во главе кавалькады, они влились в размеренный общий ритм движения.

ГЛАВА 4

С уходом отряда Каменского, с первыми лучами весеннего восходящего утреннего солнца зашевелился основной гарнизон кавалькады главнокомандующего. Мылись егеря, сербские и русские гусары, приводили себя в порядок пехотные полки, гренадёры, артиллеристы. Чистила коней прославленная в боях конница. Кашевары, установив над жаркими углями ёмкие медные казаны, лили в них колодезную воду для каши и чая. Вскипев, она выплёскивала пенистые брызги на красные угли. Кашевары, работая большими деревянными черпаками, убирали из казанов пену и налетевшую мошкарку с пеплом. Когда в сосудах осталась только чистая кипящая вода, засыпали крупу, не переставая при этом интенсивно помешивать, чтобы крупа не закомковалась. Всыпали соли. Помешав, стали пробовать. Добавили по черпачку смальца* со шкварками.

* Застывший топлёный жир из свиного сала и мелких кусочков мяса.

Старшие казаки, попробовав, одобрили. Добавили из кадки ещё пару половников топлёного свиного жира, сушёной приправы и духовитых трав. Потом всыпали нашинкованного репчатого лука и мелко накрошенного местного овечьего сыра. Через мгновение каша захлопала ленивыми пузырями.

Кашевары, работая до седьмого пота, усердно мешали деревянными лопатами варево. Не дай бог пригорит! Достанется всем тогда на орехи. А если уследят, то и похвал будет немало, глядишь, кто и чаркой благодарно угостит. Хотя это редко случается. Всё больше с матюгами чёртову мать кашеваров поминают. Сегодня с утра на чарку им рассчитывать не приходится. Каша нынче с утра без мяса будет. А кто за такую чарку поднесёт? Мясо, дай боже, в обеденное время и в вечерю будет. И то — если время на готовку дадут.

Залив водой угли под казанами, в которых чай будет, остановили кипение. Хотя какой там чай? Так, травы сушёные полевые добавят, липовый цвет всыплют или сухой смородиновый лист, накроют холстом, чтобы запарилось как следует, в округе духовито становится. Вот офицерам чай положен. Но им денщики готовят отдельно. Ещё кофею мудрёно варят. Дух от него по всей округе разносится, но солдатики этот дух плохо переносят. Носы воротят. Табачком спасаются. Закурят трубки — и довольны. Все благородные запахи дымом из трубок перебивают. Хорошо.

Сегодня утренняя каша удалась, хоть и без мяса. Ничего, салом припасённым подкормились. Теперь сытно.

Зачерпнув кружками духовитого травяного чая, добавили мёду, оставили малость остудиться. Достали трубки, набили табачком, раскурили от угольков. Сделав по пару затяжек, отхлебнули чая из кружки и так прихлёбывали, пока трубка не загаснет. Быстро допив остаток чая, ополоснув посуду и убрав в солдатскую котомку, бежали до ветру.

В нужники ходили редко, всё делали в кустах. Хотя офицеры крепко ругались за это безобразие, могли и по скуле крепко дать, но на воздухе лучше, душевней как-то, чем в походных вонючих отхожих местах.

Прерывисто запел рожок. Созывали унтер-офицеров. Видимо, передышка закончилась, пора в дорогу, командующего сопровождать в город Бухарест.

Наиболее опытные достали оружие, взялись чистить, протирать замки, шёлкать курками. Вчера прежде, чем лечь спать, они проделали с личным оружием всё в точности так, как и сейчас. Но что делать, очень много зависит от него, а самое главное — жизнь. Сколько голов полегло зазря от лени. Проверяли пороховые бумажные патроны в сумках — не отсырели ли от утренней росы, на месте ли пули?

Протерев для порядка шомполами стволы, заглянули внутрь, ловили узким отверстием отблески от света костра. Убедившись, что всё чисто, скусили зубами конец патрона, опустили в ствол. Отправили следом пулю, потом пыж. Всё вогнали глубоко внутрь, к курковому замку, шомполом. Как следует уплотнили. Вернули шомпол на место. Осталось взвести курок, вставить в запальник капсюль — и можно стрелять. Но это по команде. А так, в походном положении, для безопасности лучше без капсюля.

За ними тянулась молодёжь. Не совсем умело проделывали всё точь-в-точь, как старшие. Во всяком случае старались, следуя их примеру.

То же проделывали гренадёры, драгуны, уланы. Никому не доверяли своё оружие сербские гусары, сами точили сабли, перезаряжали дорогие, подаренные отцами пистолеты.

Держась особняком, точили свои шашки казаки. Между делом, на зависть молодым и слегка заносчивым гусарам, залихватски крутили шашки, перехватывая на лету из правой руки в левую. Жонглировали, заносили за спину, крутили вокруг себя.

Крутить так свои сабли, снабжённые защитными гардеми, было несподручно, но возможно. Шашки имели другую конструкцию. Без защиты руки, но с отбойниками в начале рукояти, с внушительным набалдашником и выемкой для упора руки в заднике, они как раз и позволяли легко перекидывать мастерски клинок из одной руки в другую. Для этого требовались постоянные упражнения, что казаки с

удовольствием проделывали, удивляя своим искусством невольных наблюдателей.

С возвращением унтеров все художества разом прекратились. По команде убрав оружие, оседлали коней, стали строиться в походную колонну. Через мгновение всё было готово к дальнейшему движению.

Как только затрубили горнисты, кавалькада командующего тронулась в путь.

К удивлению привычных ко всему рядовых вояк, в колонне оказалось две кареты: в которой находился командующий армией — было не понятно. Шторки в каретах были плотно прикрыты.

Проехав вёрст двадцать, одна из карет отклонилась от общего маршрута и через версту скрылась, свернув по просёлочной дороге влево. За ней свернули гусары и небольшое подразделение казаков. Ещё через версту отклонились от маршрута егеря на телегах и часть полковых артиллеристов с парой пушек и припасами. Они так же скоро потерялись из вида, свернув по просёлочной, еле видимой в траве дороге.

Но никто не проявил к этим манёврам никакого интереса. Дело военное. Так, видимо, надо. Кавалькада продолжала двигаться по своему маршруту, к городу Бухаресту.

Переправа через речку Кагул не потребовала много времени. Видимо, предыдущие переправы в этом месте русских войск явились хорошим уроком, в дислокациях были указаны прямые рекомендации по организации переправы через неё. Сапёры заранее приготовили материалы для изготовления надёжных мостков для преодоления болотистых берегов. Заранее были заготовлены понтонные настилы, по которым спокойно, без эксцессов были переправлены войска и даже тяжёлые обозы с артиллерийскими зарядами и пушками, не говоря об обозах с провиантом, питьевой водой и прочим войсковым имуществом.

Но впереди их ждала ещё одна переправа через реку Прут, с беспокойным течением мутных вод, стекающих с Карпатских гор, ещё покрытых в это время слежавшимся тающим снегом.

ГЛАВА 5

После пустых Буджакских степей природный ландшафт стал меняться. Появились лёгкие лесные массивы с редкими елями и соснами, наряженные в сочную зелёную хвою, но больше вдоль дороги и на холмах высились пирамидальные тополя и размашистые, с толстыми стволами софоры. Всё чаще стали встречаться огромные дубы и такие родные русскому человеку берёзы. Они ещё были без листвы, но обильно набухшие почки давали знать, что скоро придёт тепло. Всё-таки ещё ранняя весна стояла, но солнце днём уже грело с душой, даже пот порой пробивал. Но это, скорей, от быстрого продвижения колонны по пересечённой местности, усеянной скалистыми холмами, болотистыми оврагами, заросшими кипарисами. В низинах было много прошлогоднего сухого камыша, кустарниковых акаций и тёрна: чуть зазеваешься и окажешься в их цепких ветвях, усеянных длинными колючками. Выбраться из них стоило труда и крови от глубоких царапин. Иногда буквально из-под конских копыт выскакивали испуганные беременные кабаньи самки. С трудом передвигаясь, они пытались бежать от неожиданной напасти, спасая своё ещё не родившееся потомство. На помощь им спешили разъярённые секачи. Удар их клыков мог сильно повредить лошадь. Попав в такую неожиданную передрыгу, седоки стали сторониться таких низин, пытались объехать их по краю вокруг. И то правда — времени много не сэкономишь, а хлопот ненужных обретёшь.

От такой дороги наступала усталость, тем более что время перевалило далеко за обед.

Понимая ситуацию, командиры дали сигнал к привалу. Расседлали коней. Пустили пастись молодой сочной травой. Пить пока не давали. Пусть остынут от тяжёлого перехода. Пораненных колючими шипами акаций заботливо смазывали пахучими мазями.

«Так было всегда, — про себя размышляли усатые вояки, — сначала внимание коню, потом оружию и амуниции,

а только потом и о себе можно позаботиться». Но на себя времени не всегда остаётся. Зачастую приходится в седле испытать водицы, съесть краюху хлеба с луком и салом. Отцы-командиры спешат, торопятся. Сами не всегда успевают поесть, всё за картами шепчутся, раздумывают, на солнышко поглядывают, хмурятся на наступающие облака. Как бы дождь или другое ненастье в пути не захватило. Места чужие, от России-матушки далёкие, закордонные. Нужно быть настороже.

Но в этот раз отдохнуть подольше дали. Заслужили солдатики, не подвели. Вон сколько вёрст преодолели без передыха. Молодцы все. Особо ответственные офицеры прошлись по бивуакам, благодарно похлопали по уставшим плечам старых вояк, молодых потрепали по стриженным макушкам, поддержали добрым словом. Для многих из них это был первый дальний поход. Кашеварам разрешили вскипятить чаю, а пока для придания бодрости приказали выдать по чарке водки и вскрыть бочонок солонины. Солдатики с удовольствием натёрли солёное мясо чесноком, нарезали его небольшими кусками. Выпив заслуженную чарку, с удовольствием заедали пахучей сочной солёной свининой. Но какой бы ни был привал, он всегда кончался неожиданно. И правильно — разомлев, тяжелей было бы подняться.

После сигнала к продолжению движения все быстро оправились, запрягли отдохнувших и пощипавших вдоволь молодой травы коней, направились занимать своё место в колонне. Вот только Кутузова что-то не видели. Из кареты за время привала так никто и не вышел.

По команде кавалькада бодро двинулась вперёд.

Проехав на двадцать вёрст, карета с главнокомандующим свернула с просёлочной дороги к югу, увлекая за собой по еле заметной наезженной ранее дороге казачью сотню и десятка два оседлых егерей, вооружённых тяжёлыми фузеями и солдатскими палашами, не считая пристёгнутых к пояскому ремню штыков. Споро двигаясь, скрылись из зоны видимости основной колонны. Вскоре впереди заблестело русло реки.

Высланная вперёд разведка, изучив спуск к реке, вскоре вернулась. Есаул доложил офицерам рекогносцировку и промеры глубин. А это была река Прут, с быстрым течением ледяной воды, неожиданно возникающими опасными водоворотами.

Предстояла нелёгкая переправа, с множеством вопросов о её безопасном преодолении.

Из кареты главнокомандующего никто не выходил, только в какой-то момент пошевелилась штора. Изнутри за действиями конвоя внимательно наблюдали, но не вмешивались.

Получив инструкции, казачий разъезд, разделившись, ускакал. Остальные спешили, полезли в вещевые мешки. Достали инструменты, топоры с короткими рукоятями, разобранные лучковые пилы. Раздевшись по пояс, благо погода позволяла, собрали пилы, отправились в редколесье. Оглядев деревья, выбрали нужные, стали рубить, распиливать на брёвна. Через некоторое время вернулись разъезды, вместе с ними десятка два местных мужиков на телегах, гружённых пиломатериалами, со своими привычными для них инструментами — прочными верёвками, коваными железными скобами, гвоздями и прочим материалом. Не теряя времени, взялись за работу по изготовлению переправы.

Зоркий егерский дозор заметил на противоположном пологом берегу шевеление сухого камыша. Кто-то за их действиями внимательно наблюдал. Егеря стрелять не стали, но проявили беспокойство. Дали понять, что обнаружили недружеское наблюдение.

Быстро соорудили небольшую пороховую ракету. Подожгли запал, пустили. Сухой камыш на том пологом берегу сначала задымил, потом занялся огнём. Наблюдатели беспорядочно, не скрываясь, ретировались прочь. Противоположный берег обширно заволочло серым дымом.

Майор одобрительно пригладил усы. Пока есть дымовая завеса — хорошо бы переправиться. Всё меньше глаз будет за ними наблюдать. Неприятель где-то рядом и следит за нами. Что-то замышляют. Хотя всё и так понятно: им нужен Кутузов.

Каменский, а это был он, понимал, что они вступают в зону военных действий.

Переправа была организована сапёрами должным образом. За исключением некоторых моментов, когда деревянные понтоны не могли выдержать быстрый поток. Тем не менее всё было вовремя исправлено без нанесения серьёзного ущерба имуществу кавалькады.

Хотя некоторые продовольственные грузы были подмочены.

ГЛАВА 6

Турецкие лазутчики, после их обнаружения, бросились прочь от реки по болотистой пересечённой местности к своим стреноженным коням, укрытым в густом перелеске за сухим полем камышей. Задыхаясь дымом подожжённого гяурами сухого прошлогоднего камыша, они растреножили встревоженных от едкого дыма коней, вскочили в сёдла, бросились быстрым галопом прочь, спасаясь от огня и дыма.

Они спешили к Дунаю, там скрывались разведчики сипагов*. Сам верховный визирь Ахмет-паша отправил их отряд с заданием — выследить кавалькаду русского генерала Кутузова, пленить его или уничтожить. Он был опытным воином, недавно назначен русским царём Александром I главнокомандующим Молдавской армией, поэтому очень опасен для турок. К тому же французы проявили очень большое беспокойство по поводу этого назначения. Прибывший военный атташе Анжели пообещал за голову Кутузова крупное денежное вознаграждение золотом от самого Наполеона. Вот и старались сипаги. Деньги всем нужны.

Вечером в сумерках уставшие разведчики прибыли к лесу на берегу Дуная. Стараясь быть незамеченными, они, не привлекая к себе внимания, узнанные охраной, спешили, тихо подошли к шатру чорбаджи, их командиру.

* *Sinag* — всадник. Сипаги — тяжёлая конница в турецкой армии.

Командир турецких разведчиков выслушал доклад усталых лазутчиков. Задал несколько вопросов. Говорил он, соблюдая осторожность, вполголоса.

— Кач инсан гяурда сиз гёрдюнюс? — поинтересовался количеством увиденных ими солдат у русских гяуров.

Потом спросил о количестве коней, имеющегося оружия и его типах.

— Гёрдюнюсь мю бююк тюфек, пушкасы? Кач бегирь вар? — задал последний вопрос разведчикам чорбаджи о наличии у русских крупнокалиберных ружей и пушек.

Получив отрицательный ответ, отпустил лазутчиков отдыхать.

Отдав честь командиру, почтительно склонились перед ним и, пятясь, вышли из командирского шатра на воздух. Переведя дух, смахнули пот со лба. Тихо отправились к своему походному солдатскому шатру.

Через пару минут, упав в загодя заготовленное и устеленное в шатре сено, они дружно захрапели в крепком сне.

Перед рассветом караул, по команде чорбаджи, не производя шума, поднял отряд. Через час, наскоро поев и совершив утренний намаз, разведчики привычно оседлали коней. Ждали выхода командира. Его конь, приготовленный к походу заботливым оруженосцем (или селихдаром по ранжиру турецкой армии), нетерпеливо перебирал копытами у входа в шатёр. Пожилой, но ещё крепкий сипаг с трудом удерживал её. Через минуту, решительно откинув шерстяную полу входа, вышел чорбаджи. В чёрной накидке и такой же чёрной чалме, с кривой саблей в ножнах, с двумя пистолетами за поясом и кинжалом он ступил на заботливо подставленное колено оруженосца, ловко оседлал лошадь. Приняв поводья, махнул зажатой в руке камчой, подал команду и указал направление движения.

Сначала медленно, потом, выехав из лесных зарослей в степь, перешли в быстрый галоп. Удалившись от лагеря, дабы не утомить преждевременно коней, перешли на спорую рысь.

К полудню добрались до поймы Прута. У перелеска спешили. Устроили привал.

Чорбаджи безмолвно дал знак, подзывая к себе старших вполголоса (в степи каждый посторонний звук разносился далеко), стал разъяснять обстановку, выдавая задание каждому звену. Внимательно слушая командира, разведчики согласно кивали головой, давая понять, что поставленную задачу поняли.

Через некоторое время, напоив коней, наскоро перекусив лепёшками, отправились исполнять полученные поручения чорбаджи. Все они касались вопроса разведки и рекогносцировки местности их нахождения, а самое главное — обнаружения кавалькады русского генерала.

Через два часа стали возвращаться первые лазутчики. Старшие дали краткие отчёты по обследованным ими территориями, указали приметы на карте чорбаджи. Пока следов гяуров не было обнаружено. С прибытием ночных разведчиков, которые были не новичками в этом районе (именно они обнаружили переправу русских через реку), все оживились.

Прибывшая передовая разведка действительно обнаружила движущуюся по степи кавалькаду русских. Самое главное — в центре колонны двигалась на мягких рессорах карета, которую охраняла сотня казаков, егеря на телегах, с ружьями наготове. Замыкали движущуюся колонну отряд сербских гусар да пара артиллерийских орудий, что было неожиданно и крайне неприятно. Турки не раз на своей шкуре чувствовали силу и способности русских артиллеристов.

Указали на карте точное место расположения и направление движения кавалькады. Чорбаджи серьёзно задумался. Ситуация складывалась непростая. До зоны постоянного патрулирования русскими войсками оставалось, на английский манер учёта длин, не более тридцати сухопутных миль. Следовательно, времени на всё было в обрез. Приступить к пленению или уничтожению Кутузова нужно немедленно.

Через мгновение, подумав и взвесив ещё раз сложившуюся ситуацию, он решился. Подозвал старшин. Представил им план операции по захвату кареты. Распределил обязанности.

Согласно его плану две сотни сипагов отправятся к густо заросшему овражистому перелеску и устроят там засаду.

Остальные залягут вдоль дороги и будут ждать приближения колонны гяуров. Используя момент неожиданности, дадут залп из ружей и кинутся с оголёнными саблями на русскую кавалькаду, попытаются пробиться к карете. Русские, скорей всего, в бой не вступят, погонят карету к перелеску, туда, где их встретят засевшие в засаде основные силы.

Самое главное — используя эффект неожиданности, не дать гяурам возможности развернуться и воспользоваться пушками. В случае сопротивления приложить все силы и захватить карету. Прикрываясь ею от русских ядер (не станут же гяуры стрелять по карете Кутуз-паши), уйти в сторону перелеска под прикрытие засады.

— Мехмет! — позвал своего помощника командир. — Займи со своими людьми скрытную позицию по ту сторону предполагаемого продвижения русской колонны. По моему сигналу нападёте. В живых никого не оставлять, в плен не брать, нужен только тот, кто в карете.

Не дожидаясь ответа, махнул рукой, давая понять о начале действий. Мехмет послушно развернул коня и ходко поскакал в указанном направлении, увлекая за собой свою сотню.

Через некоторое время в степи всё затихло. Только тихий ветерок гулял, качая прошлогоднюю сухую траву и молодые зелёные листики, которые только-только выбились из набухших почек редких кустарников. Ничто не выдавало присутствия немалого количества залёгших и замаскировавшихся людей, даже уложенные седоками набок вымуштрованные кони не нарушали тишины. Только пряли чуткими ушами, ловя звуки сусликов и повизгивание спаривавшихся зайцев. Высоко в небе заливались песнями жаворонки, привлекая подруг. Запах весенней степи пьянил всё живое, приглашая к продолжению и зарождению новой жизни.

Вдруг всё замерло.

Неожиданно с шумом испуганно выпорхнула из гнезда перепёлка. Через мгновение послышался глухой шум топота коней. Это двигался казачий дозор. Приблизившись к зоне замаскированной засады турецких лазутчиков, они ничего подозрительного не заметили или делали вид, что

не заметили. Но примятая степная поросль выдавала, что недавно здесь кто-то был. Один из казаков остановил коня, спешился. Потрогав крепления седла, не ослабли ли, ласково похлопал по каштановому крупу, слегка поддал коленом снизу по животу, конь послушно подобрал брюхо. Подтянув подпругу, он вскочил в седло, прищпоривая животину, стал догонять дозор.

Через некоторое время в степи опять зашевелились беспокойные зайцы, стали посвистывать суслики, озабоченно заворковали перепёлки. Как будто никого чужого и не было. Только в примятой траве валялась будто случайно обронённая льняная тряпица, с вышитыми женской рукой вензелями.

ГЛАВА 7

Кавалькада неспешно продолжала своё продвижение. Впереди, как положено, шёл авангард отряда.

Один из верховых подал рукой знак внимания. Все ментально насторожились. Не вызывая внешне какого-либо беспокойства, стали готовиться к бою. Офицеры поправили пистолеты, остальные тоже принялись готовиться к бою. Досыпали в стволы ружей пули, вставляли капсюли. Движения не прекращали. Казаки взяли наперевес пики, зорко вглядывались в степные окрестности. Егеря держали свои фузеи, готовые в любой момент пальнуть по кустам.

Вдруг левее над кустами появились турецкие стрелки. Раздался залп из ружей. Тут же упали ниц в траву, следом появились другие. Раздался повторный ружейный залп.

Несколько верховых из конницы русских пали, сражённые меткими выстрелами турецких стрелков. Жалобно заржали, заметались от боли раненые кони. Из-за пороховых дымов, словно из-под земли, со сверкающими на солнце кривыми саблями, вылетела конница турок. С устрашающими воплями, криками, громкими возгласами, взывая к Аллаху о помощи, помчались к центру колонны.

Но русские воины были уже готовы к нападению. Егеря, по команде офицера, рассыпались по степи веером. Припав на колени, дали залп из своих ружей по коннице турок. Тут же вторая шеренга дала повторный ружейный залп по засевшим в кустах стрелкам противника. Наперерез турецкой коннице понеслись казаки с зажатými под мышками пиками.

Завязалась отчаянная сеча.

Раздались залпы турецких ружей из кустов с противоположной стороны, но и тут егеря были готовы, повели ответный огонь по хилому перелеску с засевшими там турецкими стрелками. Завидев конницу османов, вылетевшую лавиной из перелеска, им навстречу полетели на своих рысаках сербские гусары и уланы.

Бой был в разгаре.

Звенели сабли, тут и там раздавались пистолетные и ружейные выстрелы, крики раненых, жалостное ржание погибающих коней. Казаки, окружив карету командующего, стали выводить её из зоны боя, погнав к спасительному лесу. За ними устремились артиллеристы со своими орудиями. Их прикрывало с десятков конных гусар.

Турки, заметив уходящую в сторону леса карету гяуров, подчиняясь командам чорбаджи, сдерживая натиск русских, понемногу стали отступать к перелеску, увлекая за собой основные силы яростно дерущихся гяуров.

Карета, увлекаемая казаками, уверенно двигалась к лесу. Когда до спасения осталось совсем немного, раздались дружные ружейные залпы. В лесу их ждала засада. Оттуда вылетела с обнажёнными тяжёлыми килиджами* турецкая сотня. Возможности их встретить достойно у казачков было маловато. Но тут закричали артиллеристы. Поняв их, казаки резко разделились и разошлись дугами в стороны.

Перед конницей сипагов вдруг открылась пара грозных орудий. Это канониры, молниеносно оценив ситуацию, резко остановились, развернули орудия и, быстро зарядив шрапнелью, дали сигнал казакам. Как только те, не останав-

* *Килидж* – разновидность сабли с широким окончанием лезвия.

ливаясь, рассыпались в разные стороны, дали оглушительный залп. Турки, напоровшись на смертельную шрапнель, с воем и криками посыпались на степную землю. Казаки быстро сориентировались и, пока канониры заряжали орудия, не останавливая коней, сходу налетели на сипагов. Успев порубить с десяток вражеских всадников, опять рассыпались по степи. Грохнули пушки, свалив десятка два всадников. Округа покрылась чёрным дымом. Используя дымовую завесу, казаки снова ударили с набега пиками, затем, выхватив шашки, лихо завертели ими, налетая на сипагов в доспехах.

Те были не так просты. Разлетелись по сторонам, обогнули казаков и с ходу обрушили кованые булавы на чубатые головы сынов Дона. И хоть сильно поредела турецкая конница от шрапнели пушкарей — всё равно их было много больше.

Услышав сигналы канониров, казаки опять рассыпались по степи, обнажив тяжёлую турецкую конницу. Опять посыпались турки с коней, напоровшись на залп полковых орудий. На помощь казакам пришли гусары. До последнего бойца сражалась отважная конница, защищая артиллеристов, немало уронили в сухой ковыль пеших янычар и свирепых сипагов, но силы были не равны.

Тем временем чорбаджи, заметив схватку у кареты, оставил часть своих бойцов для сдерживания основных сил русских, двинул остальных к месту боя за карету русского генерала. Всё-таки захват Кутуз-паши являлся основной целью.

Настигнув уходящую карету, турки разделились и с двух сторон окружили карету. Завязалась ещё одна кровавая схватка, в результате карета была с трудом остановлена. Соскочив с коней, чорбаджи с несколькими своими янычарами подбежали к беспомощно стоявшей карете. Отрыв дверь, с ходу ворвались внутрь. Схватили сидящего на диване, укутанного в дорожную шубу, в покосившемся парике, оглушённого пассажира и выволокли его наружу. Надели холщовый мешок на голову. Подбежавшие селихдары, оруженосцы сипагов, взвалили пленника поперёк спины коня и спешно поскакали в лес под прикрытие засады.

Русские, увидев, что генерал пленён, и поняв, что всё кончено, стали отступать в степь. Турки сначала преследовали отступающих, но потом оставили их и, дав дугу по степи, бросились догонять свои основные силы, испуская восторженные возгласы, торжествуя победу и славя Аллаха.

В степи опять всё стихло. Перепуганные зайчихи и озбоченные куропатки ещё долго не могли успокоиться, тихо сидели в своих насиженных гнёздах. Вокруг, в израненной (и от этого печальной) сухой степи раздавались тихие беспомощные стоны смертельно раненых людей и ещё долго слышались хрипы издыхающих коней

Высоко в небе продолжали петь свою жалобную песню жаворонки.

Влетев в лес, турки остановились, осмотрелись. Найдя свою, ранее протоптанную тропу, довольные успехом, остатки уставшего отряда во главе с чорбаджи двинулись к своему лагерю.

Вдруг привязанный поперёк коня пленник очнулся. Что-то замычал, задёргал связанными руками, ногами. Но останавливаться не стали. Спешили уйти в своё потаённое место. Остерегались погони.

Не могли русские воины так просто оставить своего прославленного генерала. Но что-то погони не чувствовалось. Озадаченный бездействием русских чорбаджи почувствовал неладное, остановил продвижение. Приказал развязать пленника, всё-таки пожилой человек.

Воины послушно перерезали верёвки. Осторожно, придерживая, спустили с коня на землю генерала. Сняли накиннутый на голову мешок, сорвали растрёпанный парик и обомлели. Это был не генерал, а их же соотечественник, который ранее пропал, когда отошёл из лагеря по нужде.

Убешённый чорбаджи, поняв, что его обманули, с размаху безжалостно полоснул своей дорогой саблей по шее непутёвого воина. По траве покатилась отсечённая голова, окропляя землю рубиновой кровью.

Убедившись, что довольные успехом турки покинули место боя, часть русских воинов вернулась подобрать тела своих товарищей.

Осмотрелись. Выставив дозоры, стали грузить подошедшие телеги. Дойдя до места боя артиллеристов, привыкшие ко всему воины ужаснулись. Вокруг валялись изуродованные туши коней и их наездников — как турок, так и русских. Погибших от взрыва турок было много больше. Осилив немногочисленных казаков и пришедших им на помощь сербских братушек, турки добрались до пушкарей.

Окружённые канониры, не желая сдаваться, в последний момент взорвали свои орудия и пороховые запасы. В центре находились разорванные стволы пушек, размётанные части лафетов, неиспользованные чугунные ядра и другие заряды. Останков артиллеристов почти не осталось, только кое-где среди дымящейся сухой травы виднелись окровавленные части тел. Видимо, в последний момент жизни они сгрудились вокруг орудий и взорвали их. Так героически закончили свою жизнь русские артиллеристы. Но нашлось немало раненых — как русских, так и турецких воинов. Оказав им посильную помощь, погрузили в телеги. Отправились догонять отряд.

Тем временем, следуя хитроумному плану Каменского, Кутузов в сопровождении небольшого отряда казаков следовал совершенно по другому маршруту, пусть и более длинному, но безопасному. Огибая населённые пункты, скрываясь от любопытных глаз, они приближались к условленному месту встречи.

Утомлённый нелёгкой дорогой, генерал задремал. Он знал, что его уже ожидают в ста вёрстах от Бухареста и остаток пути контролируется казачьими разъездами. Ничто уже не могло помешать прибытию назначенного Александром I командующего Молдавской армией Голенищева-Кутузова в ставку.

Не желая показаться встречающим усталым, а то и измождённым трудной дорогой, Михаил Илларионович решил перед встречей поспать. Любезно попросив адъютанта привести мундир и прочую амуницию в порядок, быстро уснул, уложив седую голову на заботливо подложенную походную подушку.

ГЛАВА 8

Встретил командующего лично генерал-лейтенант Ланжерон с небольшой свитой.

Михаил Илларионович предстал перед встречающими при полном параде, в мундире, с орденами. Выслушав доклад генерал-лейтенанта, отдал честь, поприветствовал встречающих. Довольный встречей, пересел в предоставленную ему роскошную карету вместе с Ланжероном.

Не желая терять времени, потребовал карту, стал изучать дисклокацию, внимательно слушал пояснения, задавал вопросы. Его интересовало всё: организация снабжения войск провиантом, вещевым довольствием, боеприпасами, настрояние личного состава, лояльность местного населения. Особенно интересовало состояние войск противника, его боевая активность. Ланжерон ужасно плохо изъяснялся по-русски, он так и не смог выучить варварски трудный для него язык. Он пытался изъясняться с ужасным акцентом. Отчего его изъяснения были не понятны и от того смешны. В результате перешли на французский.

Получив предварительное представление о существующей стратегической обстановке, Кутузов распорядился убрать карту. Попросил у денщика чаю.

Карета, мерно покачиваясь на мягких рессорах, приближалась к Бухаресту. Кутузов, промокнув платком выступившую из большого глаза слезу, отхлебнув тёплого чая, откинулся на мягкую спинку дивана. В карете наступила тишина. Командующий, прикрыв глаза, размышлял.

Ланжерон, озадаченный задремавшим Кутузовым, тоже притих.

Карету слегка качнуло на ухабе. Кутузов, не открывая глаз, проговорил, обращаясь к Ланжерону.

— Александр Фёдорович. Пожалуйста, по приезде распорядитесь о майоре Каменском и его людях. Устройте им ночлег, покормите, хорошо бы баню. Потрепало их, путь выдался непростым. Слышал, наши полковые пушки били.

И опять затих, будто в дрёме. Но Ланжерон чувствовал, Кутузов не спит, видимо, думает.

А думать Михаилу Илларионовичу было о чём. Задача пред ним стояла непростая. Какого-либо участия от государства ждать не приходилось. Наоборот: в Русской армии от него ждали помощи. Предстояло вторжение мощной армии Наполеона. Только одну половину численности наполеоновских войск составляли французы, вторую половину — части европейских государств: испанцы, поляки, австрийцы и другие. У России союзников почти нет, только внутренние резервы. Да ещё вялотекущая война с Турцией была совсем не к месту. Нужно было во что бы то ни стало отстранить Османскую армию от участия в боевых действиях на юге. В то же время сохранить численность и боеспособность расположенной здесь Молдавской армии. Дабы скорей переправить её основную часть к главным силам.

Офицеры штаба армии ничего хорошего от Кутузова не ждали. До них доходили слухи о неудаче в битве под Аустерлицем. Да и сплетни о недоброжелательном отношении императора к Кутузову не шли на пользу генералу. За глаза, в кулуарных беседах, высказывания царя делали командующего союзных сил главным виновником в поражении. Но все знали — фактически всё руководство армией взял на себя Александр I. Михаил Илларионович не мог перечить государю. Он только наблюдал, исполнял и всячески негласно, незаметно выправлял ошибки молодого и амбициозного императора. И только в последний момент он сумел сколотить вокруг себя небольшой отряд и практически вызволил Александра из неминуемого плена. Парадоксально, но он стал невольным свидетелем позора императора, и это вызвало чувство неприязни к нему.

Дунайская армия ждала решительных действий со стороны нового командующего. Офицеры, ограниченные своим провинциальным пониманием, решили, что приказ о реорганизации Молдавской армии и новое назначение Кутузова главнокомандующим Дунайской армии — это есть форма его ссылки, а генерал должен развернуть бурную деятельность,

дабы вернуть себе расположение императора. Это не сулило им ничего хорошего, только лишнее беспокойство и окончание спокойной, размеренной жизни.

С первым ранним утренним светом карета въехала на мостовую Бухареста. Стало потряхивать. Плохонькая ухабистая булыжная мостовая говорила, прежде всего, о неважном экономическом состоянии этого небольшого государства. По бокам мостовой тянулись небольшие выбеленные известью мазанки. В разноразной лаляли потревоженные цокотом копыт дворовые собаки.

Поместили Кутузова в доме влиятельного валашского боярина Константина Варлама. Он ранее служил офицером в Апшеронском полку, долгое время жил в Петербурге, а затем в Москве. Дом его был для Кутузова приятным для пребывания. Варлам неплохо разбирался в русских обычаях и смог обеспечить Михаилу Илларионовичу достойное пребывание, в том числе и кухню. Они могли свободно общаться на русском языке, подолгу беседовали.

К удивлению офицеров, Кутузов не предпринимал никаких бурных действий. Знакомился с обстановкой, приглашал командиров на доклад. Внимательно выслушивал, вопросов не задавал. Собирал сведения о противнике. Интересовался передвижениями в турецкой армии. Присматривался к её командующему, великому визирю Ахмет-паше, его окружению, следил за его перемещениями, местам его частых пребываний. Особенно интересовался качеством войск османов, местами дислокации и наибольшего их скопления.

Его интересовали не только турки — не меньше его тревожили дела в своей армии. Изучал местные нравы, сложившиеся отношения между старшими офицерами. Приглядывался к зрелым офицерам, изучал молодёжь. Интересовался содержанием солдат, их обучением. Осматривал состояние артиллерии. Не пропускал вопросы содержания армейской кавалерии, казаков. Побывал на лансонах*

* Речные боевые беспалубные гребные суда с пушками или мортирами на носу и корме.

Дунайской флотилии. Распорядился о немедленном ремонте плавсостава, приобретении новых гребных судов, их вооружении. Чем вызвал удивление у офицеров речной флотилии. До сих пор они были огорчены несерьёзным отношением к ним предыдущего командования. Доходило даже до использования боевых судов в увеселительных прогулках с дамами на острова, что являлось унижением для боевых моряков.

Но уроки и подвиги флотилии адмирала Осипа де Рибаса под Измаилом не были забыты Кутузовым. Поэтому его и беспокоило состояние кораблей Дунайской флотилии. Быстрая доставка и высадка десанта, поддержка войск мобильной артиллерией, блокирование противника с воды — это всё может речная флотилия.

Общая же ситуация для армии на Дунае не была благоприятной. Турецкая армия состояла из двадцати тысяч солдат, ожидалось прибытие ещё сорока тысяч. Кутузов, имея предписание императора, отправил половину Молдавской армии к западной границе. Русских солдат осталось сорок шесть тысяч. Из них приличная часть находилась постоянно в ключевых крепостях Силистрия, Рушук, Базарджик, осуществляла их оборону. Взятые тяжёлыми кровопролитными штурмами, ещё под руководством братьев, генералами Каменскими, они лежали тяжёлым бременем на плечах армии. Там генерал пока не бывал, но всю подробную информацию получал регулярно. Ему были даны рекомендации — держаться скромного поведения, дабы сохранить армию, и он держался обещания, которое он дал императору перед отъездом.

Вот и сейчас он ждал приглашения к вечерней трапезе. Частенько заезжали «на огонёк» знатные люди Бухареста, или по-местному — Букурешти. Дом Варлама стал центром внимания у местной знати. Заезжали и именитые люди из провинции.

Белошвейки, портные, торговцы швейной мануфактурой и ювелирной безделицей сбились с ног, готовя наряды дамам и их дочерям. Такого счастья у них не было давно. Дорогое

сукно, тонкие кружева, разные бронзульки* уходили за баснословные деньги.

Тут же крутились захудалые дворяне, мелкие владельцы земель, ища лазейки для продажи своей крестьянской продукции. Фураж для русской конницы, пшеница, мясо и другие продукты, пеньковые канаты, изделия из древесины, уксус для чистки и охлаждения пушек, изделия из кожи, сёдла, сбруи, грузовые телеги и прочее — всё поначалу было в цене. По мере заполнения складских магазинов цены стали падать. Все торопились любыми путями успеть сбыть товар до начала серьёзных боевых действий. На их территории сошлись две богатейшие страны, вернее, их армии. Когда ещё придёт такое счастье на их землю? Всех надо кормить, одевать, вооружать (и тех и других).

Но первенство во всём этом держал Константин Варлам, представитель древнего боярского рода Валахии. Дороже всего для него обошлось правильное решение штаба армии русских о размещении свиты Кутузова в его владениях, а самого генерала — в апартаментах боярского дворца.

Одних товаров для нужд армии было отгружено безвозмездно десятков обозов, не считая затрат деньгами разным чинам. Генерал де Ланжерон быстро смекнул свои выгоды, видя старания и хлопоты боярина по достойному принятию в своих покоях командующего армией. Но и старания Варлама по организации внушительных магазинов для снабжения армии были им замечены. Положенные деньги за грузы из армейской казны были отчислены исправно.

Вот теперь и для Варлама наступило время жатвы. Посещение его дворца для представления Кутузову или ужин в присутствии знаменитого генерала стоили немалых денег. А получить аудиенцию у командующего было верхом мечтаний и дорогим удовольствием. Все безвозмездные поставки в армию окупались быстро и с лихвой.

На ужин подавали чорбу с овощами. Это блюдо подавали постоянно, но в разных вариациях. Сегодня — на говяжьем

* Бижутерия и другие дешёвые ювелирные украшения.

бульоне. Михаилу Илларионовичу эта похлебка нравилась. Также на столе присутствовали и другие экзотические блюда: например, сормале в распаренных виноградных листьях, особенно они хороши в сметане. Другие блюда из мяса: жаренные на углях жирные колбаски, по-местному их называли — мититеи, сдобренные белым соусом ангемахт, они имели чудесный неповторимый аромат; фаршированные свиные ножки, поджаренные и подкопчённые, с тушёными бобами они очень хороши, хотя и тяжеловаты для желудка пожилого генерала. На десерт подавали пирог из тыквы, но для Кутузова лично повар приготовил яблочный пирог, вкус тыквы для него был непонятен и неприятен, а пирог с яблочной начинкой, с изюмом и коньяком напоминал австрийский штрудель.

Но больше всего по душе Кутузову приходилось присутствии юной племянницы хозяина Луксандры. Михаил Илларионович звал её на русский манер Александрой, но чаще нежно, по-домашнему Сашенькой. Весёлая и забавная, она была очень привлекательной, в общении вела себя умненько, не утомляла разговорами. С генералом вела себя непринуждённо, шутила, трогала тонкими пальчиками поблёскивающие бриллиантами и разноцветной эмалью награды, нежно играла золотой бахромой генеральских эполет. Введённый не так давно этот обязательный атрибут военной формы поначалу был негативно воспринят генералом: одна морока и лишние траты, да и в бою мешает. Позже приказом эполеты оставили только на вицмундирах, но на обоих плечах. Особенно восхищались эполетами дамы. Они придавали мужчинам в форме торжественность, мужество и дополнительную элегантность. Кстати, этот атрибут в результате вошёл в обиход не только военных. Эполеты охотно стали носить и гражданские чиновники.

Наблюдая, как эта зрелая барышня, юная не по возрасту, заигрывала с ним, Кутузов млел от удовольствия. Она поглаживала обшитые золотой канителью генеральские эполеты. Михаилу Илларионовичу очень было по душе её недетское внимание к нему, её непосредственность. Он отдыхал душой рядом с ней. Но всё же держался с ней скромного поведе-

ния. Всё-таки в гостях. Неудобно. Как воспримет дядя их отношения? Хотя в других ситуациях у него водились связи с женщинами, на местном наречии — конкубины.

Вот и сейчас она, несмотря на присутствие гостей, уважаемого боярина Ненчулеску и не менее знатного валашского вельможи Брончулеску с жёнами, весело щебетала на ушко немолодому, но ещё статному генералу. Серебряной ложечкой отсекла кусочек яблочного пирожного, обмакнула во фруктовый сироп и поднесла к губам Михаила Илларионовича. Смутившись, он слегка отклонил голову. Он остерегался сильно сладкого, неважно чувствовал себя потом. Сильно сушило во рту. Сашенька не отставала, приподнялась, хохоча, обняла его за шею, стала настойчиво предлагать попробовать пирожного. В порыве нежно шептала на валашском наречии, просила генерала открыть рот:

— Domnule jenerale, inkide gura.

Михаил Илларионович, слегка сопротивляясь, отклонился туловищем назад. Девушка, не удержав равновесия, нечаянно присела ему на колени. Смутившись, она попыталась встать, он удержал её при себе, но раскрыл рот, куда она со смехом опустила пирожное, которое Михаил Илларионович с удовольствием съел. Гости и хозяин весело засмеялись, захолопали в ладоши.

— Luksandra-a-a! Viktori-i-i!!!! — весело радовались победе раскрасневшейся проказницы над седеющим генералом.

Всё получилось весело и непринуждённо. Но невидимая граница приличия была незаметно ими нарушена. Уже этой же ночью, дождавшись, когда все уснут, Луксандра, тихо проскользнув мимо спящего денщика, оказалась в постели Михаила Илларионовича.

Утром юная валашка, нежно поцеловав шрам у виска, также тихо выскользнула из постели, завернулась в тонкий халат, незаметно скрылась.

За завтраком всё было так, как всегда. Только хозяин дома особенно был радушен и любезен с Михаилом Илларионовичем. Шутил, многозначительно поглядывая то на племянницу, то на генерала. Спрашивал:

– Как вам спалось этой ночью? Слуги слышали, что какое-то беспокойство было в ваших покоях.

– Нет, ничего особенного. Это я вставал, всё мысли одолевали, записывал, чтобы не забыть, – ответил спокойно Кутузов.

А сам чертыхнулся про себя: «Вот старый пройдоха. Ничего от него не скроешь».

Тут вошёл адъютант.

– К вам секунд-майор Каменский.

– Пригласите его в кабинет, капитан. Через минуту приму.

Генерал встал. Поблагодарил хозяина. Учтиво поклонился Луксандре и вышел.

ГЛАВА 9

Кутузов, войдя в кабинет, успокаивающе махнул рукой вскочившему со стула, вытянувшемуся в приветствии майору.

– Рад вас видеть, Павел Арсеньевич, – поприветствовал офицера генерал. – Давно жду вас. Уже беспокоиться начал. Не случилось ли чего?

– Никак нет. Со мной и моими людьми всё в порядке. Разрешите доложить оперативную обстановку.

– Да, конечно. Вот только попрошу поближе и потише. У этих стен, сдаётся мне, имеются хорошие уши.

Пригласил майора к столу, указав на стул рядом с собой.

– Так точно. Уши имеются изрядные. Я хотел предупредить об этом, но вы сами почувствовали, – вполголоса проговорил Каменский, приблизившись к генеральскому уху. – Михаил Илларионович, мои люди, изучая местные нравы и отношения окружающих вас местных персон, натолкнулись на некоего француза. Он, прикрываясь торговыми делами, усиленно интересуется некоторыми местными вельможами. Они являются одними из тех, кто симпатизирует прорусским настроениям, то есть поддерживает нашу политику, а в случае укрепления наших позиций здесь – они надеются укрепиться во властных структурах. Кроме того, у него имеется

хорошая сеть информаторов, в том числе и среди вельмож, которые уже побывали у вас на приёме в этом дворце. Он также вхож в дома проосмански настроенных бояр.

— Скажите, вы можете описать мне этого француза, его внешность, повадки, нет ли шрама у него на лице? Может, ещё что бросается в глаза? Может, есть что неприятное такое? — тихим голосом спросил генерал.

— Да, Ваше сиятельство. Имеется шрам на лице. От этого лицо у него становится зловещим, когда он пытается улыбнуться. И вообще — он уже не молод, но поджар, довольно юркий. А лицо у него неприятное, взгляд резкий, пронзительный.

— А ещё, скажите, не заметили ли — всё ли в порядке с левой кистью руки?

— Нет, сказать не могу. Но он не снимает перчаток. Хотя уже прилично тепло в это время года, — удивлённо ответил майор.

— Да-а, — произнёс озадачено Кутузов, — неужели это мой старый знакомый. Капитан Анжели?

— Вы знаете его, генерал? Что вы можете рассказать о нём? — ещё больше удивился майор.

— Да, если это тот, о ком я думаю, то это очень опасный наш противник, — озадаченно произнёс Михаил Илларионович. — Служили вместе под началом фельдмаршала Румянцева, сражались под Вулканештами. Потом Суворов его скрутил под Очаковым. Выслан был из России с позором. Потом путался под ногами в Стамбуле. Вот сейчас здесь промышляет. Не к добру это. Вот что я скажу, — генерал посмотрел испытующе на майора, — это шпион Бонапарта, он очень опасен, подлец каких поискать. Фехтовальщиком был искусным — что саблей, что шпагой владел обеими руками, пока не отсекли мизинец на левой руке. Стреляет отменно. В рукопашной драке владеет подлыми приёмами. Опасен, очень опасен. Павел Арсеньевич, вы поняли меня? — тревожно спросил Кутузов, доставая платок из внутреннего кармана.

Промокнув выступившую слезу из раненого глаза, продолжил:

— И прошу вас, остерегайтесь сами и берегите ваших людей. Не позволяйте им входить в прямой контакт с ним. Что ещё можете сообщить мне? С кем он встречается из местных?

— Встречается активно с разными людьми. Не далее как вчера общался с племянницей Константина Варлама в ювелирной лавке. О чём говорили — подслушать не удалось, но это не первая их встреча. Кроме того, она была замечена с неким местным вельможей из антирусской коалиции. Видимо, турки через них исправно получают информацию из Бухареста. Кстати, мать Луксандры, госпожа Катинка Гике, по мужу Барканеску, имела связи с кликой генерал-губернатора графа Дудтецло, османского ставленника в Малой Валахии, и с османами напрямую. Свои шпионские секреты, в том числе и искусство обольщения высокопоставленных особ, она успешно передала своей младшей дочери.

— Однако задали вы мне задачку, майор. Прослышан я про мадам Катинку Барканеску, её покойном муже, — генерал достал платок, промокнул правый глаз, вытер вспотевший лоб. — Будучи послом в Константинополе, я увидел список антирусской коалиции в Валахии. Там звучали все эти фамилии, но чтобы фигурировали дети — это что-то новое в международном тайном политесе. Вот тебе и капитан Анжели. Совершенствуется, каналья.

Кутузов, изумлённый и потрясённый результатами доклада Каменского, откинулся на спинку стула, промокнул набежавшую предательскую слезу из правого незрячего глаза. «Как-то надо сказать майору об отношениях с мадам Луксандрой, — подумал Михаил Илларионович, чертыхнулся про себя, — вот старого бес попутал, поделом тебе».

— Господин генерал, ваше сиятельство, — обратился секунд-майор к командующему шёпотом, — может, и ничего, что сама она липнет к вам. От неё ждут тайных сведений из первых уст. Так будут им сведения. Самой первой свежести, такие, какие вы сами ей в ушки нашепчете. А мы их подкрепим фактами в натуре, такими, какие нам нужны. Поиграем?

Каменский замер. Он испугался своего дерзкого вопроса. Лоб вспотел, на щеках заиграл яркий румянец. Михаил

Илларионович от услышанного предложения, изложенного майором так просто, даже как-то по-детски, опешил: «Да он всё знает! Ну майор даёт!» Генерал с уважением и любопытством глянул на секунд-майора: «Как ему, шельмецу, удаётся. А как подошёл, как подал? Талант, одним словом».

Вслух ответил майору утвердительно коротко.

— Поиграем!

Выдержав паузу, продолжил:

— А теперь об Ахмет-паше. Что-то он ведёт себя тихо? Видимо, ждёт. Присматривается к нам. Он в недоумении от того, что мы ополовинили свою армию. С одной стороны, радуется привалившему счастью. С другой стороны, султан требует немедленно ускорить боевые действия и воспользоваться ситуацией.

Генерал, немного обескураженный дерзким вопросом молодого, но уже, видимо, заматеревшего в интригах войны офицера, вопросительно глянул на майора.

— Так что, Павел Арсеньевич? Что вы знаете, что нащупали, каковы ваши будут суждения?

— На самом деле, — не расслабляясь, стоя навытяжку, неуверенно начал излагать свои мысли разведчик, — у Шумлы* уже сконцентрировалось более сорока тысяч человек и немало орудий. Если быть точным — мои люди насчитали 78 пушек. От Шумлы до крепости Руцук сутки хода для армии, плюс рекогносцировка, подготовка позиций, то есть ещё двое суток.

Осмелев, уже немного окрепнувшем голосом продолжил:

— Гарнизон в крепости крепкий, но без помощи долго не продержится. Наши силы рассредоточены по крепостям и по всей длине среднего Дуная.

Михаил Илларионович медленно поднялся, отодвинул стул, молча прошёлся по мягкому ковру, дошёл до окна, остановился, задумался. Секунд-майор замер в ожидании.

Кутузов всё стоял у окна, будто вглядываясь в законный пейзаж. В углу кабинета громко отсчитывали время роскошные напольные часы. Вдруг, разорвав тишину, заработали

* Укреплённый город на пути от крепости Силистрия в Константинополь. Русские войска неоднократно пытались овладеть, но безуспешно.

куранты, словно высекая из вечности искры мгновений, ударили часовые набаты. Ударив в двенадцатый раз, замолчали, опять заполнив вечность тишиной.

Генерал, словно очнувшись, резко развернулся, чётко и уверенно прошагал к столу, взял колокольчик, позвонил. Тут же вошёл адъютант. Увидев в лице командующего решительность и холод взгляда, вытянулся, отдал честь.

— Капитан, немедленно отправьте вестовых в подразделения, всем генералам и старшим офицерам быть в штабе в три часа пополудни на большом совете. Быть всем готовым к докладу по форме.

Адъютант щёлкнул каблуками, вышколено развернулся и вышел строевым шагом.

— Вы, майор, тоже свободны. Приступайте к своим обязанностям, а в три часа я вас также жду при штабе. Возможно, понадобится.

Офицер надел головной убор, вытянулся, отдал честь генералу, щёлкнув каблуками, чеканя шаг, вышел.

В покоях генерала наступила тишина. «Да, если так и дальше пойдёт, то недолго ходить ему в секунд-майорах. Голова есть, нахальства и дерзости хватает. Отваги тоже не занимать. Молодец!» — с завистью к молодости подумал про себя Михаил Илларионович.

Кутузов уселся за стол, придвинул походные письменные принадлежности, бумагу, стал писать, вычерчивать схемы. В эти минуты зарождалась новая славная история великой России.

Часы громко отбили час дня. Постучав, вошёл денщик. Почувствовав сменившийся климат настроения, громко, чеканя слова, спросил:

— Ваше благородие, обедать будете? Там за вами мадам пришла. Войти просятся.

— Обедать буду здесь. Мне полегче что-нибудь, каши, чаю. Дела, батенька, не терпят. Впрочем, барышню впустите. Обижать не буду. Чай, мы в гостях. Не учтиво будет.

Михаил Илларионович накрыл эскизы чистыми листами. Одну бумагу положил перед собой, обмакнув перо в чернила,

размашисто по-французски написал: «Генерал-лейтенанту Ланжерону. Отправить пять тысяч своих бойцов для укрепления крепости Рушук. А также отрядите десять орудий с боеприпасами из расчёта долгой осады».

Исписанный лист скомкал, бросил небрежно на пол, рядом со столом. В дверь тихо постучали.

— Да-да, входите! Я жду вас с нетерпением.

Дверь нерешительно приоткрылась. Из-за неё кокетливо выглянула кудрявая головка Луксандры.

— Сашенька, Вы!? — обрадовано воскликнул генерал.

Протянул руку, приглашая её подойти поближе. Та, приободрённая хорошим настроением друга, весело подбежала, обняла, поцеловала в щёку и тут же уселась на колени. Как ни в чём не бывало весело затараторила, забавно смешивая русские, румынские и французские слова, сводя с ума седого любовника видом прелестных грудок. Пожалуй, слишком открытых в отороченном французскими кружевами глубоком декольте.

— Ну не могу. Нет, не могу. Поем здесь, — отвечал на ласковые приглашения к обеду. — Дела! Не могу. Завтра уезжаю в Силистрию. Там буду ждать турок в гости.

Он нежно сжал, потом погладил тёплую нежную девичью ножку повыше чулочка. Та, игриво смеясь, сползла с колен ухажёра на мягкий ковёр. Он придержал её, помог подняться. Прижал талию девушки к себе. Поцеловал в розовые губки.

— Ну всё, иди, иди, моя прелесть. Мне работать надо.

Он не удержался, поцеловал грудь юной оболъстительницы, подтолкнул нежно в сторону двери. Раскрасневшись от возбуждения, она помахала мило ручкой, скрылась за дверью.

Михаил Илларионович одёрнул форменный сюртук, поправил награды, глянул на пол. Брошенного скомканного листка нигде не было.

— Ну-ну! — с чувством лёгкой горечи произнёс генерал и уселся обратно за стол работать.

В его позе, в уверенных движениях рук, которые отмечали на картах планы размещения войск, дислокацию действий

отдельных подразделений и производили математические расчёты расстояний, расположения орудийных батарей, возможных углов обхвата секторов обстрела и запасов боеприпасов, не осталось и намёка от какого-либо фривольного поведения легкомысленного любовника.

Во время напряжённой работы чуткий слух Кутузова зафиксировал лёгкий шум выезда за пределы ворот одинокого всадника. То дворовый юноша был отправлен верхом исполнять срочное поручение Луксандры.

— Ну-ну! — произнёс тихо генерал и, нахмутив густые с проседью брови, опять склонился над бумагами.

ГЛАВА 10

К назначенному времени в распоряжение штаба армии стали съезжаться на совет командиры. Прибыли генерал-лейтенант Александр Фёдорович Ланжерон, генерал-лейтенант Эссен Пётр Кириллович, генерал-лейтенант Засс Андрей Павлович, генерал-лейтенант Войнов Александр Львович, генерал-лейтенант Марков Евгений Иванович, генерал-майор Резвой Дмитрий Петрович.

Прибыли и другие офицеры, рангом ниже, но своим предназначением и серьёзностью своего положения не менее важные в структуре армии. Среди них находился командующий отрядом Дунайской флотилии капитан 2-го ранга Акимов Дмитрий Сергеевич. Самым младшим по возрасту и званию был секунд-майор Каменский. Он держался особнячком в стороне, стараясь не привлекать к себе внимания.

Он и флотский капитан в своих изрядно потрёпанных формах чувствовали себя неловко среди высоких чинов в шитых золотом мундирах.

Ожидая прибытия командующего, встревоженные срочным вызовом в штаб тихо переговаривались. Обсуждали причину вызова. Хотя все понимали: спокойная размеренная жизнь закончилась.

Все они были наслышаны о Кутузове, а генерал Марков знал его ещё с Очакова. Оба тогда были ранены: Евгений Иванович в руку, а Михаил Илларионович получил смертельное, как все считали, ранение в голову. Тогда они все были молодыми и лихими офицерами. Судьба свела их ещё раз под Измаилом. Тогда на мрачных стенах неприступной крепости Марков был ранен в левую ногу, за отличие награждён Святым Георгием 4-й степени, а Кутузов был назначен Суворовым комендантом взятой крепости. Под его надзором раненый премьер-майор Марков был отправлен санитарным обозом на лечение.

Через некоторое время в помещение штаба решительным шагом хозяина вошёл Кутузов. Первым его заметил генерал Войнов. По уставу, обращая внимание всех присутствующих, громко воскликнул:

— Господа офицеры! — и, чётко чеканя шаг начищенными до блеска сапогами, вышел навстречу главнокомандующему для доклада.

Кутузов, выслушав, отдал честь докладчику и, спокойным негромким голосом скомандовав «вольно», прошёл к своему месту. Сел сам и пригласил всех присутствующих к длинному и крытому зелёным сукном столу.

— Прошу вас, господа, доложить каждому о текущей ситуации в вверенных вам подразделениях подробно. Прошу первым генерал-лейтенанта Ланжерона, Вам можно по-французски.

Находясь уже приличное время в России, проявив себя весьма усердно на государевой службе, как при строительстве Одесского военного гарнизона, так и при развитии самого города, неоднократно проявляя свои блестящие полководческие качества в бою, он так и не смог выучить русский язык. Изъясняясь на своём родном языке, он чётко и ясно доложил состояние вверенных ему полков. В конце доклада он передал привет от одесского градоначальника.

— Как чувствует себя герцог де Ришелье, как его дела? Всё строит? — произнёс вопрос Кутузов, хитро сверкнув незрячим взглядом на француза. — Как процветает коммерция?

Премного наслышан о ваших успехах. Дочь в своих письмах не раз восторженно упоминала Эммануила Осиповича.

В вопросе Михаила Илларионовича чувствовалась ирония, смешанная с некоторой усмешкой, впрочем, незлобной.

— Дела в Одессе идут своим чередом. Строим, торгуем, вот только военные действия вокруг Чёрного моря не дают торговле должного успеха. Имеем убытки, — уже на русском языке, но с ужасным акцентом ответил Александр Фёдорович.

Его каменное лицо никак не прореагировало на иронию главнокомандующего. Обернувшись вполоборота к Кутузову, продолжил:

— Несмотря на трудности и сложившуюся неблагоприятную ситуацию в торговле, герцог Эммануил Осипович де Ришелье сумел собрать кое-какую сумму денег, на которую ему удалось произвести закупки медикаментов для госпиталя Дунайской армии, а также солдатской амуниции по списку наших интендантов, одной сотни коней, обеспеченных фуражом, сбруей, сёдлами, кованными подковами. Ещё купили пороха полторы тысячи пудов, а также муки пшеничной, сала свиного, солонины, круп разных. Всё по списку армейских интендантов. С караваном герцога следует Елизавета Михайловна, ваша дочь.

Закончив, Ланжерон вытянулся, гордо вскинув голову.

— А вот за эти добрые вести вам, Александр Фёдорович, особая моя благодарность. А также герцогу передайте мой поклон и превеликое спасибо. Благодарная Россия не забудет гражданских подвигов Одессы. Если закончили, присаживайтесь.

Один за другим продолжились доклады генералов. Командующий слушал внимательно, не перебивал. По ходу дела задавал вопросы. Генералы отвечали обстоятельно, со знанием дела. Все они были опытными воинами, у каждого за плечами был свой военный опыт. Все они знали вкус побед и горечь неудач. Не раз смотрели в чёрное лицо смерти.

*Генерал от инфантерии Ланжерон Александр Фёдорович (1763–1831).
Мастерская Джорджа Доу, Государственный Эрмитаж,
Военная галерея, Санкт-Петербург*

Выслушав последнего докладчика, Кутузов не спеша встал, молча достал платок, промокнул выступившую слезу из больного глаза. В помещении стало несколько душно, но на предложение открыть окно командующий промолчал. Выйдя из-за стола, подошёл ближе к центру разложенной на столе карте. Взял из рук дежурного офицера резную указку из кости, ткнул её в место, отмеченное как город-крепость Шумла.

В этой хорошо укреплённой крепости турки не раз выдерживали осаду, отбили не один штурм, на настоящий момент собрано двадцать тысяч турецкого отборного войска. Более того: со стороны Чёрного моря, из Варны движется более сорока тысяч турецких солдат вместе с артиллерией, конницей, богатыми обозами, гружёнными разным военным снаряжением и продовольствием.

Командующий оглядел присутствующих членов военного совета. Их и без того серьёзные лица посерели. Без лишних

слов эти повидавшие многое на своём веку воины понимали всю серьёзность положения, в котором находится армия. При всём раскладе у них наберётся не более 30 тысяч боеспособной армии.

— А это наша цитадель, крепость Рушук, — жёстко ткнул указкой в изгиб Дуная. — Расположена она достойно, удачно использован рельеф местности на высоком берегу Дуная, с расписными мечетями, стройными минаретами, домами богатых обывателей, пирамидальными тополями. Наслышан! Красиво смотрится с левого берега. А со стороны Шумлы серьёзные боевые башни с неприступными куртинами смотрятся не так приветливо и приятно. Не одну осаду выдержали его стены. Крепость-город строили турки, а отбили и крепко удерживают наши. Недаром крепость называется Рушук, то есть в переводе с турецкого — Русский. Это и есть наш узел на нашей шее, который надо развязать, потом связать заново и, возможно, опять развязать. Да так, чтобы на долгие годы, — задумчиво произнёс Михаил Илларионович.

Оглянувшись, кого-то тревожно поискал здоровым глазом. Увидел сидящего в дальнем углу Каменского, продолжил:

— Мной и некоторыми доверенными офицерами по моему поручению проводятся мероприятия, которые должны поспособствовать нашему незавидному положению. Они не подлежат огласке. Поэтому требую держать в секрете ставшие доступными вам, по служебному долгу, сведения. Они действуют от моего имени. Подробности я доведу до каждого персонально.

Главнокомандующий снова склонился над картой, жестом пригласив генералов приблизиться поближе. Довольно долго говорил, водя указкой по карте, отвечал на вопросы. Жёстко выговаривал некоторым, пресекая возражения.

В помещении стало невыносимо душно, в подсвечниках догорали свечи, за окном давно уж потемнело. Все устали. Только Кутузов, будто не чувствуя усталости, продолжал излагать свои мысли по диспозиции предстоящей баталии.

— Таким образом, — главнокомандующий выпрямился, оглядев уставшие лица генералов, — успех нашей операции

возможен только путём постепенного истребления, изматывания и расконцентрирования, то есть распыления войск противника. Впустую на рожон не лезть, солдат беречь. Держаться скромного поведения. И помните: максимум бдительности, за нашими действиями пристально наблюдают. Прошу избегать использование курьерской службы для доставки какой-либо корреспонденции. За ней противником ведётся охота. Поэтому задачи, поставленные перед вами здесь, должны исполняться на местах точно в назначенное время и любой ценой. Любой сбой в исполнении индивидуально поставленных задач может привести к срыву генерального плана. Всем приступить к действиям согласно изложенному здесь плану, но без суеты.

Уставшие, измученные духотой, загруженные полученной информацией генералы поспешили на улицу.

Вечерний прохладный воздух, пахнувший цветущей липой, приятно охладил своей свежестью разгорячённые, тронутые сединой головы. Вокруг звенела тишина наступающей южной ночи.

— Да-а, господа, — тихо проговорил Войнов, — а в Петербурге сейчас только снег сошёл, зелёная травка начинает пробиваться. А здесь тишина, воздух какой чудесный. Цветущей липой пахнет, сиреню.

— Согласен, Александр Фёдорович! А вот в Париже каштаны, должно быть, расцвели, — грустно проговорил Ланжерон. — На улицах Одессы прошлой осенью высадили саженцы платанов, их специально доставили морем греки. Заказали и каштаны, но мешает война. Ничего, греки привезут. Уж очень жарко летом на наших молодых улицах. Только когда можно будет укрыться в их тени? Мне уже не дожидаться.

— Оценят ли потомки потуги наши, — грустно проговорил генерал Марков.

— Оценят, обязательно оценят, Евгений Иванович, — поддержал Маркова командующий артиллерией армии генерал-майор Резвой.

Так, тихо переговариваясь меж собой, стояли и наслаждались прекрасным вечером почтенные генералы. Когда

ещё наступит короткий момент наслаждения жизнью, такой короткой и нужной государству Российскому, его защите и укреплению.

ГЛАВА 11

В ставке командующего турецкими войсками Ахмет-паши, расположенной в городе-крепости Шумла, собирался военный совет.

Накануне поступили сведения, добытые французом Анжели, о состоянии русской армии, расположении основных сил и предпринимаемых действиях командующего Дунайской армии Кутуз-паши. Из полученных сведений исходило, что Молдавская армия сильно сократила свою численность в связи с отправкой большей части своих войск в Молдавию и с дальнейшей переправой их в Россию. В связи с этими обстоятельствами Молдавская армия переименована в Дунайскую армию. Кутуз-паша никаких острых действий не проводит, остатки войска рассредоточены по гарнизонам вдоль Дуная. В его свободном распоряжении сосредоточено не более четырнадцати тысяч, расположенных в районе крепости Рушук.

Таким образом, раскладка сил была далеко не в пользу русских сил. Ахмет-паша понимал, что у него есть возможность безболезненно расправиться с Кутузовым и направить свою армию на Бухарест. Тем более что в Шумлу должны подойти свежие силы из Варны. Вот и решил великий визирь не оттягивать время. Имея в Шумле сорок тысяч своих войск, он решил выступить к Рушуку и вернуть крепость себе немедленно, пока русские ослаблены и не предпринимают никаких военных действий, как показывает разведка, не собираются что-либо предпринимать в ближайшее время. Тем более что на этом настаивают французские союзники.

Ахмет-паша знал, что Наполеон собирает свои войска у западных границ России. Его послы обивают пороги султан-

ского дворца, где всячески настаивают на начале более решительных действий, дабы русские не могли усилить армию войсками, снятыми с Дуная. Сам султан не очень доволен осторожными действиями Ахмет-паши. После ряда восстаний янычар, недовольных правлением султана, Махмуд II требовал от Ахмет-паши решительных действий.

Размышления Ахмет-паши прервал тихий, но настойчивый стук в дверь. Вошёл секретарь, ровным голосом доложил:

— Совет собрался, мой господин! — секретарь почтительно склонился, ожидая ответа.

— Все прибыли, кого я жду?

— Да, мой повелитель! Собрались все старшины, которым вы велели быть, — ответил секретарь.

— Хорошо, сейчас буду.

Секретарь, пятясь, не разгибаясь в поклоне, тихо вышел.

Визирь, погружённый в раздумья перед советом, подошёл к окну. Там в отблесках заката затихал переполненный жителями и войсками славный город. «Не одну битву выдержали стены. Не одну осаду перенесли доблестные защитники. Завтра войска уйдут. Улицы города опустеют. Горожане вздохнут свободней», — подумал, любуясь багровым закатом, Ахмет-паша.

Он оправил строгий форменный, расшитый тонким серебряным орнаментом сюртук. Нащупал рукой украшенную бриллиантами золотую рукоять сабли, выпрямив спину, решительным шагом отправился на военный совет.

Все присутствующие встали, склонились почтительно перед вошедшим сераскиром. Тот, чеканя шаг, прошёл к своему креслу, установленному на небольшом пьедестале. Внимательно оглядел собравшихся, как будто пересчитал, и кивнул разрешающе мулле. По окончании короткой молитвы сел сам, пригласил всех сесть.

— Наши доверенные люди, — начал свою речь великий визирь, — сообщили нам, что силы гяуров значительно сократились. Почти половина войск выведена из состава русской армии. Половина оставшихся войск рассредоточена по

крепостям. Пять тысяч находится в Силистрии, примерно столько же стоит в Никополе, ещё примерно пять тысяч держат оборону в Рушуке. Там же расположена большая часть артиллерийских орудий. Таким образом, армия гяуров рассредоточена по всему среднему Дунаю. У Кутузова не более пятнадцати тысяч войск, которыми он может свободно распорядиться. Каких-либо действий, перемещений в русских войсках не наблюдается. Таким образом, для нас сложилась крайне благоприятная обстановка. Что думают мои старшины? Каково ваше мнение по создавшейся обстановке?

— Мой господин! — обратился к визирю седой, слегка располневший один из старшин.

Судя по красному кафтану с чёрными кожаными наплечниками, это был старшина янычар.

— Видимо, после неудачных попыток выступлений в Стамбуле части недовольных внутренней политикой янычар, — старшина пытался выразить визирю свою преданность; понимая, чего именно ждёт от совета великий визирь, он решил высказаться первым. — Видимо, не без помощи Всевышнего нам выпала удача. Силы неверных просто смешны. Нам надо воспользоваться столь удачно для нас сложившейся ситуацией. Верные Вам янычары не подведут. Они готовы в любой момент выступить и выполнить ваше любое поручение.

Старейшина, окончив речь, слегка склонил в почтении голову. Из-под чёрной чалмы виднелись, видимо, совсем недавно поседевшие волосы.

Тут решительно встал старейшина сипахов Бошнак-Ага. Уверенным голосом, чётко выговаривая слова, обратился к визирю:

— Мой господин! Верная повелителю и вверенная вам тяжёлая конница готова выступить в поход на неверных по первому вашему повелению. Но я хотел бы обратить внимание на главнокомандующего русской армией на Дунае.

Старейшина поднял голову и прямо посмотрел на великого визиря. Сипах тоже был не молод.

— Это опытный и очень опасный генерал, — продолжил он. — Русский царь не просто так прислал именно его. Не-

даром его называют хитрым лисом. Не будет он вести себя беспечно. Обязательно приготовит какую-то пакость.

Закончив свою речь, он с достоинством склонил голову, отдавая почтение визирю, спокойно сел на место, оперев руки на рукоять своей тяжёлой сабли.

— Есть ещё желание у кого-нибудь из присутствующих высказать свои мысли?

— Нет, нет, господин. На всё воля Аллаха и ваша воля. Мы примем любое ваше решение, — зашумели другие члены военного совета.

— Сегодня перед тем, как собрать вас, я получил из стана врага свежие донесения от наших верных друзей.

Визирь встал, поправил отделанный серебряными вензелями пояс дорогой работы, саблю. Продолжил:

— В одном из последних донесений сообщается, что Кутузов приказал генералу Маркову усилить Рушукский гарнизон. Направить туда дополнительно пять тысяч войск, усилить артиллерию. Видимо, Кутуз-паша действительно далеко не глуп. Он понимает, что мы сидеть за своими стенами не будем. Но и всеми своими силами рисковать не собирается. Пока ведёт размеренную жизнь. Пополняет свои войсковые магазины. Подозрительно только, что особое внимание уделяет речной флотилии. Ремонтирует старые. Закупил несколько новых усиленных судов. Дополнительно вооружает их корабельными пушками. В гарнизонах тоже ведутся учения. Рубят саблями чучела, стреляют регулярно по мишеням. Маршируют строем. Артиллерия тоже не спит. Маневрируют с пушками по пересечённой местности. Исходя из этого, — в голос сераскира почувствовались металлические ноты, — я приказываю выступить в поход сразу после утренней молитвы на крепость Рушук. В количестве двадцати тысяч, что будет превышать силы обороны русских вдвое. Остальным дожидаться подкрепления из Варны и выступить в том же направлении. К тому моменту Рушук должен пасть. Далее организуем переправу войск через Дунай и пойдём маршем в направлении Бухареста, где встретимся с войском Измаил-бея и вместе овладеем Бухарестом.

Тут Ахмет-паша сел за стол, взял перо, заранее обмакнутое секретарём в чернила. Размашисто подписал приказ. Встал, дождался, когда секретарь смахнёт песок с подсыхающего документа. Протянув старшинам, проговорил:

– Прошу, почтеннейшие старшины, ознакомиться и подписать. Там расписано действие каждого подразделения.

Пока приказ передавался из рук в руки и члены совета степенно знакомились с содержимым, Ахмет-паша, бесшумно переступая по мягкому ковру, расшитому серебряной нитью в тон кафтану, сафьяновыми сапогами, подошёл к окну. Солнце уже почти скрылось за высокими пирамидальными тополями. Последние багряные лучи расцветивали кроваво-розовым светом редкие пуховые облачка. Они от этих всё ещё жарких солнечных лучей быстро таяли. В приоткрытую форточку лился приятный, пахнувший душистой бархатной сиренью с оттенками цветущей липы вечерний воздух.

Вдруг, нарушая вечернюю густую тишину, раздался громкий голос поющего муэдзина. Он протяжно, приложив ладони к щекам, восхитительно играя голосом, запел азан, призывая горожан к молитве, вечернему намазу.

Все встали и, обратившись лицом в сторону Мекки, где находится главная святыня мусульман – Кааб, почтительно склонились. Затем, отдав почтение великому визирю, степенно пошли к выходу. Надо успеть до полного захода солнца приготовиться к молитве.

ГЛАВА 12

К одинокой пустующей тырле*, крадучись, в крошечной темноте, крепко держа за узду коней, осторожно пробирались люди. Закутанные в полотняные плащи, в крестьянских чёрных бараньих папах они были практически не заметны

* *Тырла* – летняя огороженная пастушья стоянка для скота. Обычно для овец.

среди степного кустарника. Но чуткий слух Каменского — то ли по шелесту ковыля, то ли по изменившейся песне степных цикад — почувствовал движение передвигающихся людей.

Он уже два часа как лежал в сторонке от пастушьей землянки. Прибыв заранее, он обследовал окрестность, присмотрел места возможного укрытия, а в случае опасности — пути отхода. Оставил там залёгших казачков с конями.

Поднёс сложенные лодочкой ладони к губам. Тихо дунул в щёлку между большими пальцами. По степи разнёсся зычный зов степной совы. Откуда-то из кустов, растущих в овражке, послышался ответ свиной самки. Через мгновение всё повторилось, но самка ответила на зов самца двойным сигналом.

Майор осторожно вернул курки приготовленных к бою пистолетов в исходное положение. «Слава богу, свои!» — капитан отёр пот со лба, но на всякий случай отполз в сторону, оставив на кустике накинутый плащ.

Увидев подошедших людей, он перед ними словно вырос из-под земли. Узнав друг друга, они скрылись в землянке. Завесив вход, Каменский зажёл свечу. Достал карту, разложил на грубом дощатом столе.

Слушая лазутчиков, наносил пометки, понятные ему одному. Изредка задавал вопросы, получал подробные разъяснения. Особенно майора интересовал личный состав, укомплектованность и боеспособность армии Ахмет-паши. От укомплектованности зависела её боеспособность.

Часто в османскую армию поместными воеводами вместо молодых сильных и работающих мужчин направлялись пожилые крестьяне. А какая разница: по установленным правилам платили за количество поставленных воинов, а на качество после полученных подарков и подношений особо внимания не обращали. Всем было хорошо.

Зная мощь сил противника, можно построить свою стратегию таким образом, чтобы в самом начале нанести удар в самое слабое подразделение, заставить отступить, потом обратиться в бегство. Затем всё это превращалось в беспорядочное паническое отступление. А далее недалеко и до полного раз-

грома. Поэтому качество подразделений, выучка, опыт тех, кто ими командовал, — всё было важно узнать ещё до боя. Не говоря о коннице и артиллерии, качестве пушек, их калибре, качестве зарядов, выучка канониров — всё было очень важно знать. На этих сведениях строилась вся стратегия и успех войны. Вот и собирал Каменский всю информацию с помощью своих лазутчиков. Но и турки не дремали. Своих ушей и глаз в расположении русских частей у них было предостаточно. Таким образом, бой начинался задолго до главной баталии.

Вот и сейчас ему докладывали о количестве заготовленного овса, сена. Сколько доставлено пороху, ядер. Количество и ёмкость казанов для приготовления пищи. Сколько кашеваров, количество заготовленной муки, крупы, сколько голов скота пригнано, где размещают.

Судя по рассказу, против русских собиралось серьёзное войско. Особенно беспокоили янычары. Хорошо обученные, самые опытные, отважные. Они всегда были опорой султана. Но в последнее время Махмуд II начал реорганизацию армии по примеру устройства европейской армии (прежде всего — армии Наполеона). В результате янычары почувствовали угрозу своему влиянию на внутреннюю политику Порты. В войсках янычар стало возникать недовольство, этому особенно способствовали введённые материальные ограничения. Но Султану удалось подавить локальные восстания, казнив принародно зачинщиков, и принудить янычар к полному повиновению. Вот и старались старейшины янычар доказать свою преданность султану.

Поблагодарив лазутчиков, майор по-отечески обнял каждого, вручил им бакшиш от Кутуз-паши. Те, довольные, благодарно поклонились, тихо вышли из землянки и растворились в ночи.

Каменский, подождав немного и убедившись, что всё тихо, тоже ушёл в густую тёплую южную ночь. Надо было спешить туда, где с нетерпением его ждали.

А его действительно ждали. Ждал Кутузов. Ждали полководцы. Каждый, получив своё предписание, отправился исполнять в свои полки.

Несмотря на напряжённость, Михаил Илларионович находился в доме Варлама, в отведённых ему покоях. Как ни в чём не бывало принимал гостей. Вёл с ними светские беседы, о погоде, о видах на предстоящий урожай, об успехах в торговле, о ценах. Попутно, как бы мимоходом, решались коммерческие вопросы. Иногда отвлекался, уединяясь с прибывшими вестовыми в кабинете. Через некоторое время непременно возвращался к гостям и продолжал приём. Надо сказать, после каждой такой беседы открывался походный сундучок, где находились самые интимные, очень дорогие для Кутузова вещи. Туда же складывались приличные суммы, иногда поменьше, но чаще солидные, всё больше в тяжёленьких шёлковых мешочках.

Вот и сегодня вечером во дворце Варлама собирался цвет бухарестского общества.

С утра суетилась дворня, убирали покои, таскали посуду, меняли свечи в люстрах, натирали зеркала, полировали полы из дубового паркета. Из кухни неслись аппетитные запахи. То тут то там звучал сердитый голосок Луксандры.

Приехала госпожа Барканеску, мать Луксандры. Радостно, фальшиво расцеловавшись с дочерью, была представлена генералу. У Михаила Илларионовича от вида Катеньки засало под ложечкой. Бледное благородное ухоженное лицо, с прямым носиком и чувственными малиновыми губами; яркие, выразительные глаза с притягивающим, зазывающим, всё понимающим и разрешающим взглядом туманил, кружил голову немолодому, но ещё вполне достойному мужчине. Они уже как-то виделись на одном из приёмов, но пообщаться близко не могли.

— Луксандра! — обратилась она к дочери. — Позаботься, пожалуйста, о вещах. Там моё платье в коробке, проследи за ним особо.

Сашенька почтительно склонилась, брызнув загадочно взглядом на воспылавшего генерала, резко развернулась и, чеканя недовольно каблучками, вышла из комнаты. Вдали раздались в адрес прислуги громкие сердитые возгласы Луксандры.

– Ничего, молодая ещё. Успокойтесь, – лукаво улыбнулась Катенька. – А что, мой general? Вам не приходится скучать вдали от дома?

Катенька приблизилась к зардевшемуся лицу генерала. Тонкий аромат цветочного масла, тёплое лёгкое дыхание прелестной дамы кружил голову. «Ох уж эти валашские фемеи! Они хлеще польских паненок», – успел подумать старый вояка и, притянув Катеньку к себе, впился своими губами в её розовые губки. Она чувственно ответила ему.

В дверь негромко постучали. Он тихонько отстранил даму, но из рук не выпустил. Её груди трепетно колыхались в обшитом дорогими, французской работы кружевами декольте. Он нежно поцеловал их и тихонько отстранил от себя.

– Госпожа Барканеску! Прошу прощения! Вы восхитительны. Честь имею. Дела.

– Благодарю вас, – ответила Катенька. – Вы настоящий генерал моего сердца.

Генерал склонил седеющую, но всё ещё курчавую голову перед дамой.

Она глянула в настенное зеркало, обмакнула платочком губы, кокетливо улыбнулась Михаилу Илларионовичу, направилась к выходу.

Генерал галантно открыл дверь, почтительно склонив голову, выпустил даму. Пригласил войти денщика. Тот, вытянувшись, доложил:

– Секунд-майор Каменский!

Кутузов глянул в зеркало, одёрнул военный сюртук. Надел парик, поправил локоны. Обернулся к денщику, махнул приглашающе рукой, спокойно произнёс:

– Проси!

ГЛАВА 13

Бодро чеканя шаг, без фатализма, в несвежей полевой форме, без орденов, но при сабле, вошёл Каменский.

– Жду вас, уважаемый Павел Арсеньевич, с нетерпением, – произнёс генерал, сдерживая эмоции и стараясь не повышать голос.

Указал усталому майору на установленный в углу кабинета диван. Место, не имеющее смежных с соседними помещениями стен, а значит труднодоступное для подслушивания.

Кутузов слушал майора внимательно. Слегка склонив к офицеру голову, он рассматривал лежащую на колене кисть руки офицера, с огрубевшей кожей, натруженными пальцами, не перебивал.

В общем сложившаяся обстановка командующему была понятна и им ожидаема. Доклад майора подтверждал, что все предпринятые меры предосторожности были правильными. Ахмет-паша получил сведения из ставки Кутузова именно те, которые он и должен был получить, благодаря стараниям людей Каменского и Анжели.

Главное, в чём уверился генерал-аншеф, – Ахмет-паша поверил своим агентам, выступил из Шумлы в сторону крепости Рушук, не дожидаясь подхода основных сил. Надеялся взять Рушук штурмом с ходу, опрокинуть гяуров в Дунай. Не дать времени Кутуз-паше как-то среагировать, собрать силы. Подошедшие тем временем свежие резервы направить сразу к переправе, а далее, преследуя и громя остатки русских сил, быстро дойти до Бухареста и, не останавливаясь, на плечах русских взять столицу Валахии.

Дождавшись окончания обстоятельного доклада разведчика, генерал встал. Мигом поднялся и майор.

Михаил Илларионович подошёл к письменному столу. Произвёл несколько записей в журнале, видимо, для памяти. Мимо взгляда Каменского ничего не могло пройти просто так. Но в произведённых командующим каракулях ничего нельзя было понять.

– Да-да, уважаемый Павел Арсеньевич! – проговорил вполголоса Михаил Илларионович, словно угадывая мысли майора.

Закончив, закрыл журнал, взял свечу и, наклонив над журналом, накапал растаявший воск на застёжку переплёта.

Приложил нанизанный на мизинец серебряный перстень-печатку.

— В нынешних условиях приходится беречь свои мысли от чужих глаз и таким образом.

Кутузов, убрав журнал, подошёл к Каменскому. Громко, видимо, специально для чутких сторонних ушей засмеялся в голос.

— Ну, батенька, и смешную же историю рассказали. Я давно такой забавы не слышал. Ну Ланжерон, ну француз! Опростоволоситься, купить по дешёвке партию сапог на картонной подошве. Обменять их тут же у греков на оливковое масло и получить в придачу бочку кипрского вина в подарок.

Генерал, поглядывая на смежную с соседней комнатой стену, продолжал весело хохотать. Знаками призывал майора подыграть ему.

— Это ещё не всё, — засмеявшись громко в ответ, проговорил майор, — греки отправились к туркам и непонятным образом всучили сапоги тамошним крестьянам, получив за них полсотни баранов.

— Вот что, батенька, — проговорил, не снижая голоса, генерал, — сегодня хозяин дома устраивает приём в честь приехавшей матери Сашеньки, госпожи Барконеску... Пора Вам уже познакомиться с известной Вам мадам Катенькой Гике, — проговорил уже вполголоса Михаил Илларионович. — Интересная фигура в местных кругах. Я представляю вас. Займитесь ею поплотней. Отвлеките от моей персоны. А то Сашенька находится не в себе от повышенного внимания её чувственной маменьки ко мне.

Генерал глянул на стену с «ушами», громко продолжил:

— Вам, майор, надо поторопиться. Негоже перед дамами в походной форме предстать.

Снизив тембр голоса, продолжил:

— Подумайте, что надобно услышать Катеньке из ваших уст.

Михаил Илларионович, глянув на Каменского здоровым глазом, лукаво скосил глаз незрячий.

«Ловко у него получается. Смешно! — подумал майор, сдерживая улыбку. — Надо же, он и так умеет? И вправду старый лис! И ловелас тоже тёртый».

Тем не менее майор не спешил уходить. Как-то неловко замялся.

— Что такое, Павел Арсеньевич? — генерал недоумённо посмотрел на офицера. — У вас что-то есть ко мне?

— Так точно! Есть. Разрешите доложить? — вытянулся во фронт секунд-майор.

— Докладывайте.

Михаил Илларионович озадаченно обернул голову в сторону майора.

— Я и сам хотел напроситься у вас присутствовать на приёме. Не знал, как вас просить.

— Что такое? Ну, говорите же. Раз уж начали, — проговорил генерал, ещё более озадаченный.

— Ваш старый знакомый француз Анжели появился. Крутится вокруг усадьбы Варлама. Нездоровый интерес проявляет к предстоящему приёму. Это не к добру. Видимо, ваша персона не даёт покоя французам, — вполголоса проговорил разведчик.

Переведя дух от волнения, продолжил:

— Предложение ваше пришлось как раз кстати. Я придумал план наших действий, но это возможно только при вашем согласии и вашем небольшом участии. Хочу предупредить — это может быть опасно для вашей персоны, но ещё более опасно не предпринимать никаких мер вообще.

У майора от напряжения и волнения пот на лбу пробил. Реакция бывалого, прожжённого придворного интригана, опытного вояки не предсказуема.

Теперь уже у Кутузова побежали по телу омерзительные холодные мурашки. Словно смертью обдало, как тогда, в жуткой атаке на стены Измаила. Опять этот мерзкий Анжели на его пути. Сколько можно? Никак не успокоится старый вражина. Чёрным вороном вьётся всё вокруг.

— То-то я чувствую падалью пахнет вокруг. И Катенька явилась вдруг неожиданно, — проговорил, нахмурившись,

Михаил Илларионович. — Травить будут! А если не получится — Анжели с кинжалом поджидать будет. Сам навряд ли, трусоват. А вот люди его, видимо, уже тут. Поджидают.

Генерал обернулся к Каменскому. Спросил:

— В чём я не прав, Павел Арсеньевич?

— Всё правильно. Им нужны вы. Вернее, ваша неожиданная смерть. Только это им нужно. Сразу будут решены все вопросы с турками на юге. И придаст французам уверенности на западных границах России. Не получилось у них в степи, рассчитывают достать вас в бухарестских апартаментах. Но я и мои люди здесь, рядом с вами. Ждут сигнала, а мне нужно ваше решение, — уже спокойно проговорил Каменский.

— Я в вашем распоряжении, майор. Разъясните мою задачу.

Когда секунд-майор ушёл, Михаил Илларионович вернулся к дивану. Присел. Откинулся на высокую мягкую спинку. Прикрыл глаза. Посидел несколько минут тихо. Ни о чём не думал, не мог думать. Устал. Но через мгновение громко позвал денщика. Надобно привести себя в порядок. Впереди ждало ещё одно изнурительное светское мероприятие. А у него уже дрожало нутро. Это чувство всегда наступало перед кульминацией, перед началом большой развязки долгой невидимой битвы. «Скорей бы в поле, на воздух, на волю!» — с тоской подумал генерал.

Вошёл денщик. Принёс медный тазик и кувшин с горячей водой, через плечо два белых полотенца. Долго правил бритву о кожаный ремень. Усадил генерала на изящно изогнутый стул, стал распаривать горячим полотенцем пышные щёки генерала. Долго и усердно брил. Процедура была привычной для обоих. Своё лицо никому больше не доверял.

Михаил Илларионович долгое время справлялся один. Но подглядел, как это дело было поставлено у Суворова. Его верный Прохор был тому одновременно и поваром, и нянькой, и суровым дядькой. Безропотно одному ему подчинялся во всём великий полководец. Он по-доброму позавидовал тогда Александру Васильевичу. И всегда мечтал о таком верном помощнике. Но тот был не просто слугой. Прохор был верным другом, батькой, братом. И не только по хозяйству.

В страшную, невыносимо тяжёлую минуту, несмотря на свистящие пули, Прохор был рядом, подпирал окровавленную тщедушную фигурку тяжело раненого генерала, вставшего перед беспорядочно бегущими солдатами. Увидев окровавленного, но живого Суворова, бегущие солдаты остановились и ринулись вновь на врага, опрокинули турок в море. То было под Очаковым, на Азове. Потом на руках, изнемогая, верный Прохор нёс Суворова, как дитя, на руках, утопая по колено в песке, до лазарета. Чей подвиг тогда был большим — его или Суворова? То загадка души человека, русской души.

О таком слуге Михаил Илларионович не смел и мечтать. Такое можно только заслужить перед самим Господом. Прежде всего — чистотой души.

Закончив процедуру, долго надевали генеральский мундир с блестящими и в орлах золочёными пуговицами, блестяще начищенные сапоги, парик. Поверх мундира повязали белый шёлковый шарф.

— Ну вот и порядок, — проговорил довольно денщик.

Он хоть и не Прохор, но своё дело знал и обязанности свои соблюдал исправно. Лукаво улыбнулся:

— Хоть в женихи, на свадьбу!

— Но, но! Поговори мне, — пробурчал в ответ Кутузов, оглядывая себя в зеркало. — У нас с тобой, Еремей, стоят другие задачи. Ты, дружок, приготовь мне походный мундир и вместо парадной шпажки сабельку подготовь. Да пару пистолетов заряди. Карету подготовь, провизии на дорожку и не спи, жди меня. И всё чтоб было тихо.

Михаил Илларионович глянул суровым глазом на седого Еремея. Тот понятливо, не выказывая удивления, вытянулся. Привык. Чай, не на службе у барина. У генерала. Да какого!

ГЛАВА 14

Приём был в разгаре. Не приём, а настоящий бал. Столы ломились от шикарных блюд. Сервировка сверкала дорогим хрусталём, белым саксонским фарфором, отливающими

золотом столовыми приборами. Валашские вельможи понимали толк в еде, ели много и с аппетитом. На балконе вовсю старались музыканты во фраках. Дамы блистали в шикарных нарядах, дорогих украшениях. Местная знать (и не только) старалась показать себя и своих дам во всём блеске. Вели себя чопорно, внимательно наблюдали за всеми мелочами. Не дай бог проявят к их особам хоть какое-то непочтение!

Старался во всю и Михаил Илларионович. Вёл себя раскрепощённо, громко смеялся над шутками, сам шутил, внимательно слушал тосты, благодарно отвечал. Пил за короля, за свободу Валахии, за верную дружбу. Но бокал был один и почти всегда полон. Искусству имитации бурного питья и неужемного обжорства был обучен. Опыт бурной жизни при дворе в Петербурге был достаточно серьёзным, не говоря о приёмах в султанском дворце в Истамбуле.

В углу, в обществе майора Каменского, весело хохотала Катенька Барканеску.

Луксандра не пропускала ни одного танца, весело отплясывала в обществе молодой знати, вела себя совершенно беззаботно. Только иногда поглядывала взглядом в сторону генерала. Недовольная невниманием его к себе, заставляла партнёров исполнять свои прихоти. Видимо, злилась, завидовала матери, веселящейся в обществе молодого русского офицера. «Что он, молодой красавчик, нашёл в этой старухе? Русский генерал не обращает на меня никакого внимания, да и офицер не глядит, ни разу ни пригласил на вальс», — проносились в её молодой головке чёрная зависть к успеху матери.

Вдруг вошёл церемониймейстер. Музыка стихла. Пройдя к центру зала, пристукнул своим солидным золочёным посохом о дубовый, натёртый вишнёвой мастикой пол, громко объявил:

— От командующего Русской армией на Дунае, дорогого гостя Константина Варлама, генерала от инфантерии и кавалера Кутузова Михаила Илларионовича и офицерского корпуса — цветы хозяйкам бала Луксандре Гулиано и её матери Катеньке Барканеску.

Оркестр, по знаку церемониймейстера, заиграл туш. Четыре русских офицера торжественно внесли в центр зала две огромные корзины с тюльпанами, сиренью и прочей красотой, установили перед растерявшимися дамами.

Помня просьбу генерала, Каменский первым подбежал к Катеньке, щёлкнул каблуками, галантно пригласил даму на танец. Та, недовольно зыркнув глазками в сторону генерала, присела в реверансе, положила руку на шитый золотом эполет офицера. Закружила с ним по блестящему паркету.

Тут встал генерал. Шагая натёртыми воском до зеркального блеска сапогами, в белых лосинах, синем сюртуке, в орденах, подошёл к Луксандре, галантно склонив голову, пригласил юную даму на танец.

Присутствующие гости встали с мест, дружно захлопали в ладоши. Через минуту весь манеж был заполнен вальсирующими парами.

Сашенька, довольная оказанным вниманием, откинулась на руки генерала, упивалась танцем. Михаил Илларионович, заметив знак майора, подвёл в танце Сашеньку к её мужу.

— Прошу извинить меня, Сашенька, я должен ненадолго покинуть вас.

Генерал галантно передал Луксандру, поклонился и пошёл к выходу, лавируя между танцующими.

В вестибюле было довольно сумрачно, в бронзовых настенных канделябрах горело всего несколько одиночных свечей. Но генерал как ни в чём не бывало пошагал к своим покоям. Тут вдруг колыхнулось от возникшего сквозняка пламя в свечах. В глубине мелькнула тень. Но генерал невозмутимо продолжал движение. Вслед ему из зала громко зазвучал марш Преображенского полка. «Странно, — пронеслось в голове Кутузова, — откуда здесь знают этот марш, по чьему указу играют?»

Вдруг перед ним возникла фигура человека, завёрнутая в чёрный плащ. От неожиданности генерал отпрянул, прижался спиной к стене. Моментально выхватил из-за пояса маленький потаённый пистолет.

— Не двигайся, стрелять буду, — спокойно произнёс генерал и взвёл курок.

— Я, Михаил Илларионович, ваш старинный друг и сослуживец, в прошлом капитан армии фельдмаршала Румянцева, — стоящий перед ним человек откинул плащ, приподнял широкополую шляпу.

В глаза бросилась до боли знакомая мерзкая улыбка.

— Да, капитан, времени ушло много, но твоя улыбка и твоя деятельность не стали менее мерзкими. — Генерал не сводил с него пистолета.

— Не дурите, генерал. Вы же понимаете, со мной шутки не проходят. Лучше сдайтесь, и мы тихо пройдем в ваш кабинет. Отдадите то, что мне потребуется. А вы прекрасно понимаете, что мне надо, и мы разойдемся спокойно. Вы займетесь своими делами, я своими. Как в картах. Каждый будет при своих.

— Нет, капитан, с тобой играть бесполезно. Знатно шельмуешь. По Стамбулу помню. А до этого Очаков был. Суворов лично как вора брал. Царица тогда пожалела, милостиво оставила жить, только с позором выдворила из России. А я жалеть тебя не намерен. Бесполезно.

Михаил Илларионович почувствовал, как по спине побежали капли холодного пота, ноги предательски ослабели в коленях. «Да, не молод уже в такие игры играть, — промелькнула в голове паскудная мысль, — не генеральское дело в шпионах ходить».

— Повторяю, генерал, я не один. И я не шучу. Пройдите в свой кабинет тихо. Там всё решим спокойно.

Тут в зале громко ударили литавры. От неожиданности и напряжения Анжели вздрогнул. Выхватил правой рукой кинжал, левой пистолет, дёрнулся к генералу, но тут же охнул, запрокинул голову и медленно стал оседать на пол. Это его, придерживая, укладывал на пол майор. Тут же слева и справа по коридору раздался лёгкий шум. Но всё быстро затихло. К майору бесшумно подошли четыре человека в плащах, Михаил Илларионович их узнал.

«Вот для чего этот шик с цветами, — догадался генерал, — конечно, а как ещё незаметно провести сюда своих людей? Ну майор, ну голова! Да-а, времена меняются, люди тоже, а нравы всё те же, сволочные».

Через некоторое время из ворот усадьбы Варлама тихо выехала карета. К ней присоединилась полусотня казаков. Взяли направление на запад, к Дунаю. Впереди ждала крепость Рушук.

Во дворце светились окна, оркестр играл мазурку. А в апартаментах командующего приходили в себя, барахтались, пытались освободиться от пут раздетые донага Анжели и ещё пять человек его помощников.

ГЛАВА 15

Армия Ахмет-паши уверенно, не встречая каких-либо препятствий, походным маршем продвигалась на восток к крепости Рушук. С рассветом, когда до намеченной цели осталось тридцать вёрст, Ахмет-паша дал команду остановиться на привал. Пора произвести разведку, передохнуть, привести себя в порядок, позаботиться о конях, накормить всех.

Но самое главное — визирь ждал известий из стана противника. Он до сих пор был в неведении о намерениях русских. Пока было известно только одно — никаких решительных действий, передислокаций, строительства дополнительных оборонительных сооружений в разбросанных по берегам Дуная войсках не ведётся. Только в Рушук прибыло всего пять тысяч солдат с пушками, для подкрепления гарнизона крепости, да в районе Силистрии замечена слабая суета после прибытия туда генерала Ланжерона. Туда же подтянулась речная флотилия русских. Сам же Кутузов ведёт размеренный образ жизни. Продолжает развлекаться с молодой конкубиной, ведёт вялую торговлю. Иногда проводит совещания с генералитетом.

Но Ахмет-паша прекрасно знал Кутуз-пашу, шайтан ещё тот! Что-то задумал, затаился. И разведка никак не может помочь. Одна надежда на Анжели. Этот француз давно вьётся вокруг. Он заметил его ещё в Стамбуле. Вот и здесь проявился, организовал серьёзную шпионскую сеть среди

валашских вельмож, крупно интригует, сорит деньгами, но целей своих не раскрывает. Хотя и так понятно, главная задача поставлена Бонапартом. Активизировать военные действия на дунайском театре, связать армию русских в войне с Турцией. Не дать возможности русскому императору усилить свою армию на западе.

Размышления сераскира прервал вошедший в шатёр селихдар. Доложил:

— Чорбаджи прислал гонца.

Ахмет-паша оторвался от мыслей, разрешающе кивнул оруженосцу, который в походе был всегда рядом с командующим и замещал один обязанности всех помощников.

Вошедший, отдав почести великому визирю, передал запечатанный свиток. Бросив взгляд на текст сообщения, сераскир изменился в лице, даже побледнел.

Из донесения чорбаджи следовало, что весь гарнизон численностью более пяти тысяч человек с пушками, конницей и обозом под командованием генерала Ланжерона оставил крепость Силистрию, которая находилась ниже по течению Дуная, и организованно, быстрым маршем двинулся к Рушуку. Сама крепость, а точнее, её основная боевая часть, все вспомогательные укрепления были взорваны.

Это означало, что Кутузов неожиданно увеличил свои силы под Рушуком до пятнадцати тысяч.

«Вот шайтан, проявил себя наконец. Хитрый лис, поэтому он вёл себя так тихо в Бухаресте, основные силы вывел, направил в Молдавию. Но далеко не увёл, придержал в Бендерах. Гарнизон из Силистрии вывел, крепость взорвал, — лихорадочно соображал сераскир. — Что дальше? Неужели он хочет открытого боя? Какими же будут действия Кутуз-паши? Ему нужно ещё пять тысяч, не меньше, быстро доставить, тогда его силы уравниются с моим войском». Ахмет-паша достал карту, развернул. Стал лихорадочно водить по ней руками, изучать, хотя он и знал её наизусть, но так наглядней.

Рука уткнулась в крепость Никополь, расположенную выше по течению Дуная. «Особой остроты в той зоне нет. Там стоит более четырёх тысяч русского гарнизона. Вот от-

куда он снимет гарнизон, — догадался Ахмет-паша. — Вот я и разгадал тебя, старый лис. Немного поздно, но ничего, не так обидно будет».

— Неужели он взорвёт Никополь? Жалко, — произнёс сераскир вслух.

Сидящий у входа селихдар от неожиданности вскочил, удивлённо посмотрел на разговаривающего с собой господина.

У шатра послышался топот копыт подъехавшего всадника. Это прибыл гонец с очередным донесением. «Ну вот и известия, которых я ждал, прибыли». Ахмет-паша дал знак селихдару, чтобы тот впустил гонца.

— Взорвал всё-таки Никополь, шайтан, — огорчённо произнёс великий визирь, прочитав срочное донесение.

Ему действительно было жаль эту старую крепость.

Город, основанный византийским императором Гераклем ещё в седьмом веке на живописном высоком правом берегу Дуная, был очень удобно расположен в фортификационном плане. В четырнадцатом веке во время активных действий османской Турции по завоеванию болгарского царства Тырново Никополь фактически стал столицей Болгарии под управлением царя Ивана Шишмана вплоть до его полного поражения, тогда в конце XIV века Болгарское царство перестало существовать как государство. Далее город-крепость жил и развивался под Османским владычеством. Никополь более четырёх веков являлся важным форпостом с сильной крепостью на северных рубежах Османской империи.

Здесь было разгромлено войско крестоносцев во главе с венгерским королём Сигизмундом I. Через двести лет валашский господарь Михаил нанёс поражение турецкому войску. Более чем через сто лет русским отрядом под руководством генерал-майора Вяземского Никополь был взят. И вот теперь его боевые укрепления разрушены.

Начертав наскоро бумагу с приказом незамедлительно направить основные силы к Рущуку, отправил гонца в Шумлу. Не став дожидаться сведений от разведчиков из-под Рущука, приказал поднять войско в поход.

ГЛАВА 16

Утро наступало нехотя. Солнце ещё не появилось, но окрестности уже были видны. Из-за синеватого тумана, стелющегося по степи от сырого Дуная, выплывали мрачные куртины крепости Рушук.

Через мгновение первые отблески розового света появившегося из-за стен крепости солнца озарили землю. Ещё вчера все окрестные луга, полные богатым разнотравьем и полевой живностью, излучали покой, радость. Всюду пахло счастьем и миром. Но за ночь вся округа преобразилось. Вместо покоя и счастья, дарёные природой и Богом всему живому на земле, выросли тревога и страх в виде вырытых траншей, нарытых брустверов, установленных колючих фашинов, ошетилившихся жерлами воронёных пушек, спешно сооружённых редутов. Это тихое утро пахло смертью.

В окопах спали усталые воины. Натруженные долгим переходом, а потом работой по сооружению защитных укреплений военного лагеря они не видели рассвета. У многих из них эта самая короткая ночь в году была и самой последней в их жизни.

Ахмет-паша не спал. Вьехав на небольшой холм в окружении свиты, он разглядывал в подзорную трубу появившиеся из тумана крепостные стены и сооружённые перед ней полевые укрепления русских. Визирю сильно мешали бившие прямо в лицо солнечные лучи. Даже солнце противостояло ему. Яркий свет, бивший прямо в лицо, слепил, мешал разглядеть в тонкостях сооружённые бастионы, затруднял возможность сосчитать количество и определить калибр пушек.

Тем не менее он смог разглядеть неспешное движение в стане русских. Видимо, из крепости доставлялись боеприпасы, вода, продукты. На правом фланге русских редутов Ахмет-паша увидел штандарт генерала Эссена. Но полевые бастионы на этом фланге были сооружены наспех. В некоторых местах работы по сооружению фортификаций

продолжались. Видимо, эти полки прибыли из Никополя, сравнительно недавно, ночью, и спешно приступили к работам. А это значит, что на отдых времени у бойцов правого фланга русских не было, передышку им давать ни к чему.

В центре и на левом фланге всё выглядит значительно серьёзней. На насыпных бастионах установлены орудия. Они прочно прикрыты уложенными мешками, набитыми глиной. Снаружи сплошной стеной установлены фашины из плетёных ветвей ивы. Благо берега Дуная рядом, где ива растёт в изобилии.

Великий визирь заметил развевающийся на левом фланге русских штандарт генерала Ланжерона. Этот француз привёл войска из Силистрии много раньше, вот и бастионы на его фланге выглядят мощнее, и бойцы успели передохнуть. Конницы не видно, прячут в тылу и глубоких оврагах.

Прорезавшиеся крутые склоны к берегу Дуная, овраги будут защищать правый фланг от набегов конницы.

Штандарта самого Кутузова ни на башнях крепости, ни на полевых бастионах видно не было. «Хитёр, старый лис. Себя не высвечивает. Бережётся, — размышлял Ахмет-паша, выискивая с помощью массивной подзорной трубы слабые места в укреплениях русских бастионов. — Появится в самый последний момент, когда изменить что-либо будет трудно. Или просто поднимет свой штандарт над местом своей дислокации. Хотя сам со своим штабом уже давно на месте».

Визирь опустил трубу. От тяжёлого инструмента затекли руки. Держать долго сей замечательный прибор, подарок Бонапарта, было затруднительно. Приказал слуге принести и установить треногу. Пока селихдар осторожно возился с установкой ценного прибора, визирь склонился над картой, стал наносить отметки. Командующий понимал, что времени у него в обрез. Нужно немедленно начинать боевые действия. Каждая отстроченная минута укрепляла позиции противника. Но и спешить было нельзя, уж слишком опытен Кутуз-паша, да и хитрым живым умом обладал. Паша знал, что в юности Кутузов изучал артиллерийское дело, значит, знал в

совершенстве математику, умел считать. Его блестящие расчёты диспозиций, углов атаки, дальноточности артиллерии, не раз являлись залогом успеха выигранных им боёв.

Собирать военный совет времени не было. Быстро накидав на бумаге несколько строк приказа, добавив схему действий, отправлял гонцов в войска. Закончив, опять подошёл к подзорной трубе, установленной на треногу. Через несколько минут лагерь турецкой армии зашевелился. Затрубили трубы, тревожно зазывая полки к действию.

На передний край и фланги выкатили пушки, через мгновение утреннюю тишину и благодать разорвали оглушительные залпы грозных орудий. Округу опять заволокло, но уже не утренним свежим туманом, а горьким, тошнотворным и кислым запахом горелой серы в тяжёлом пороховом дыму от пушечной палёбы.

В ответ заговорили набатом орудия с русских бастионов, пытаясь накрыть турецкие батареи. Но проворные турки, грамотно используя рельеф местности и дымовые завесы, быстро меняли расположение своих батарей. В результате ответные снаряды часто ложились в места, где орудий турок уже не было. Русские тяжёлые орудия стояли стационарно, без движения. Зато они были дальноточные, надёжно укрыты за земляными укреплениями. Засыпанные красной глиной между рядов установленных плетёных фашин, они прочно защищали от попаданий турецких ядер.

Через некоторое время от утренней придунайской благодати не осталось и следа. Лишь чёрный пороховой смрад всё сильнее окутывал округу. Стоявшую анатолийскую конницу, укрытую в обширных садах, высаженных и ухоженных трудолюбивыми мирными жителями Рушука, практически не было видно. Ахмет-паша, быстро начертав несколько строк, отправил гонца к Бошняк-Ага.

Используя густую дымовую завесу, конница сипахов, оставаясь незамеченной, пробралась к расположению русских войск. Если правый фланг русских упирался в русло речки Лом, обрывистые берега которой были густо покрыты терновыми кустарниками, что сильно мешало действию

конницы, то, наоборот, с левого фланга раскинулась обширная равнина.

Тяжёлая конница, ведомая свирепым Бошняк-Агой, вырвалась из садов в степь и, набрав скорость, понеслась, прикрываясь дымом, в обход расположения русских, надеясь выйти им в тыл. Но их заметили. Артиллерия немедленно открыла огонь, упреждая продвижение конницы в обход русских войск. Тогда Бошняк-Ага, дабы не подставлять свою конницу под губительный огонь русских батарей, принял левее. И лавина тяжёлых сипахов рванула между крайними каре пехоты, прорвала сначала первую линию, потом стремительно прошла между каре второй линии и обрушила всю свою мощь на кавалерийские полки белорусских гусар и кинбурнских драгун, стремительно смяв их и опрокинув. Не останавливаясь, подчиняясь командам своего чорбаджи, разделилась на две колонны.

Одна из них, не снижая темпа, понеслась к Рущуку, другая, ведомая самим Бошняк-Агой, устремилась в обход левого фланга русских сил, сменяя пехоту, ломая строй русских, вырезая артиллеристов, тащивших свои лёгкие полковые пушки между каре.

Положение русской армии приобрело для себя наихудший исход в самом начале сражения. Сипахи, воодушевлённые успехом, стремительно развивали своё продвижение по тылам противника. Одна конная лавина, не встречая сопротивления, стремительно приближалась к главным воротам Рущука. Когда до крепости осталось не более версты, вдруг открылись ворота, из них организованными рядами быстро выходили гарнизонные батальоны, рассыпались в три шеренги, припали на колени, изготовив ружья к стрельбе.

Дождались момента приближения противника на расстояние полёта пули, меняя попеременно шеренги, открыли непрерывный залповый огонь. Сипахи, не ожидавшие такого быстрого, массированного, главное — точного, прицельного огня, посыпались горохом с коней. Громко ржали от боли раненые лошади. Шарахаясь в стороны, в истерике били копытами других лошадей и их всадников. Стремительное продвижение к крепости захлебнулось.

Рассыпавшись по степи, неумолимо теряя людей, спасаясь от смертельных залпов, начали беспорядочный отход. Русские стрелки, побатальонно сменяя друг друга, вели методичный, неторопливый и точный огонь, оказавшийся таким губительным для сипахов.

Навстречу колонне, ведомой Бошняк-Агой, неслись казаки и Лифляндский драгунский полк. Удар был их стремительным и неудержимым. Турки к тому моменту уже изрядно подустали, смены не предвиделось. Теряя людей от ударов стремительной атаки русской конницы, турки обратились в бегство.

Схема расположения войск в сражении под Русчуком 22.06.1811 г.
(Взято с сайта интернет-энциклопедии «Хронос»)

Великий визирь, наблюдая за ходом боя, приказал вернуть орудия и поддержать отступающую конницу, но действия артиллерии хоть и помогли спастись сипахам, но изменить ход событий не смогли.

Тогда, пытаясь выправить положение и не потерять наступательной инициативы, Ахмет-паша выдвинул из резерва анатолийскую конницу, бросив её на левый фланг и центр русских. Но атака полудиких анатолийцев на тот момент уже запоздала. Русские смогли навести порядок, оправиться после первой смертельной атаки турок, сомкнуть ряды, привести в порядок полевую артиллерию. Десятитысячная анатолийская конница с воем и гиканьем набросилась с новой силой на левый фланг русских.

Фланговые каре, на этот раз сплотившись, мужественно отбивали атаки анатолийцев, падая от страшных ударов кривых сабель. Прорвав линии мужественно оборонявшейся русской пехоты, турецкая конница ринулась к крепости, надеясь с ходу смять егерей из Рушукского гарнизона. Но дикую лавину встретили достойно. Хорошо организованные и до этого неплохо обученные егеря были в полной готовности и, только дождавшись приближения конницы на расстояние выстрела, дали дружный ружейный залп, следом второй, потом третий. К тому моменту уже были перезаряжены ружья первой шеренги. После четвёртого залпа ряды анатолийцев сильно поредели. Тут в тыл туркам ударила русская конница. Это уже силами оперативных действий главнокомандующего Дунайской армией была собрана в кулак вся кавалерия.

Турецкая конница, до этого не знавшая горечи поражения, вынуждена была обратиться в бегство, неумолимо теряя при этом людей.

Отступив обратно к садам, турки перегруппировалась. На этот раз, выполняя приказ разъярённого визиря, направили свои поредевшие, но всё ещё смертельно опасные силы на правый фланг русских, оставив левый фланг каре русских турецкой артиллерии и грозным, хорошо обученным и организованным янычарам.

Но у Кутузова ничего не оставалось не замеченным. Оценив ситуацию, он распорядился выдвинуть 37-й егерский полк. Те рассыпались по краям глубокого оврага, встретили всё ещё свирепую конницу дружным огнём. Тогда конница турок разделилась и кинулась во фланг егерям одной колонной, другой попыталась зайти в тыл. Но и тут главнокомандующий был начеку. Направил на помощь егерям лифляндских драгунов, усилив их двумя сотнями казаков.

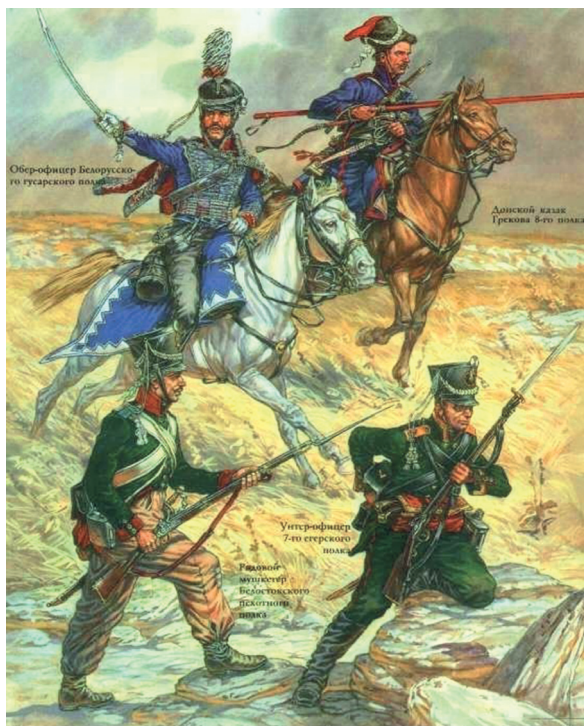
Завязалась кровавая сеча. Впрочем, драгуны в кровавое месиво не втягивались, периодически выходили из боя, пока казаки отвлекали турок на себя. Отъезжали в лощину, по примеру казаков, не выпуская сабель из рук, падали на землю навзничь. Глубоко вдыхая запахи степной травы, лежали, давали телу отдохнуть. Потом быстро поднимались, перегруппировывались и нападали с новой силой на озверевших от крови и страха вражеских кавалеристов. Помогали и егеря, опрокидывая точными залпами анатолийцев и сипахов. Видя, что силы стремительно тают, турки, спасаясь, бросились в бегство.

Остатки анатолийской конницы и тяжёлой конницы сипахов укрылись за небольшим холмом, покрытым колючим кустарником и паслёновыми зарослями.

Перегруппировавшись, немного отдохнув, стали готовиться к новой атаке. Они не могли успокоиться от полученного унижительного для них, таких несокрушимых в предыдущих боях, мощного отпора русской кавалерии. Они жаждали реванша, не могли простить себе своего бегства.

Кавалерия русской армии, уставшая от продолжительной битвы, изнуряющей работы в седле, горячей скачки, полученных ран в безжалостной рубке, тоже нуждаясь в отдыхе, стала отходить.

Но тут навстречу им из-за русских редутов буквально вылетели казаки, драгуны и другие кавалеристы, до этого находившиеся в резервной третьей линии. Впереди, с шашкой наголо нёсся на белом коне генерал-лейтенант Войнов.

Вот так выглядела армия Кутузова при Рущуке и Слободзее

Александр Фёдорович был опытейшим воином, участником швейцарского похода, отличился при взятии Бендер вместе с Кутузовым, под командованием великого Суворова штурмовал стены Измаила.

Он пристально наблюдал за действиями вверенной ему кавалерии. Видя славный бой и разгром бешеной анатолийской конницы, непобедимой до этого, тяжёлой турецкой конницы, спасающейся сейчас бесславленным бегством, он не мог допустить недоделанной работы. Правильно поняв взгляд обернувшегося к нему вполоборота Кутузова, вскочил на коня и уже через мгновение скакал полным аллюром во главе резервного кавалерийского отряда, на замену безумно уставшим героям.

Увлекая за собой возвращающиеся эскадроны, помчался к высоте, за которой скрылась турецкая конница. И вовремя.

Навстречу уже шла галопом лавина дико орущих турецких всадников, жаждущих немедленной расправы с обидчиками.

Схватка была особо жестокой. Летели в степную траву обритые головы анатолийцев. Распадались пополам разрубленные тяжёлыми турецкими саблями, килиджами, от плеча до седла, тела чубатых казаков. Со страшным ором, гневными матюгами, из последних сил рубились драгуны. Невозмутимо, словно и не было перед этим боем изнуряющего сабельного сражения, бились казачки. Ловко вращая свои выдавшие виды, ещё дедовские шашки, металась в кровавой сечи. Молодые, ещё совсем недавно юные хлопцы, а теперь вымазанные кровью и вонючей требухой поверженных врагов мужи.

Не выдержав бешеного напора русских уже который раз за этот долгий кровавый день, турки бросились беспорядочно бежать. Их догоняли, догоняя — добивали, кололи, рубили напрочь головы. Много потеряли в этом бою своих воинов обе стороны. И, может, было бы больше смертей, но увидел на склонах холма изготовившихся к стрельбе стрелков в красных кафтанах взмокший от изнурительной работы генерал Войнов. То были янычары, особенно опасные бойцы в османской армии. Приказал трубить отбой.

Великий визирь, раздосадованный неудачей своей кавалерии, метал громы и молнии.

Понимая, что со стороны русских было бы правильным не дать противнику оправиться, немедленно атаковать их лагерь. Приказал занять окопы, приготовиться к отражению ответной атаки русских. И вовремя. С обоих флангов русских спешила русская пехота. Их встретили ружейным огнём засевшие в окопах турецкие стрелки. Но наступающую пехоту генерала Засса и генерала Ланжерона было не остановить.

Проявил сноровку генерал-майор Резвой. Правильно сориентировал своих канониров, дал дружный залп из фронтальных насыпных бастионов, расположенных на искусственных высотах, по окопам неприятеля, чем спас множество русской пехоты.

Пока турецкая пехота приходила в себя от смертельной шрапнели, их настигла пехота русских. Завязался жуткий ру-

копашный бой. Турки отчаянно отбивались. Сначала кололи штыками, потом, словно дубинами, орудовали прикладами, далее пошли в ход кинжалы и кулаки. Рассвирепевшие янычары, хорошо обученные рукопашному бою, стали теснить неверных гяуров. Их хорошо заточенные кинжалы были немного длинней поясных ножей русских. Отточенные в упорных тренировках удары янычар чаще настигали русских солдат. Стремительная атака русской пехоты завязла в турецких окопах. И когда казалось, что верх берут турки и их уже не одолеть, — в окопы с истошными криками ввалились подоспевшие на помощь пехота и егеря генерала Булатова. С флангов шли лавиной передохнувшие казацкие сотни. Отбив идущих на помощь янычарам поредевшую турецкую конницу, с гиканьем и матюгами погнали их обратно к укрепленному лагерю.

Ахмет-паша всё время наблюдал за ходом боя. Мужественно оценил свои потери, дал команду на отход в лагерь, расположенный у селения Писанцы.

Обескураженный разгромом конницы, визирь не стал испытывать судьбу. Решил дожидаться подхода основных сил. Хотя он понимал, что дело не в количестве войск, а в качестве, дисциплине, силе духа. А всего этого в его армии не хватало, в отличие от армии Кутузова. Дали отбой и русские горнисты. Это Кутузов отменил преследование отступающих в лагерь турок.

Прошло время. Русские никаких действий не предпринимали. Великий визирь терялся в догадках: «Почему русские не преследуют, почему вопреки военной логики и всей военной науки не атакуют? Опять Кутуз-паша что-то замыслил». Ему, великому визирю Порты, одержавшему не одну победу над именитыми противниками, никак не удаётся понять тактику Кутузова.

Вызвал чорбаджи лазутчиков. Через мгновение тот вошёл в шатёр, прикоснулся ладонью к сердцу, склонил в почтении голову.

— Мехмет! — обратился паша к вновь назначенному чорбаджи разведчиков.

После неудачной операции по захвату Кутузова предыдущего чорбаджи разжаловали и в наказание отправили на галеры.

— Я хочу знать, что делается в лагере русских. Мне важен каждый момент в их действиях, перемещениях, расположении полков. Какие приказы отдаёт Кутуз-паша, что предпринимает? Противник ведёт себя странно. Мы до сих пор думали, что Кутузов не занимается состоянием армии, кутит с конкубинами. А на самом деле он отлично подготовил армию, одни егеря чего стоили в сегодняшнем бою, не одну сотню моей конницы положили. Мне необходимо знать всё об армии русских, их командирах.

Выдержав паузу, продолжил:

— У тебя есть свежая информация из лагеря русских?

— Да, мой господин. Информация есть. Только что прибыл связной от моих людей из стана русских.

Чорбаджи ещё ниже склонился перед великим визирем.

— Говори, не тяни. Я слушаю.

— Ни одно подразделение из своих расположений не выходило. Но в лагере и крепости происходит движение, проводят в основном хозяйственные работы. Отправляют за Дунай обозы с ранеными и убитыми. Боеприпасы не подвозят, подкреплений в живой силе не поступает.

— Каковы потери русских? — поинтересовался Ахмет-паша.

— Убитыми около пятиста человек, раненых — семьсот человек.

— Каковы наши потери? Что тебе известно? Мне пока точно сказать не могут. Всё считают.

— Согласно пересчётам личного состава — у нас отсутствует в строю, не считая раненых, более пяти тысяч, из них две тысячи анатолийцев и более тысячи сипахов. Основные потери нам нанесли силы русской артиллерии, стрелки егерских полков, русская кавалерия, а точнее — казаки.

— О-о, Аллах, — воскликнул визирь, воздев руки вверх. — За что ты наказываешь нас, защитников веры великого пророка Мухаммеда, твоих верных сыновей? Да воздастся им по заслугам их. Аминь.

Обратившись на восток, великий визирь скорбно омыл лицо ладонями. Следом омыл лицо и Мехмет.

– Я приказываю докладывать мне каждые три часа обо всех изменениях в лагере Кутуз-паши. В случае выступления войск в нашу сторону, докладывать сразу.

Чорбаджи, пятясь в поклоне, вышел из шатра.

ГЛАВА 17

Вечерело. Боевые действия затихли. Русские войска приводили себя в порядок. Трудились похоронные команды, санитары. Подобрал с полей кровавой битвы погибших, хоронили тут же. Раненых бойцов погрузили в телеги, отправили на левый берег Дуная.

С усердием работали кашевары. Война войной, а еда по распорядку. Готовили кашу с мясом. Варили наваристые щи. Приказано выдать личному составу двойную порцию водки. Надо снять напряжение, тем более что сегодня была одержана славная виктория. Не подвели соколики. Не уронили чести. Сдюжили солдатики, отразили бешеные атаки турок и знатно их потрепали. Офицеры тоже славно потрудились, один генерал Войнов чего стоил. Вовремя пришёл на подмогу. Герой!

*Генерал–лейтенант Войнов Александр Львович (1770–1831).
Мастерская Джорджа Доу, Государственный Эрмитаж,
Военная галерея, Санкт-Петербург*

Главнокомандующий, отправив подробное донесение в Петербург, собрал совет. Дебаты были жаркими. Понимали, завтра будет ничуть не легче. Враг ещё силён. Следовательно, работы предстояло много. Но противника надо добить. Не дать ему опомниться.

Уставший Кутузов сидел во главе, слушал. Не перебивал. Перед советом говорил с Каменским. Тот докладывал обстановку. Известия ничего хорошего не сулили. Лазутчики доносили только неприятные сведения. Резервные силы в районе сорока тысяч, не останавливаясь в крепости, следуя приказу великого визиря, идут полным ходом на помощь. К утру, а может быть, и ночью, будут в укрепленном лагере Ахмет-паши. Силы явно неравные. Почти тройное превосходство. Но генералы, воодушевлённые удачной баталией, завидуя Войнову, его лихой атаке, рвались продолжить битву. Надеялись на воодушевлённое настроение личного состава.

Кутузов, прикрыв рукой глаза от света, уткнувшись в карту, словно проигрывая в уме план завтрашней битвы, пока молчал, слушал. Члены военного совета, выговорившись, потихоньку затихли. Ждали слово главнокомандующего.

Отняв руку ото лба, оторвал взор от карты. Достал из кармана платок, промокнул слезу с незрячего глаза, вытер выступившую испарину со лба и шрама, заговорил. Его речь была тихой, но в голосе чувствовались металлические нотки.

— Господа! Я удовлетворён сегодняшней баталией. Благодарю всех за проявленную выдержку, самоотверженные действия, хладнокровие. Я горжусь, что нахожусь здесь рядом с вами в это нелёгкое для России время. На западных рубежах ждут серьёзного неприятеля. Там назревает огромная для России неприятность. Почти все армии Европы собраны под знамёна Бонапарта. И мы здесь не для того, чтобы класть головы наших солдат без счёта. Мне не нужны кровавые баталии. Государем поставлена задача — сохранить солдат, малой кровью принудить нашего противника к миру. К миру любой ценой, кроме большой крови с нашей стороны.

Кутузов встал. Вышел из-за стола. Присутствующие встали тоже.

– Повторяю! Наша задача – принудить противника к миру и сохранить армию.

Он оглядел каждого, словно хотел понять, доходят ли его слова до присутствующих на совещании генералов.

– Вы хотите услышать от меня, каким образом этого можно достичь? Отвечу. Не знаю. Многое зависит от поведения противника. Надо заставить его действовать так, как надо нам, а не как он привык и как надо ему.

Михаил Илларионович остановился напротив Ланжерона, глядя ему в лицо, продолжил:

– Требую только одного – мои действия не обсуждать, выполнять приказы беспрекословно и в точности.

Кутузов прошёл к своему месту, знаком пригласил всех сесть. Несколько усилив голос, придавая словам больше жёсткости, сказал:

– Данной мне государем властью приказываю: всем командирам своих подразделений привести подчинённые войска в походное состояние. В полночь построить весь личный состав и организованно переправить на левый берег Дуная, там прочно стать лагерем. Наши доблестные сапёры готовят редуты, окопы, казематы, пункты приёма пищи, казармы, палатки, лазареты и всё необходимое для нужд армии, вплоть до клозетов. Интенданты занимаются доставкой провианта, фуража, амуниции, боеприпасов и всего другого для нашего продолжительного пребывания. Отдельно коменданту крепости Руцук: пушки, боеприпасы и другой военный инвентарь вывезти. Укрепления крепости Руцук к утру взорвать. Проследить, чтобы жилые кварталы не пострадали. В счёт компенсации нанесённого беспокойства раздать излишки провианта мирному населению. Все действия по выводу гарнизона и других подразделений провести тихо, без лишнего шума. Соблюдать скрытность. Помните, за нами пристально наблюдают.

В помещении наступила мёртвая тишина. Такого решения не ожидал никто. На лицах генералов Кутузов увидел смятение. Поймав несколько недоумённых взглядов, заговорил несколько более мягким голосом.

– По сообщению источников из Шумлы к Ахмет-паше торопится в быстром марше сорок тысяч отборного войска, к утру они будут перед нами. Итак, нас ожидает сражение с троекратно превосходящими силами противника.

Теперь, поймав уже удивлённые взгляды генералов, проговорил:

– Даже если при проявленном мужестве и героизме нашей армии, умению наших солдат, проявленной доблести наших офицеров и по божьему провидению мы одержим викторию, то потери в нашей армии будут огромны. А это обстоятельство приведёт к неисполнению поставленной государем главной задачи и возможной катастрофе в будущем нашего государства. Надеюсь, у членов военного совета вопросов больше нет?

И тоном, не терпящим возражения, жёстко закончил своё выступление:

– Приступить к незамедлительному исполнению.

Наутро в Петербург поскакали курьеры фельдсвязи с донесениями, но это уже были донесения, составленные не главнокомандующим.

ГЛАВА 18

С появлением первых отблесков зари в лагере Ахмет-паши началось движение. Прибыли первые колонны резервов. Встретил их сам великий визирь. Распорядился организовать размещение и питание для прибывающих людей. Конницу отвели несколько в сторону, выдали фураж.

Впрочем, отдых был недолгим. С появлением на горизонте солнца армия османов выступила к Рущуку. Не успев остыть от горячки вчерашнего сражения, готовились к новому бою. Теперь, с приходом свежих сил ни у кого не было сомнения в успехе предстоящей битвы. Хотя от встреченного вчера мужественного противостояния русских присутствовало некоторое смущение, какое-то чувство неуверенности,

что сегодня уж пройдёт всё гладко. До этого им приходилось иметь с ними дело, но здесь чувствовалось жёсткое упрямство. Как-то всё происходило не так. В каком-то темпе, не характерном для прошедших в прошлом сражений.

Подойдя на расстояние выстрела, армия турок стала рассредоточиваться по фронту, согласно выданной старшинам рекогносцировке. Но странно: со стороны окопов русских не происходило никаких движений. Там стояла полная тишина. Подкатали полевые орудия, дали первый залп, потом второй, третий. В ответ тишина. Словно на той стороне все умерли. Это было странным. Неужели русские укрылись в крепости?

Паша, разглядывая в подзорную трубу русские укрепления, не увидел там ничего похожего на жизнь. Самодовольно ухмыльнулся в усы, подумал: «Укрылись в крепости. Знали о прибывшем подкреплении. Поняли, что в открытом поле им не устоять».

На всякий случай послал конный отряд в разведку боем. Те с гиканьем пронеслись вдоль русских редутов. В ответ ничего, ни единого выстрела. Тогда, обогнув укрепления, рванули в тыл русских, потом приблизились ближе к крепости. И там ничего, ни звука. Ткнулись в ворота, они легко открылись. За стенами стояла тишь. Не единой живой души. Мусор, брошенный негодный инвентарь, свежий лошадиный маис говорили о том, что ещё недавно здесь были люди.

Послали гонца с сообщением: крепость пуста. Сами спешили, приступили к осмотру, и вдруг раздался страшный грохот. Со стен и башен посыпалось каменное крошево. Потом ещё, ещё. Через короткое время от крепостных укреплений остались одни руины. Бастионов Рущука больше не существовало.

— Ах, шайтан! — взревел взбешённый Ахмет-паша.

Увидев рушащуюся у него на глазах крепость, он в ярости затряс поднятыми вверх сжатыми кулаками. Громко клял русского генерала Кутуз-пашу.

— Ушёл, струсил, грязный пёс. Такую крепость уничтожил.

Прискакал чорбаджи с горсткой своих разведчиков. Слетел с коня, подбежал к великому визирю, припал перед ним на одно колено. Вскочил, стал докладывать:

– Мой великий господин! Последние отряды русских заканчивают переправу на левый берег Дуная. Сама переправа пока ещё цела, но, вероятно, с переходом последнего солдата на тот берег её уничтожат.

Великий визирь, не дослушав чорбаджи, приподнялся над седлом, развернул коня, выхватил из ножен зловеще сверкнувшую алмазами в розовых лучах утреннего света саблю, громко скомандовал:

– Всем к переправе. Догнать трусливо бежавших гяуров. На их плечах переправиться на левых берег Дуная и с ходу разбить наголову бегущих. Да покарает их Аллах!

Вонзив золочёные шпоры в конские бока, пустился галопом к берегу Дуная, увлекая за собой армию. Впрочем, проскакав пару сотен метров, он свернул на обочину, остановил коня, стоял с вытянутой вверх, богато украшенной саблей, воодушевляя своих воинов.

Скатившись лавиной с высокого берега, передовые отряды вступили на добротню устроенную русскими сапёрами переправу, неуверенно двинулись по ней к лежащему на середине реки довольно обширному, заросшему кустарником и редким перелеском острову Голь. Задние ряды стали подпирать замедлившую движение головную колонну. Там, не встречая сопротивления, ускорили ход. Достигнув острова, поскакали быстрее к продолжению переправы. Но тут вдруг навстречу им грянули выстрелы метких егерей. Передние ряды турок, сражённые пулями, посыпались горохом с коней. Образовался затор. Напиравшие задние конники вынуждены были свернуть на остров.

Селихдар, видя беспомощность конницы, остановил движение. Направил вперёд янычар с ружьями и потребовал пропустить артиллерию, приказав расположиться им вдоль берега и прикрыть переправу. Всё было быстро исполнено. Загрохотали по деревянному настилу колёса орудийных лафетов. Вскоре с острова загрохотали в ответ турецкие пушки. Переправа продолжилась с новой силой. Янычары, прибыв на остров, сходу открыли заградительный огонь по егерям. Остров всё больше и больше покрывался войсками османов.

Благо площадь острова и длинная береговая линия позволяли это сделать. Небольшая часть турецкой конницы смогла достичь левого берега. Русские не очень мешали им. Турки же, воспользовавшись вялостью противника, всё больше и больше расширяли плацдарм на левом берегу Дуная.

Тут вступила в бой русская артиллерия. Открыли прицельный огонь по переправе. Движение по ней опять замедлилось. Спасаясь от огня, переправившаяся пехота опять рассыпалась по острову. Стали окапываться. Так продолжалось довольно долгое время. Остров всё больше и больше принимал переправляющиеся турецкие подразделения. Всё жёстче и жёстче становился ответный огонь по позициям русских.

Кутузов наблюдал с высоты за разгоравшейся на реке баталией. Время от времени замедлял активность своей артиллерии, давая возможность переправить на остров как можно больше турецких сил. Он ждал главного: когда рискнёт переправиться Ахмет-паша со своим штабом. Но тот не спешил, выжидал.

Тогда Михаил Илларионович, с повязкой на незрячем глазу, остерегаясь воспаления больного глаза от попадания пыли и грязи, пристально следя за происходящим, дал команду позволить туркам расширить занятый ими плацдарм на своём берегу.

У переправы опять появилось активное продвижение на левый берег. Так с переменным успехом остров всё больше и больше заполнялся турецкими войсками. Наконец турки стали переправлять обозы с армейским инвентарём, боеприпасами, продовольствием. Прибыла на остров и тяжёлая артиллерия. Всё громче и сильнее били по укреплённым позициям русских. Впрочем, большого вреда они пока не приносили. Русские, не давая раскрыть расположение своих батарей, вяло отвечали.

Зато Кутузов внимательно наблюдал за размещением османских батарей. Но главного не происходило. Ахмет-паша со своим штабом медлил. Переправляться не спешил. Осторожничал. Пытался разгадать план Кутузова. Сидел на правом берегу. Ждал подвоха. Уж он достаточно натерпелся от неожиданных выходов старого лиса.

Так продолжалось довольно долго. На острове собралось приличное количество турецких сил. Они усиленно окапывались, укрепляли свои позиции.

Наконец ближе к вечеру над одним из установленных на возвышенности шатров взвился штандарт верховного визиря. Но Михаил Илларионович хотел убедиться в личной передаче Ахмет-паши. Ещё тот хитрец. Визирь славился своим коварством. Недаром он стал верховным визирем: используя свою прозорливость, хитрость и тонко применяя коварные приёмы в разных дворцовых интригах, он обошёл Измаил-бея и других высокопоставленных вельмож.

Стемнело. Интенсивность обстрелов утихла. Иногда раздавались одиночные беспокоящие выстрелы из орудий.

По берегам среднего Дуная пошли запахи готовящейся пищи. То усиленно работали кашевары двух армий. С высокого минарета поселковой мечети, спрятанной за разновысокими пирамидальными тополями на живописном пологом склоне под стенами крепости, раздалась призывная песня муэдзина, приглашавшая на вечернюю молитву.

— Ну что, пора и нам умыть руки и, поблагодарив Всевышнего за милость его, приступить к ужину, — усмехнулся устало Кутузов, бережно убирая в кожаный футляр подзорную трубу.

ГЛАВА 19

В Стамбул прибыл гонец с вестью о разгроме русских полков у крепости Рушук, организованном преследовании бегущего противника в сторону Бухареста. По такому случаю во дворце султана устроили праздник, все поздравляли друг друга с победой.

Имя великого визиря Ахмет-паши восхваляли в вечерней молитве.

В этот вечер дворец султана был полон гостей. Все считали за честь поздравить султана с победой лично. По такому случаю женщины надели лучшие украшения, блистали богато украшенными нарядами.

Вдоль мраморной лестницы, прямо от входа и до коллонады горели свечи. В большом зале по краям восседали (а кто и полулежал) на многочисленных подушках почтенные гости. Подавали сладости, фрукты, ароматные напитки. Ягодные, фруктовые, настоянные на лепестках душистых чайных роз, их наливали в хрустальные фужеры, обрамлённые в золотую вязь. Обаятельные красавицы-наложницы танцевали перед гостями и султаном, восседавшем на богатом диване, установленном на возвышении для великого правителя.

Прибывающие гости подходили к Махмуду II с глубоким поклоном. Выражали благодарность за его мудрое правление, поздравляли с крупным военным успехом, желали султану здоровья и новых государственных успехов. Так же с поклоном отходили. Угощались, любовались изящными танцовщицами. У всех было приподнятое праздничное настроение. Музиканты старались вовсю. Меняя друг друга, показывали своё мастерство, стараясь привлечь к своей игре внимание гостей. Их мелодичные протяжные звуки, извлекаемые виртуозной игрой, завораживали, услаждали изнеженных именитых гостей.

Султан Махмуд II (1785–1839)

Танцовщицы изящными движениями рук и женскими прелестями старались обворожить гостей. Поочерёдно выходили к центру и завораживали своей изумительной игрой прекрасных фигур.

В Петербурге пока известий не имели. Уж слишком длинна дорога от среднего Дуная до русской столицы. Хотя голубиная почта была использована Кутузовым. Но вероятность доставки была очень скромной. Михаил Илларионович использовал этот метод ещё во время дипломатической службы в Стамбуле. Иногда надо было опередить курьерскую службу, чтобы обесценить донесения конкурентов.

Невероятно, но к вечеру следующего дня весть о состоявшейся баталии у крепости Рушук в Петербург дошла. Особенно впечатлила разница в потерях. Турки потеряли более четырёх тысяч — против пятисот погибших с нашей стороны. Исходя из количества принявших в сражении войск — это были ничтожные потери. Не дожидаясь прибытия официальных гонцов с рапортами, было приказано возвести праздничный салют. Император сиял. Наконец дождались хоть какого-то просвета в чередѣ полной неопределѣнности. В этот вечер во дворце разливали шампанское. На площадь выкатили для народа бочки с вином. Победу под Рушуком отметили салютом и красочным фейерверком.

Над неуспевающими остыть за короткую ночь водами седого Дуная клубился седой туман. Раскалённый воздух остывал быстрее. Серые воздушные клубы распространялись по пологим берегам левого берега, крупным и мелким островам. Постепенно заполняли кривые излучины глубоких оврагов, часто прорезавших дождевыми ручьями высокий правый берег.

Светало.

Из шатра главнокомандующего, откинув полог, вышел закутанный в чёрный плащ человек. Резво вскочил на коня, вонзил шпоры в бока, коршуном метнулся в сторону реки и быстро скрылся в тумане.

Михаилу Илларионовичу так и не удалось до сих пор прилечь. Просидели с Каменским за широко раскинутой картой. Долго и подробно расспрашивал того обо всех мелочах. Кутузова интересовало всё — от местонахождения визиря, его настроения, аппетита, количества охраны, расположения войскового прикрытия до расположения войск Измаил-бея, его настроения.

По всем военным канонам, в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, быстро могли прийти на помощь Ахмет-паше только войска Измаил-бея. Но на руку Кутузову играли непростые взаимоотношения между этими, занимающими видные посты в правящей иерархии Османской империи сибаритами. Постоянная конкуренция и соперничество между Измаил-беем и Ахмет-пашой мешала им в выполнении государственных задач. Понимал это и султан Махмуд II, но ничего поделать не мог. В государстве сильны были нравы, сложившиеся веками на основе предрассудков.

Султан Махмуд II пытался произвести государственные реформы по подобию европейских, но повсюду встречал противодействие, иногда даже открытое. Особенно среди духовенства и чиновничества. Он стремился ввести в управление страной правильную администрацию, подчинить всех центральной власти. Сделать власть действительной, а не фиктивной. Но это не находило поддержки в народе.

Кутузов на дипломатической службе в Стамбуле основательно изучил порядки Османской империи. И сейчас ему очень пригодился приобретённый в те времена бесценный опыт. Он не в состоянии был объяснить свои поступки, принятые неожиданно для всех, свои странные решения. Он часто сам руководствовался только шестым чувством. Это был дар предвидения, но на основе полученного бесценного богатого жизненного опыта. И ещё этому способствовали долгие размышления во время продолжительного лечения после полученных им практически смертельных ран и огромных стрессовых ситуаций во время вынужденных смертельных атак, особенно при взятии Измаила.

*Генерал-лейтенант Евгений Иванович Марков (1769–1828).
Мастерская Джорджа Доу, Государственный Эрмитаж,
Военная галерея, Санкт-Петербург*

Кутузов получил сведения от Каменского: хитрый Ахмет-паша за ночь переправил почти все свои силы на левый берег, сам же не собирается переносить свой штаб. Несмотря на все ухищрения Кутузова, оставил при себе некоторую часть войска.

Поразмышляв немного, принял новый план действий. Первым делом послал гонцов к командующему Дунайской флотилией – капитану 2-го ранга Дмитрию Акимову – с пакетом. Потом вызвал своего давнего приятеля генерала Маркова. Они долго сидели за картой, водили указкой по ней, что-то горячо обсуждали.

В конце, когда все вопросы были оговорены, Марков встал, отдав честь, собрался покинуть штабной шагёр. Но Михаил Илларионович остановил его, по-отечески обнял старого боевого товарища. Дружеским тоном проговорил:

– Евгений Иванович, я надеюсь на тебя, мой друг. Вся наша общая виктория лежит на твоих натруженных плечах. Иди с богом.

И перекрестил Маркова.

ГЛАВА 20

С рассветом от тёплых солнечных лучей речной туман рассеялся. Перед глазами армий открылась панорама с существенными изменениями за короткую ночь.

Турецкий плацдарм на левом берегу значительно расширился и укрепился. Появились серьёзно укреплённые бастионы и на острове.

Грохнули первые выстрелы из турецких осадных пушек. В ответ грянули русские батареи. Вскоре разразилась новая смертельная битва. Кровавый бой продолжался целый день, не принеся ни одной из сторон каких-то преимуществ.

Генерал Марков в тот же день прибыл в расположение своего корпуса, размещённого севернее основных сил, с целью прикрытия тылов армии. Провёл короткое совещание. Не раскрывая до конца всех планов, приказал готовить подразделения корпуса к длительному маршу в сторону поселения Петрошаны. Отправив командиров исполнять распоряжения, оставил сапёров. Те, получив особое задание, озадаченные, пошли его выполнять.

На следующий день, ближе к вечеру в сторону Петрошан отправились разведчики, за ними первые отряды корпуса. Двигались под прикрытием ночи, выполняя приказ — не шуметь, осуществлять передвижение скрытно. Вопросов никто не задавал, старались выполнить приказ в точности.

К утру, достигнув указанного села, выставили боевое охранение. Разбив лагерь, занялись хозяйственными делами, варили кашу, кормили коней, приводили в порядок тяжёлые обозы. Сапёры, передохнув и наскоро поев, отправились далее под прикрытием отряда егерей и полусотни казаков.

Всего корпус состоял из пяти тысяч пехоты, более двух тысяч кавалерии при тридцати восьми единицах орудий. Сила внушительная.

Переночевав, тихо, без особого шума поднялись, не заходя в село, отправились южнее к берегу Дуная.

К удивлению видавших виды вояк, у изготовленных сапёрами причалов ждали новенькие и с пушками на борту лансоны, тяжёлые шлюпы речной флотилии.

Управившись с переправой за сутки, продолжили осторожное продвижение уже по правому берегу, но в обратном направлении, к Рушцуку. Вперёд была выслана разведка. Скрытность оставалась главным условием их продвижения.

В результате к вечеру приблизились к лагерю турок, оставаясь совершенно никем незамеченными. В десяти вёрстах от турецких позиций остановились, пехоту спрятали в лесу, конницу укрыли в оврагах, остерегались чужого глаза. Стемнело быстро. Марков вызвал Иловайского, командира кавалерии. Через мгновение тот прибыл.

Донской казак полковник Иловайский. За его плечами уже был серьёзный военный опыт. Сын войскового атамана Дмитрия Ивановича Иловайского. Обучался во 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, по окончании был назначен в атаманский полк. Далее нёс кордонную службу в Австрии. Сражался в военной кампании 1806—1807 года с французами. Затем возглавил казачий полк в Молдавской армии. Сражался под Силистрией, Шумлой, получил чин полковника и вот теперь вошёл в отряд Евгения Ивановича.

Одно настораживало: командиром одного из эскадронов являлся майор Павел Бибиков, племянник жены главнокомандующего. Он ничего не имел против майора. Наоборот, тот был достаточно исполнительным, добросовестным офицером. Но уж очень заботился о нём граф, опекал. Не дай бог, если что случится с племянником! Не сносить головы Василию Дмитриевичу.

Так уж случилось, у Кутузова не было своих сыновей, единственный сын Николай умер в младенчестве, зять погиб под Аустерлицем. Рядом с ним оставался любимый племянник Павел Гаврилович Бибиков. После смерти генерал-майора Гаврилы Ильича Бибикова Михаил Илларионович вместе с женой, Екатериной Ильиничной, активно заботились о племянниках. Особенно за Павлом. Он был ближе всех, тянулся к ним душой. Старался быть рядом. При злопо-

лучном Аустерлицком сражении был адъютантом Кутузова. Принял активное участие в действиях по выводу императора из окружения. Проявил себя дерзким, бесстрашным воином. Был отмечен именованным золотым оружием с надписью: «За храбрость».

Это обстоятельство несколько беспокоило полковника. Уж чересчур боевой характер был у майора. Приходилось просить казаков быть рядом с ним, если что — прикрыть, не дать в обиду. Тем более, что особой силой и статью майор не выделялся.

Вот и сейчас Дмитрий Иванович поставил перед ним особую задачу, пользуясь внезапностью, атаковать турецкий гарнизон, нанести сокрушающий удар. Обратив турецкую кавалерию в бегство и сбросить с высокого обрыва в речку Лом. Далее осуществить сторожевое охранение.

В крепости дислоцировались более десяти тысяч янычар, которых осторожный Ахмет-паша держал при себе в оперативном резерве.

К утру все были готовы. Соблюдая осторожность, передвигались тихо. Приблизились на расстояние двух вёрст от лагеря противника.

Марков построил четыре каре пехоты, слева и справа от каре рассредоточил егерей. Конницу, два полка донских казаков и эскадрон Ольвиопольского гусарского полка держал в едином кулаке. Артиллерию разместил между каре.

Двинулись по команде. Каре дружно держали строй. Пушки, упираясь, катили свои орудия. Следом кони тащили зарядные ящики. Все были в напряжении. Но вот в неприятельском лагере их заметили. Часовые на постах с испугу замешкались, сначала истошно заорали. Потом стали беспорядочно, всё ещё не веря своим глазам, несмело стрелять. Тут вступили в ответ егеря, оглушили округу дружным ружейным залпом. С позиций противника открыли огонь сторожевые орудия, тем самым обнаружив размещение своих батарей. Тут уже вступила в бой русская артиллерия. Когда турецкие орудия захлебнулись, вступила в бой русская кавалерия. Пришпоривая коней, вылетели с флангов донские казаки. Гусары

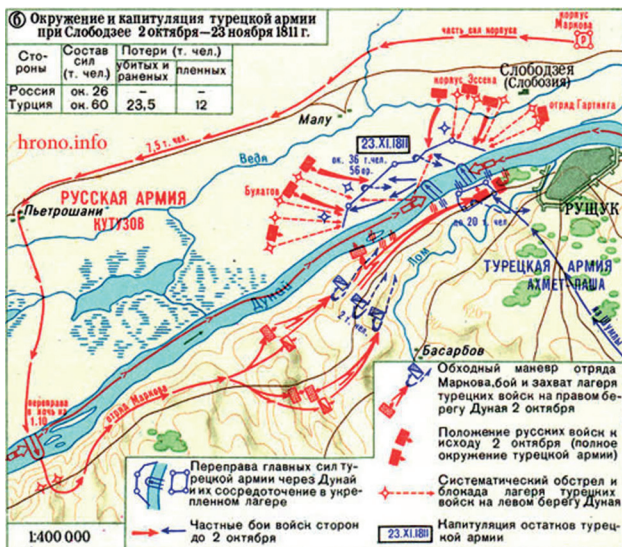
во главе с майором Бибиковым держались особняком, но в темпе продвижения казакам не уступали. Огибая с флангов полевые укрепления турок, врзались в толпу анатолийцев. Уже практически оседлав коней, они, осоловелые спросонья, не успели построиться в боевые порядки. Тем не менее оказали отчаянное сопротивление. Через несколько мгновений разгорелся горячий бой.

Летели, разбрызгивая струи крови, срубленные головы. Ржали и лягались в испуге кони. Звенели сабли, раздавались пистолетные выстрелы, стоял сплошной нечеловеческий ор.

Янычары бились насмерть. Гусары врзались всё больше и больше вглубь их редеющих рядов, пытаясь рассечь их порядки пополам. Но прославленные турецкие пехотинцы были отважными воинами, завидев крепко рубившего янычар русского офицера, в зелёном доломане, с лихо сидевшем на левом плече, обшитом серым мехом ментике, в красных расшитых штанах, в высоких, закрывающих колени ботфортах, с высоким белым пером на кивере. Слишком увлѣкшись своей работой, он не заметил подкравшейся опасности. Как только он махнул саблей, собираясь достать подкравшегося слева янычара с пикой, тот сильно ткнул его пикой, дабы не приближаться близко. Опасно. Наконечник копья скользнул по упругому ментику и воткнулся в плечевой изгиб руки офицера. От сильного удара и острой боли, гусар не удержался в седле. Слетел с лошади и упал на землю навзничь, больно ударившись запрокинутой головой. Но крепко пристѣгнутый кожаным ремешком кивер смягчил удар о землю.

— Павел Гаврилыч! Держись, я сейчас! — вскричал опекавший его казак.

Но перед ним встали, ошетилившись пиками, несколько янычар. Пока он бился, пытаясь прорваться к раненому Бибикову, того подхватили, взвалили поперѣк коня и погнали к Дунаю. Через некоторое время, когда обе стороны подустали, всеобщий ор сменился хриплым дыханием и звоном сабель в относительной тишине. Тут, в суматоху драки вступили свежие силы — гусары, придержанные до этого Иловайским.

План-схема расположения войск с указанием обходного манёвра отряда Маркова на 2.10.1811 г. (Взято из интернет-энциклопедии «Хронос»)

Полковник Иловайский Василий Дмитриевич, потомственный казак (1788—1860). Мастерская Джоржа Доу, Государственный Эрмитаж, Военная галерея, Санкт-Петербург

Они лавиной налетели своим полком на анатолийцев. Те дрогнули, смертельно устав от беспощадной рубки, они не могли больше сопротивляться, помощи им ждать было не от кого. Побежали прочь. Подгоняя коней, они стали отступать. Ольвиопольские гусары, сменив уставших казаков, продолжали теснить анатолийскую конницу.

Полковник Иловайский, помня наказ Маркова разгромить штаб верховного визиря, но не брать самого в плен, дать ему возможность скрыться, во главе сотни метался по лагерю, громко гикая и матюгаясь, пугал конюхов, кашеваров и другую челядь. Ждал действий Ахмет-паши. Со стороны продвижения русской пехоты раздались дружные ружейные залпы, следом ухнули пушки. Это русские каре схватились в смертельной схватке с янычарами.

Гул битвы раздавался всё мощнее. Орудия били с обеих сторон. Слышались одиночные ружейные выстрелы вразнобой, это старались егеря.

Анатолийскую конницу теснили всё дальше к обрыву реки передохнувшие казаки.

Наблюдая с высоты за ходом битвы, Марков вскочил на коня и увлёк за собой высвободившихся гусар, ударил в тыл янычар. Сеча разыгралась не на шутку.

Увидев спускающуюся к реке группу янычар, Ахмет-паша, сумевший вырваться из осады, опекаемый охраной, присоединился к ним. Погрузившись в лодки, поплыли к острову. Оттуда грохнули залпы пушек, прикрывая отход Ахмет-паши. Наблюдавший за бегущими янычарами Марков дал отбой преследовавшим их егерям.

Тем временем Иловайский, увидев, что визирь удачно покинул свой штаб и спасся в шлюпке, повёл казаков к шатру, где до этого пребывал визирь со своим штабом.

Ворвавшись в расположение, пленил всех находящихся там турок. В результате дерзкой атаки отбили семь пушек, две мортиры, двенадцать знамён. Янычары, увидев взвившееся над штабом русское знамя, стали сдаваться.

Выставив сторожевое охранение у речки Лом, куда была сброшена анатолийская конница, Марков привёл в боевой

порядок пехоту и артиллерию. Разместил по берегу орудия, в том числе и захваченные Иловайским турецкие пушки, начал методичный расстрел турецких позиций с высокого берега Дуная.

Из-за излучины реки ниже и выше по Дунаю выплыли давно ждавшие команды корабли Дунайской флотилии русских. Они с ходу открыли огонь по переправе. Вскоре, разрушив её, прочно стали заслоном, полностью разорвав связь острова с берегом. Таким образом была полностью завершена первая часть плана Кутузова.

Началась смертельная осада сорокатысячной армии Ахмет-паши.

ГЛАВА 21

Но трудно давшаяся победа была омрачена известием о пленении племянника Кутузова. Михаил Илларионович очень переживал. Составив подробные отчёты о действиях своей армии, он никак не мог написать письмо супруге с известием о ранении и пленении Павла. Собравшись с духом, описал случившееся, обещал принять все меры по его освобождению. Чувствуя свою вину, добавил, что с племянником сейчас всё хорошо, его содержат в исправности, он идёт на поправку.

Просил смягчить сообщение жене Павлуши, Екатерине Алексеевне, сказать, что он здоров и ему передали посылку с лимонами.

Тем временем артиллерия, как с левого, так и с правого высокого берега, своим метким огнём полностью подавила батареи противника на острове. Плацдарм у переправы, занятый турками на левом берегу, прочно заперли пушки и егеря генерала Булатова с правого фланга, на левом фланге прочно держали турок корпус генерала Эссена и отряд Гартинга. Сообщение по Дунаю также было прервано Дунайской флотилией. Гарнизон турок в Рущуке и дорога на Шумлу контролировались отрядом Маркова.

Началась жёсткая осада. Без провианта и фуража долго пребывать войско Ахмет-паши не сможет. Надо ждать. О чём Кутузов и изложил в рапорте Александру I.

Получив ранее первый рапорт об удачной баталии под Рушуком, во дворе возликовали, пили вино, поздравляли друг друга. Все ждали известий о полном разгроме бегущих турок. Но следом пришли известия о произведённом, по приказу Кутузова, отступлении войска за Дунай. Столько ругани и мерзких слов в адрес Кутузова двор никогда не слышал. Все подготовленные приказы о наградах были отменены. Кутузову были срочно отправлены гневные послания с требованиями подробного отчёта. Даже был подготовлен приказ о полной отставке генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, но император пока придержал приказ, не подписывал. Ждал подробного отчёта и объяснений.

Несмотря на свою старую неприязнь к Михаилу Илларионовичу, он чувствовал, что обстоятельства на Дунае непростые. И решение Кутузова о подрыве укреплений Рушука и отвод войск за Дунай имеет обоснование. Донесения написаны в генеральный штаб, скорее всего, недругами и завистниками Кутузова, коих в армии того времени было предостаточно. Одних наветов на великого Суворова со времён Румянцева и Потёмкина поступало Екатерине Великой тьма. Но хватило тогда государыне выдержки и ума не поддаться эмоциям, защитить старика, о чём потом не пожалела, а обрела славу неувядаемую и уважение своего народа и чопорной Европы.

Осада продолжалась, неся смерти и ухудшения положения в армии визиря. Начали есть павших от бескормицы коней. Попытки прорвать осаду ни к чему не привели. Бои приняли затяжной локальный характер. Наступала осень. Пошли морозящие дожди, что усугубило положение турок на сыром острове. В лагере начались болезни. Личный состав начал уменьшаться естественным образом. Помогали болезни и дезертирство.

Неожиданно в лагерь Кутузова пришёл обоз с продовольствием из Одессы, это проявил заботу герцог де Ришелье.

Но самым неожиданным для Михаила Илларионовича был приезд вместе с обозом красавицы Луксандры.

Она вошла в шатёр смелым шагом. В коротких сафьяновых сапожках из мягкой телячьей кожи, в синем мундире из тонкого сукна, сшитом искусным мастером на французский манер, золотыми галунами, в подбитом мехом ментике, с серой опушкой вокруг милой шейки, на которой мило пульсировала синяя венка. Она лихо козырнула оторопевшему седому генералу и стала докладывать, мешая валашские и французские слова, иногда вставляя, страшно коверкая, русские слова. Он разобрал только одно: «Прибыла в ваше полное распоряжение». Затем кинулась на него, задорно обняла и стала жарко целовать в щёки, губы, шею. Он с трудом оторвал её от себя. Кивнул на вход, приложил палец к губам. Проговорил умильно:

— Мадам, вы откуда? Такое неожиданное счастье для меня, старика.

— Charmian madam, tu es qetil, Luksandra. Comment tu sis arrive ici, mon charme?*

Александра раскраснелась, не умолкая ни на секунду, неслла какую-то чушь. Про переполох, который устроил генерал после бала, про раздетых мужиков в кабинете, про то, как она испугалась. Как она скучала всё это время по нему. «По сведениям из моего штаба — ты соскучилась! — ухмыльнулся про себя Михаил Илларионович. — Ну что же, будут Вам сведения, милочка. Продолжим игру в шпионы».

В общем, приезд Луксандры был понятен для него. Но действия её опекунов, направивших её сюда, насторожили: «Неужели Анжели иссякает. Прислать Луксандру после всех событий, связанных с его полным провалом. Это странно для маститого шпиона. Может, эти милые валашки хозяина сменили? Нет, надо дождаться возвращения Павла Арсеньевича. Этот разберётся во всех шпионских хитросплетениях».

На следующий день при осмотре позиций в свите посвежевшего за ночь седого генерала присутствовал милый адъютант. Особого удивления не было. Все проявили долж-

* Как здесь оказалась, прелесть моя?

ное уважение и такт. Завидовали, конечно, но с почтением. Вида не подавали. Хотя ехидную усмешку Ланжерона своим единственным глазом Михаил Илларионович узрел.

На его лице в это утро была повязка. Она, уложенная заботливой рукой, защищала бесчувственный глаз от прохладного ветра и морозящего дождика. Впрочем, на исполнение служебного долга всё это не влияло. Генерала интересовало всё: поведение неприятеля в его лагере, какие были замечены перемещения, выходил ли из своего шатра визирь, были ли ночью перебежчики, что говорят. Подолгу разглядывал в подозрную трубу остров и мокрые стены крепости на том берегу. С отрядом Маркова установили лодочное сообщение, надёжно охраняли силами речного флота. Регулярно доставляли провиант, фураж, исполняли по необходимости прочую разную надобность.

Помощи наглухо запертому бедствующему войску Ахмет-паши не поступало. Измаил-бей сначала принял решение идти на выручку Ахмет-паше. И даже выдвинулся к Бухаресту, но донесения майора Каменского вовремя попали в руки Кутузова.

Главнокомандующий приказал выдвинуть часть войск, ранее придержанных в Бендерах, к Бухаресту и воспрепятствовать продвижению Измаил-бея к Рушуку. В результате своё намерение идти на помощь бей изменил, вернул своё войско на прежнее место.

В Петербурге оценили хитрый манёвр Кутузова, требовали срочно начать переговоры, выставить требование, сложить оружие и сдаться. Но Кутузов знал о приказе султана: каждого сдавшегося казнить, не глядя на предыдущие заслуги и занимаемое положение в иерархии Османской империи. Поэтому, выставляя требование великому визирю сдаться на милость победителям, пока он находится в окружении, было бесполезно. А о переговорах по заключению перемирия и речи сейчас быть не может. Надо придумать для визира достойный выход из его сложившегося положения. А что думать, Кутузов уже давно всё придумал, но для решения этой проблемы нужно было время. Вот он и выжидал.

А в лагере противника каждый день приносил смерти. Голод, сырость и болезни косили турецких воинов. Но враг ещё был силён. Предпринимать какие-либо решительные действия было преждевременно. Ахмет-паша должен созреть.

Вернулись в штаб, провели короткое совещание, по окончании разошлись по подразделениям.

Михаил Илларионович вместе с гостьей отправился обедать. Утомлённая ночными забавами и утренним обходом позиций, непривыкшая к таким нагрузкам и проголодавшаяся Луксандра ела с аппетитом. Кислые щи с мясом и пшённая каша были съедены ею вмиг.

Кутузов умилялся аппетиту молодой женщины. Он тайком наблюдал, как она уплетала непривычную для неё солдатскую кашу. В походе ему приносили еду из общих казанов, стоящих над кострами. В этом он подражал великому Суворову.

После еды Луксандру быстро сморило. Она уселась к нему на колени, но, прислонившись к его плечу, стала засыпать. Он нежно поцеловал её и отправил спать.

Сам сел к походному секретеру, достал бумагу, чернильницу, попробовал заточку перьев. Достал бумагу с гербовой печатью, подумал, стал писать. Это было послание великому визирю. Вначале отметил с уважением все достоинства и чины визиря. Потом стал сообщать о пребывании в плену чиновников, взятых Марковым в плен в разгромленном штабе великого визиря. Сообщил, что они все здоровы и сыты. Интересовался содержанием и здоровьем офицера Бибикова, пленённого доблестными янычарами. В конце обратился к Ахмет-паше с вопросом, не желает ли он из милосердия обменять пленённых чиновников на майора Павла Бибикова. Предложил принять провизии на их дальнейшее содержание. Закончив письмо уважительными словами о доблестном поведении в боях его воинов, запечатал письмо в пакет. Вызвал адъютанта, велел отправить письмо Булатову, с просьбой отправить парламентёра к неприятелю с целью передать письмо лично Ахмет-паше в руки.

Сам, устав изрядно, прикорнул в кресле. Денщик, увидев, что генерал уснул, укрыл мягким пледом, который перед отъездом на войну положила в походный сундук сама Екатерина Ильинична.

Через час адъютант разбудил генерала. Извинившись, доложил об исполнении приказа, сообщил о ждущем в штабе секунд-майоре Каменском.

— Да, да! Я жду его. Пригласите майора сюда. Покормите его, пожалуйста. Пока мы будем беседовать, прикажите денщику приготовить для него гостевую палатку, ему надо будет отдохнуть. И ещё: по моему сигналу сделайте так, чтобы наша гостья проснулась, я буду доволен, если она будет подслушивать нас, а вы не помешаете ей.

Адъютант понятиливо усмехнулся, склонил голову, вышел.

Кутузов встал, глянув на себя в походное зеркало, одёрнул походный сюртук, надел парик.

ГЛАВА 22

Каменский, как ни старался быть кратким, докладывал долго. Михаил Илларионович слушал внимательно, не перебивал. Иногда делал пометки в походном журнале.

Сведения, добытые его людьми, имели огромную ценность. Ситуация в регионе складывалась напряжённая. Султан Махмуд II нервничал. Несмотря на то, что перевес сил был на их стороне (втрое превышалось над количеством сил у Кутузова), — оперативная обстановка всё же складывалась не в пользу турецкой армии. И это было непривычно для них.

Стратегия Кутузова шла в разрез с устоявшимися современными правилами ведения боевых действий. Его неожиданные отводы войск, непонятные манёвры с оставлением крепостей обескураживали противника. Ранее занятые огромным трудом и великими жертвами мощные крепости впоследствии были взорваны. Все оборонительные форти-

фикаций были уничтожены. Это ломало привычные правила ведения войн.

Положение усугубляло отсутствие полной информации из штаба русских. До некоторого времени Франция оказывала содействие в организации агентурной работы в расположениях русских сил. Добывались сведения в штабе Дунайской армии, даже из императорского окружения в Петербурге поступала ценная информация. Но воспользоваться этими сведениями должным образом стараниями кутузовской разведки не удалось. Мало того: французский лазутчик Анжели, который не один год оказывал услуги султану в добыче информации с помощью своей разветвлённой шпионской сети, вдруг был повязан и публично осрамлён. В результате Анжели с позором отбыл в неизвестном направлении без всякого денежного довольствия. Махмуду II пришлось приложить немало усилий и дополнительных средств к организации новой агентурной сети.

Каменский получил сведения от своих лазутчиков, что во дворце султана видят выход из трудного положения только в физическом устранении Кутузова. И он стал прорабатывать все возможности исполнения приказа людьми султана. Подобраться к нему в лагере русских было невозможно. За пределы лагеря Кутузов не выезжал. Охрана главнокомандующего работала надёжно. Всё расставил по местам приезд дочери Михаила Илларионовича в Бухарест. Агентура османов активно заработала. Это насторожило Каменского.

О том, что к Кутузову движется подарок герцога, обоз из Одессы с продуктами, лекарствами и тёплой амуницией, было известно обеим сторонам. А о том, что вместе с обозом едет дочь Михаила Илларионовича, которая, продолжительное время находясь в Одессе, ждала оказии в Бухарест, узнали только что.

Катеньке Барканеску поручили срочно подружиться с Елизаветой Михайловной. Что и было ею исполнено виртуозно. Якобы случайно узнав, что она намеревается посетить отца, вызвалась сопроводить её, сославшись на то, что она и дочь очень дружны с Михаилом Илларионовичем.

Каменским были приняты срочные меры, и Катенька неожиданно заболела животом. Елизавета Михайловна вызвалась помогать, но занемогла тоже. Обоз ждать не мог. Пришлось Луксандре везти подарки самой.

Приезд Луксандры в расположение штаба Кутузова был неожиданным для всех, кроме Каменского. И хотя Павел Арсеньевич добивался именно этого результата — опасность для командующего оставалась очень высокой. Неизвестным оставался метод физического устранения генерала и тип оружия. Скорее, это был яд. Применение огнестрельного или холодного оружия исключалось. Физические способности Луксандры не позволяли сделать этого надёжно. Да и возможность быстрого и незаметного её ухода из лагеря трудно осуществить без надёжного прикрытия.

Всё это было понятно и привычно для Михаила Илларионовича, не такого насмотрелся. Он допускал в действиях разведки банальное выживание планов, предоставление противнику ложной или недостоверной информации. Принимал чужие и устраивал свои интриги, как в среде неприятельских структур, так и в собственном окружении. Но тут от этих игр запахло духом собственной смерти. А это уже отчаянный бросок загнанного в угол зверя.

«Значит мы на правильном пути. Турок на Дунае, несмотря на численный перевес в живой силе, попал в западню, помочь ему некому», — размышлял главнокомандующий, слушая доклад Каменского. Измаил-бей заперт под Бухарестом. Дорогу к Ахмет-паше перерезали войска из резерва Кутузова. Другие ближайшие войска находятся в Сербии. Вывод их оттуда означает ослабление своего влияния в центральном регионе Европы, а это далось Османской империи путём тяжёлых потерь.

Михаил Илларионович, не перебивая майора, стал делать пометки на бумаге чудесным подарком Каменского — изящной металлической трубочкой с графитом внутри. Это французское приспособление для письма, как ни странно, носило турецкое наименование *karandash*, что в переводе с турецкого языка означает «чёрный камень»; ею было очень удобно писать, наносить пометки на карту — ни тебе чернил,

ни клякс на документах, к тому же она использовалась и как указка при работе с картой.

«Действительно, решение султана о моей срочной ликвидации — это акт отчаяния», — размышлял Кутузов, слушая майора. От этих мыслей у него противно засосало под ложечкой. «Высшие чины попадали в плен, но с ними всегда обходились достойно. Победитель получал огромное преимущество при составлении договора. Генералы довольно часто получали ранения или даже гибли в бою. Но подлое убийство высшего чина — это редкая подлость», — по спине побежали струйки холодного пота, в горле пересохло.

К тому времени Каменский закончил свой обстоятельный доклад. Михаил Илларионович кликнул денщика, попросил чаю себе и Каменскому. Пока несли чай, поблагодарил разведчика за доклад, пригласил сесть.

— Скажите, Павел Арсеньевич, какими вы видите наши дальнейшие действия? Я имею в виду мою гостью. И почему она не была нейтрализована ещё в Бухаресте? Зачем её надо было тащить сюда, в эпицентр боевых действий? В конце концов всё это отвлекает от дела.

Главкомандующий сверкнул сердито своим незрячим холодным глазом на Каменского. Находясь в помещении, он повязку с глаза снимал.

Майор вскочил, но генерал знаком руки вернул его на место. Тот, уже сидя, ответил на вопросы Кутузова:

— Всё просто и одновременно сложно, ваше превосходительство. Если бы мы обезвредили всю группу лазутчиков ещё в Бухаресте, это вызвало бы подозрение у турецкой разведки. И тогда они обязательно приняли бы другие меры, на которые мы не смогли бы среагировать вовремя.

От волнения, а может, и от обиды, что в нём сомневаются, вернее, в его действиях, в голосе Павла Арсеньевича появились нотки горечи.

— Я ещё не уверен, что на местном театре военных действий не присутствует другая группа лазутчиков. И задача нашей гостьи может состоять в передаче им приказа о вашей срочной...

Он несколько замялся, подбирая более мягкое выражение, а потом закончил:

— ...нейтрализации.

Теперь уже майор внимательно следил за изменением черт лица генерала.

— Наши действия могут быть только совместными. Нам нужна ваша помощь и непосредственное ваше участие. Ну, может, небольшое участие вашего адъютанта.

— Хорошо, Павел Арсеньевич, я согласен и доверяю вам, — проговорил генерал уже более миролюбивым голосом. — И простите меня, старика, я не хотел вас обидеть, но неприятно думать, что подлая смерть моя ходит рядом. Я участвовал во многих боях и знаю, что такое смерть, дважды побывал практически там, — он многозначительно приподнял глаза вверх и троекратно перекрестился. — Но одно дело погибнуть от пули, а совсем другое — быть подло отравленным.

В шатре установилась тишина, впрочем, её нарушил денщик, неся поднос с чаем, нарезанным редким фруктом лимоном, испечёнными и ещё тёплыми коржами.

Когда денщик удалился, Михаил Илларионович, отхлебнув чаю, продолжил беседу.

— У нас есть нерешённые две задачи. Одна из них — вызволить майора Бибикова. Не будет мне жизни, если мы его потеряем. Я уже отписал и передал письмо Ахмет-паше с просьбой об обмене. Жду его ответа. Главное — начать переговоры. Но это прелюдия перед более главным делом.

Генерал, вкусив кусочек сахара, отхлебнул ещё чая. Вкус лимона красиво оттенял горячий напиток, хорошо освежал. Каменский тоже смачно, с шумом отпил духовитый от лимона напиток. Закусил тёплым коржом.

— Ставлю вам вторую задачу и прошу обдумать план по исполнению.

Приглушив голос, продолжил:

— Пришло время поспособствовать верховному визирю совершить побег с острова на правый берег Дуная. Пусть бежит в Руцук. Куда захочет. Нам главное — не помешать

ему. Главное, чтобы он был рядом и на свободе. Ибо ни на какие мирные переговоры визирь не пойдёт, пока он будет заперт на острове. И ещё: положение османов уже достигает критических пределов. Вы сами докладываете — им просто нечего есть. Много больных. А далее их положение будет только усугубляться. А это плохо. Сдаваться им под страхом смерти запрещено султаном. А нам нужен договор о мире. А коли все перемерут, то и замиряться будет не с кем. И тогда Россию ждёт скорая война на два фронта. Мы их сорокатысячную ораву не прокормим, будет битва с большими потерями. А нам нужно сохранить свою армию. И подумать о сохранении армии турок. Поэтому прошу послать своих людей обследовать все мирные селения в нашем тылу на предмет временного размещения там солдат Ахмет-паши. Попробуем отправить их на кормление за их собственный счёт. Деньги у них есть. Им есть нечего.

Удивлённый смыслом поставленных задач мудрым генералом, Каменский забыл про чай. Каждый раз неожиданные решения главнокомандующего его крайне удивляли. Одна нестандартная мысль чего стоит: разместить армию голодающего противника на кормление у себя в тылу. Сразу и смысла не поймёшь. Такому нигде ещё не учили. Даже у Суворова такого не встречалось.

Майор встрепенулся, допил остывающий чай. Хотел уйти, но Кутузов остановил.

— Ещё не всё. Меня беспокоит моя гостья. Её сейчас случайно разбудят, и она придёт ко мне. У вас будет время проверить её багаж. Думаю, должна быть маленькая склянка, из которой несёт смертью моей. Её маменька с Анжели плотно якшалась, а этот мерзавец обучен этому гадкому ремеслу. От смертельных капель, применённых им ещё при осаде Очакова и во время службы во дворце султана, глаза повылазили у некоторых несчастных.

Грустно вздохнув, нехотя продолжил:

— Не по себе мне от этих мыслей. Я есть не могу, пить не могу, всё время вижу искажённые лица тех несчастных. Я не хочу подобной смерти. Ради бога постарайся, дорогой, из-

бавь меня от этой напасти поскорей. Вы сейчас не спешите, дайте ей подойти к штабу, а там мы встретим её громким разговором о скором отправлении её в Бухарест. Пусть она поспешит с чёрным делом. Что ждать её действий — нам надо самим её спровоцировать и быть наготове. Согласны? — как-то по-детски жалобно спросил Михаил Илларионович.

Майор от такого вопроса растерялся. Он впервые увидел перед собой не именитого генерала, грозного полководца, а уставшего от жизни, напуганного человека. Да и ему от всей этой гадкой ситуации всё время было не по себе.

— Я понял вас, Михаил Илларионович! Не волнуйтесь, мы справимся с этой напастью, — поддержал уставшего генерала молодой человек. — Посылайте за ней.

ГЛАВА 23

Луксандра не заставила себя ждать, вскоре появилась из генеральского шатра. Закутанная в плащ, семена быстрыми шажками, приблизилась к штабу. Её встретил денщик, попросил обождать, сам вышел. Тут она, услышав неразборчивый голос Михаила Илларионовича, подошла поближе к входу, стала прислушиваться.

— Завтра Ахмет-паша начинает штурм наших позиций, — нарочито повысив голос, проговорил генерал. — Здесь будет небезопасно, я волнуюсь за свою гостью. Прошу вас увезти её утром, до начала активных боевых действий. Не приведи Господь, вдруг что случится с ней, как я буду смотреть в глаза моему другу господину Варламу!

— Слушаюсь, Ваше превосходительство. Завтра я заберу её с собой в Бухарест. Вы только сами прикажите ей, — громко ответил майор. — Разрешите идти?

— Да, батенька, вы свободны, — разрешил генерал.

Луксандра быстро отошла от входа. Стала изображать, что только что пришла. Майор прошёл мимо Луксандры, галантно поклонился ей.

– Мой jenerale! – мило картавя, воскликнула, войдя в палатку, юная красавица.

Она обняла его, подставила губки для поцелуя. Он с трудом, переборов отвращение, коротко чмокнул её.

– Как себя чувствуешь? Как поспала? – приветливо заговорил генерал.

Луксандра весело затараторила, рассказывая, как она хорошо поспала, что видела во сне, как ей чудесно быть рядом с ним.

Тем временем майор уже незаметно проник в генеральский шатёр. Осмотрелся, зажёл свечи, стал аккуратно прощупывать вещи Луксандры. Искал тщательно. Ничего серьёзного не нашёл. Наконец под какими-то вещами обнаружил небольшой дорожный саквояж. Нашупал небольшую шкатулочку, искусно украшенную цветными камешками, с нанесённым золотым орнаментом. Попытался открыть. Сразу не получилось. Но всё же нашёл потаённую кнопку. Сдвинул её, крышка под действием пружины откинулась сама. Среди склянок с французскими парфюмами, маленьких баночек с пудрами нашёл то, что искал. Мизерный плоский запечатанный флакончик из фиолетового стекла.

Аккуратно слил содержимое. Прополоскав, залил водой. Приведя все вещи в прежний порядок, незаметно ретировался из шатра.

К тому времени Луксандра, узнав, что она завтра должна срочно уехать, соорудила расстроенное личико. Глаза её посерьёзтели. Получив согласие на прощальный ужин с генералом, опять весело стала щебетать, неся всякую забавную чушь. Однако Михаил Илларионович заметил в её быстрых взглядах по сторонам явное беспокойство.

Увидев знак, поданный адъютантом, стал вежливо прощаться с проказницей, ссылаясь на срочные дела. С трудом выпроводив её, уселся в кресло, облегчённо выдохнул. Снял парик. Достал платок, вытер вспотевшую лысеющую голову, лоб и шею. Передохнув, принялся разбирать поступившие бумаги.

По окончании вечернего совещания присутствующие генералы собрались уходить, но их задержал командующий.

— Друзья! — обратился к ним по-простому, даже несколько фамильярно. — Мне из Бухареста доставили несколько бутылок французского вина, хотел бы вместе с вами оценить его качество. Тем более что наша гостья, госпожа Луксандра, отбывает завтра обратно в Бухарест, она хотела бы с вами попрощаться.

В сумраке походного шатра его незрячий глаз как-то тревожно блеснул, отражая слабый свет свечей.

Все удивлённо зашумели, обсуждая меж собой неожиданное приглашение, усаживались на прежние места. Генерал Ланжерон тихо пробурчал, обращаясь к Зассу:

— Ваша гостья, а не наша.

Александр Павлович, улыбаясь, вполголоса ответил Ланжерону:

— Полноте Вам, Александр Фёдорович. Милая валашка, мне она нравится. Забавная. Не завидуйте, не надо, — и дружески похлопал Ланжерона по руке.

Тут в шатёр впорхнула молодая дама. Все встали, приветствуя Луксандру.

Вино оказалось приличным, терпкое на вкус, оно достаточно веселило. К вину подали яблочный пирог, фрукты. Луксандра, отпив вина, мило владея ложечкой, попробовала печёное яблоко с пирога. Смеясь, угостила Михаила Илларионовича, поднеся свою ложечку к его губам.

У Кутузова на лбу пробилась испарина, но он, не подавая вида, отведал угощение дамы. По телу побежали мурашки. С трудом проглотил, быстро запил вином.

За всеми действиями Луксандры из-за шторы пристально наблюдал майор. Ему самому было не по себе. Гости шумели, весело переговаривались, пытались обратить на себя внимание молодой женщины. Пока ничего предосудительного в действиях милой шпионки Каменский не видел. Но он, боясь даже моргнуть, дабы не пропустить важного момента, терпеливо ждал. Вечер продолжался. Говорили тосты, приветствовали особо выразительные лёгкими аплодисментами. Кутузов на секунду отвернулся, подозвал денщика, попросил принести ещё вина и чистых салфеток.

И тут Луксандра, улучив момент, мимолётным движением руки слегка накрыла широким отворотом рукава бокал Кутузова, чуть не опрокинув его. Но ловко придержала, не дав упасть. Да так ловко, что никто не заметил действий гостьи. Но от внимания Павла Арсеньевича это неосторожное движение Луксандры мимо не прошло. Денщик, откупорив новую бутылку, подлил вина в бокалы. Кутузов, увидев условный знак майора, всё понял. Встал, поднял бокал, дождавшись тишины, предложил присутствующим выпить до дна свои бокалы за свою очаровательную гостью. И тут же взял бокал Луксандры, отставил его в сторону, протянул ей свой. Громко проговорил:

– Выпить из одного стакана – это всё равно что поцеловаться, прошу вас, милая Луксандра, сделать глоток из моего бокала первой, я буду вторым.

Розовые щёчки Луксандры вдруг побледнели, она взяла фужер. Рука её задрожала от волнения. Чуть его не уронила, но Кутузов ловко придержал, не дал выпасть бокалу с вином из руки дамы. Та, беря себя в руки, дрожащим от волнения голосом, пытаясь изобразить улыбку, проговорила:

– Полноте, Михаил Илларионович, я и так согласна поцеловать вас, – и потянулась к генералу.

Но тот, сжав её руку, удерживая бокал, уже жёстким холодным приказным голосом потребовал:

– Пейте, мадам!

Тут нервы Луксандры сдали, с криком «что вы себе позволяете» она вырвала руку и, опрокинув стул, метнулась к выходу. Перед ней, словно из-под земли, вырос Каменский, но Луксандра что есть мочи толкнула двумя руками в грудь офицера, тот, не ожидая такой прыти, отшатнулся назад, но с дороги не ушёл, преграждая ей путь. Тогда Луксандра, до этого милая, но теперь с перекошенным от злости лицом, вдруг задрал атласную юбку, выхватила прикреплённый к ноге шёлковой подвязкой маленький кинжал и ткнула его в шею майора. Но тот успел отклониться от удара. Только кончик глубоко царапнул офицера. Брызнула кровь. Молодой человек ударом выбил клинок из руки разъярённой дамы, ловко завернул её руку, полностью обездвигил.

Наступила полная тишина. Офицеры, выдавшие всякое, оторопели. Кутузов, прерывая тишину, постучал ложечкой по фужеру.

— Господа офицеры! Только что на ваших глазах обезврежена одна из шпионок французской разведки, с недавних пор шпионки османов Александра Гулиано, в девичестве Барканеску, дочь и последовательница дел небезызвестной Катеньки Барканеску, она же Катенька Гике. Она прибыла сюда с заданием убить меня. В данном случае была пресечена попытка моего отравления. Но вам и мне ничего не угрожало, яд был успешно ранее изъят и подменён.

Генералы, приходя в себя, переглянулись. В шатёр в сопровождении дежурного офицера вошли казаки, накинули мешок на растрёпанную голову Луксандры, связали руки, увели из шатра.

— Господа, благодарю всех за плодотворный вечер, прошу разойтись по местам. И помните: враг не только перед вами на поле боя, но и за вашей спиной. Прошу соблюдать веческие меры предосторожности.

Кутузов подошёл к Каменскому, протянул чистую салфетку, помог приложить к ране. Впрочем, кровь уже остановилась. Обнял секунд-майора за плечи. Громко при всех поблагодарил офицера. Вскоре все разошлись.

Ранним утром из лагеря в сопровождении конвоя выехала наглухо зашторенная карета. Следом поскакали офицеры фельдсвязи с подробным рапортом и подписанным генералом от инфантерии князем Голенищевым-Кутузовым представлением о присвоении секунд-майору Каменскому чина подполковника досрочно. В личном письме государю дописал, что Каменский заслуживает присвоения звания полковника, но через ступень, на то требуется высочайшее решение Императорского Величества, у Кутузова полномочий нет.

К полудню после осмотра позиций теперь уже успокоенный генерал, у которого словно камень с души свалился, собрался обедать. Вдруг услышал далёкую дробь барабанов со стороны противника. Офицеры штаба всполошились, ожидая недоброго. Но Кутузов уже всё понял.

– Наконец! Свершилось, – умиротворённо проговорил генерал и трижды перекрестился на образа.

Офицеры, озадаченные поведением главнокомандующего, последовали его примеру.

Доставили парламентёра с запечатанным свитком, перевязанным зелёной шёлковой лентой. Михаил Илларионович встретил того сидя за походным столом, одетым по всей форме, в орденах, в напудренном парике. Не вставая, выслушал молча. От толмача, пришедшего с ним, отказался. Не разворачивая свиток, учтиво справился о здоровье великого визиря. Спросил, всё ли в порядке, не голоден ли. Несмотря на гордо произнесённый отрицательный ответ, попросил денщика проводить гостя и накормить.

Когда все вышли, подрагивающими от волнения пальцами распечатал свиток. Наклонившись поближе к свечному канделябру, стал внимательно читать. Как и ожидал, после витиеватых оборотов, всяческих восхвалений к себе наконец прочитал о том, чего и добивался. Ахмет-паша согласился на обмен пленными. Просил дополнительно к предложенным условиям не мешать совершать хотя бы мелкие лодочные сообщения между островом и правым берегом. В основном для переправы на берег раненых и больных.

Кутузов пригласил писаря. Стал диктовать ответ. Указав время и порядок обмена, сообщил, что он, соблюдая милосердие, не будет препятствовать лодочному сообщению, но только в дневное время. Закончив, прочитал написанный писарем текст, наложил размашистую, с вензелями подпись. Самолично запечатал пакет, передал через адъютанта. Попросил передать Ахмет-паше презент, чего-нибудь вкусенького.

– И непременно кофейных зёрен и лимонов положите для майора Бибикова.

Вызвал генерала Булатова и подполковника Каменского. Первым делом зачитал приказ о досрочном присвоении звания и выделении из казны в награду немалой суммы денег. Павел Арсеньевич от неожиданности даже растерялся, но ответил чётко, по уставу.

Совещаясь, сидели долго. Обсуждали порядок обмена пленными и другое. Напомнил Каменскому о ревизии поселений в своём ближайшем тылу. Просил Булатова оказать содействие людьми службе подполковника. Отказа не было. Авторитет Каменского после недавнего случая в штабе вырос чрезвычайно.

ГЛАВА 24

Кутузов с утра чувствовал себя неважно. Тревожила неизвестность. Вот уже как час назад должен был произойти обмен пленными. Хотя всё было продуманно до мелочей, полной уверенности, что всё произойдёт по плану, не было. Уж слишком коварен был Ахмет-паша. Он должен задумать какую-нибудь подлость. Уж очень легко согласился на обмен.

Вдалеке, со стороны Дуная, ниже по течению, послышалась пушечная канонада. Похоже, в районе заслона Дунайской флотилии, что стояла ниже по течению, возник беспорядок. Но, судя по темпу ведения огня, Кутузов понял, Акимов, командующий флотилией, владел ситуацией. «Ахмет-паша остался верен себе, — Михаил Илларионович, сдерживая волнение, стал медленным шагом ходить вокруг штабного стола с разложенной картой, — видимо, устроил отвлекающую провокацию».

Кутузов остановился перед картой, стал разглядывать что-то в ней. «Не решил ли он бежать с острова под шумок?» — словно кинжалом полоснула в голове генерала мысль.

— Только бы наши моряки не помешали бы ему, — вслух произнёс в волнении Кутузов.

Послышался шум прискакавшего всадника.

«Ну наконец, прибыли известия!» — облегчённо вздохнул Михаил Илларионович.

Выслушал доклад спокойно, не перебивал. С каждым словом запыхавшегося гонца ему становилось лучше, беспокоящая с утра тревога отступила. Всё сложилось хорошо, почти

по плану. Обмен произведён, Павлушу доставили лекарям, им занимается доктор. Рана неопасная, хоть и запущена.

Наш заслон на реке был атакован турецкой флотилией. Пытались протаранить флагманский корабль капитана Акимова. Отбили успешно. Взяли на abordаж одно судно. Остальных отогнали мортирами. Изрядно побитые, ушли за излучину реки, там и стали. Поначалу не поняли смысла атаки, но потом увидели шлюпку, резво идущую от острова. То под шумок бежал визирь. Подполковник Каменский в тот момент находился на борту. Он прибыл ранее к Акимову по делам. Вынужден был принять участие в abordажном бою. К известию о побеге Ахмет-паши отнёсся спокойно, погоню отменил.

Среди каторжных гребцов захваченного турецкого судна подполковник с трудом узнал своего давнего противника, бывшего чорбаджи османских лазутчиков. Подобрал обронтённую убитым соратником саблю, он яростно кинулся на Каменского. Схватка была отчаянной. Оба были искусными фехтовальщиками. Чорбаджи, с перекошенным от ненависти лицом, со спутанной грязной бородой, в грязной рваной робе, босой, кидался на своего обидчика снова и снова и добился своего, ранил подполковника в плечо. Но Павел Арсеньевич устоял, отбил клинок янычара и нанёс сам удар. Потом, изловчившись, каким-то непонятным приёмом, выбил саблю из рук смертельного противника.

Доблестный янычар, имевший неограниченные полномочия, блестящий офицер, потомок благородного рода, фронт теперь стоял с окровавленными от тяжёлой каторжной гребной работы руками. С грязной свалявшейся бородой, сильно отощавший, с впалыми глазами, с приставленным к горлу острым русским клинком. И всему виной был Каменский, переигравший его сначала в операции по захвату главнокомандующего Дунайской армии русских, а теперь в смертельной сабельной схватке.

Павел Арсеньевич сжалился над своим поверженным смертельным врагом, попросил Акимова отнестись к нему снисходительно.

Михаил Илларионович, выслушав эмоциональный рассказ офицера, расспросив о самочувствии подполковника, отпустил его. Удовлетворённо потерев ладонями, проговорил вслух:

– Всё сложилось хорошо, теперь и о перемирии можно начинать говорить. Надо же, флотилию привлёк, шельмец!

Приказал адъютанту приготовить коня, пояснил:

– К Павлуше поеду, в госпиталь.

Наступившая осень зарядила продолжительными морозящими дождями. Но войска позаботились о землянках и других укрытиях, где можно было просушить одежду, попить горячего чаю, а то и фруктового сбитню, благо края южные, урожаи в садах хорошие, от продавцов отбоя нет, цены доступные, лишь бы взяли.

Майора Бибикова отправили санитарным обозом в Бухарест, к Варламу, под присмотр дочери Михаила Илларионовича и кузины Павла.

Генерал не хотел терять дружбы с Варламом, надеялся использовать влияние боярина на местную знать в своих интересах. С племянницей пусть разбирается сам. Тем более если удастся уговорить визиря поместить его бедствующую армию на постой в деревни, то продуктов в деревнях надолго не хватит. Придётся просить Варлама дополнительно организовать поставку продуктов. Да и русской армии может не хватить запасов при затягивании осады.

Ситуация на острове и занятом плацдарме складывалась трагично. После побега Ахмет-паши в крепость сообщение через Дунай перекрыли полностью. Запертая армия голодала. Поели практически всех коней. Болезни усугубились. Каждый день люди умирали десятками. Численность турецкой армии быстро сокращалась. Но Ахмет-паша инициативы не проявлял. В Стамбул слал бодрые доклады. Сообщал, что русские под его полным контролем. Готовится к решающей схватке.

Затянувшаяся ситуация беспокоила не только главнокомандующего – и Петербург проявлял нетерпение. Требовали действий. На западных границах ситуация становилась всё

мрачней. Наполеон стягивал силы всей Европы. Он ждал прибытия испанских отрядов.

Главкомандующий русской армией Барклай де Толли, находясь в Смоленске, тоже требовал усиления своей армии. Но свободных резервов не было. Надежды на скорое разрешение запутанной ситуации на Дунае не предвиделось. К Александру I поступали настоятельные предложения срочно сменить командующего Дунайской армией. Но Александр тянул, хотя был изрядно раздражён вялыми действиями Кутузова. Тем не менее не поднималась рука подписать подготовленный приказ о снятии Кутузова.

Высказывали Кутузову своё недовольство и подчинённые ему генералы. Все устали от неопределённости. Требовали принятия мер. В Петербург шли письма с нелюбезными оценками действий, а вернее — бездействий Кутузова. Обвиняли в излишней осторожности и пассивности, даже в трусости.

Михаил Илларионович тянул время, выжидал. Время проводил тихо, скучал. Требовал от командиров проведения постоянных тренировок, передислокации подразделений, ведения беспокоящего огня по позициям противника.

Особенно беспокоило удалённое расположение отряда Маркова. Требовал от него постоянных рейдов казаков по тылам противника. Боялся подвоха от гарнизона крепости и со стороны Шумлы. Но Марков и сам понимал уязвимость своего положения. Постоянно вёл обзорную разведку вблизи лежащих окрестностей. Доходил до Шумлы.

Уже неделю полусотня казаков совершала скрытный рейд по тылам противника. Караулили дорогу, вдруг движение какое произойдёт. Стереглись от постороннего взгляда. Непростое это дело — быть в дозорном рейде. Всё время под небом, без укрытия, без огня. Отдыхали попеременно в шалашах, в мокрых оврагах. Укрывались попонами, подложив сёдла под голову.

Сегодня отправился в дозор разъезд Тимофея Кручёного. С ним его давние товарищи Силантий Лиходед и Григорий Кожа. Двигались негустым перелеском. На опушке, где тянуло

лёгким ветерком, почувствовали запах дыма. Остановились, прислушались. Вроде не жильё, собачьего лая не слышно, а дымом тянет. Разделились. Потихоньку двинулись по запаху. Когда потянуло дымом сильнее — спешились, поползли попластунски. В низине обнаружили людей. Мужики в бараньих шапках, женщины, дети. У некоторых на руках совсем малые. В стороне стояло несколько гружёных телег и крытые полотном кибитки. Рядом паслись стреноженные кони.

Подползли ближе. Тимофей дал знак не двигаться, соблюдать осторожность. Потом разрешил Григорию немного приблизиться. Тот, нырнув в мелкий овражек, подполз. Замер. Слушал. Потом тихо отполз обратно. Скрылся в кустарнике. Тимофей, оставив наблюдать Силантия, направился к Григорию.

— Гуторят по-турецки, но не турки, одежда другая, — прошептал на ухо Тимофею. — Мы бачили таких людей, когда Кутузова сопровождали в Бухарест. Он с ними ещё гуторил, на их языке. И одежда схожая. Смотри, на ногах лапти из свиной кожи. Турки свинину не уважают. Долго сидеть не будут. Дальше пойдут. Мы с Силантием покараулим, а ты в сотню, доложи. Если что, пришлю Лиходеда.

Григорий, поняливо кивнув головой, пополз к лошадям.

Прошло время. Стало смеркаться. Люди с наступлением сумерек зашевелились, стали собираться. Впрягли в телеги лошадей. Собирали пожитки. Усадив женщин и детей в кибитки, двинулись в путь. Мужчины, понукая лошадей длинными камчами, подталкивая плечами гружёные телеги, вывели их из лощины. Растянувшись длинной колонной, отправились в путь.

Тимофей с Силантием дождались, пока путники скроются в перелеске, поднялись. Соблюдая осторожность, пошли к лошадям. Оседлав, отправились вслед. Держались на расстоянии.

Колонна выехала на дорогу. Осмотрелись. Вокруг было тихо. Послав дозорных вперёд, тронулись в сторону Рушука.

Когда полностью стемнело, прибавили ходу. Огней не зажигали. Соблюдали осторожность. Как они ориентиро-

вались в темноте — не понятно. Казаки не отставали, шли следом на безопасном расстоянии. Проследовав за ними несколько вёрст, Тимофей отправил Силантия к отряду — сообщить о направлении продвижения незнакомцев. Сам направился вслед колонне. Двигались быстро, насколько можно при полной темноте.

Дорога стала спускаться в лощину. Потом, при подъёме, стали различимы их силуэты на фоне звёздного неба. Видимо, это и сыграло свою роль. Они стали заметны на вершине холма. Первыми заметили опасность дозорные. Быстро вернулись, принялись уводить колонну в лес. Но было поздно. Их обнаружил патрульный отряд турок. Численность их была небольшая. Для острастки дали несколько выстрелов.

Зажгли факелы. Убедились, что перед ними не военные, устрашающе щёлкая нагайками, сгоняли людей в кучи.

Поняв, что опасность им не угрожает. Осмелели. Освещая факелами гружённые скарбом телеги, стали рыскать в них. Беспощадно сбрасывали наземь пожитки бедных странников. Не найдя ничего путного, добрались до кибиток. Обнаружив женщин и детей, в ярости, что им нечем поживиться, стали остервенело сечь кнутами беззащитных людей.

Бедные люди в испуге стали молить о пощаде. Но янычары, а Тимофей узнал их по красным кафтанам, услышав знакомую речь, полезли за шиворот женщинам, увидели на холщовых нитках подвязанные нательные православные кресты, рассвирепели ещё больше. Всё это было видно Тимофею. Но он, понимая, что помочь им он один не сможет, не обнаруживал себя.

Один из янычар, увидев среди крестьян молодую женщину, выдернул из её рук младенца, отбросил в сторону, схватил её за длинную косу, поволок в кусты. Она истошно закричала, тянула руки в сторону плачущего взалёб от боли ребёнка. Но её, обезумевшую от ужаса и горя, безжалостно тащил за волосы озверевший от безнаказанности и вождления молодой янычар. Швырнув её в высокую траву, снял с себя красный кафтан. Отбросив его в сторону, накинулся на бедную женщину.

Этого стерпеть Тимофей не мог. Вонзил острые шпоры в бока своего коня. Тот от боли взвился на дыбы, громко заржал. Что было мочи рванул, управляемый уздой, к кустам. Тимофей что было сил, громко заулюлюкав, выхватил шашку и с размаху располовинил надвое вскочившего в испуге озверевшего насильника. Далее, не давая противнику опомниться, налетел коршуном на остальных. Одного сшиб конём, другого полоснул по шее шашкой. Выхватил из-за пояса пистолет, пальнул в третьего. Испуская истошный крик, в голос матюгаясь, кинулся на оставшихся шестерых бандитов. Турки, ошавев от неожиданности, бросились врассыпную. Орудя шашкой, опустил клинок на голову бегущего в панике четвёртого янычара. Половинки расколотой головы, красные, словно спелый арбуз, разлетелись в стороны, разбрызгивая в огненном свете горевших кибиток рубиновые брызги крови. Но тут грянул выстрел. Тимофея, словно раскалённым колом, ударило в спину. В пыли он сумел развернуть коня, увидел янычара с дымящимся в руках ружьём, поскакал на него, в тяжёлой истоме пытался вздохнуть. Но грудь сдавило, в глазах потемнело, уже падая с коня, больше по инерции, он ткнул ослабевшей рукой шашку в раскрытый от ужаса рот янычара. Свалился с коня рядом.

Мужики, видя всё это, заорали что было сил, схватили, что видели (кто оглоблю, кто обронённую турецкую саблю), кинулись на осатаневших от страха, но оставшихся в живых янычар.

Через мгновение всё было кончено. В ночи догорали кибитки. Женщины, обезумевшие от крови и страха, кричали в голос. Их мужья медленно приходили в себя. Громко плакали дети. Из лесу, на место битвы высыпали прискакавшие на помощь казаки. Но работы им не осталось.

Так кто же были эти люди? Куда они шли? За кого отдал жизнь русский казак Тимофей? Уже потом, когда переправили их на левый берег Дуная в лагерь русской армии, от толмача узнали: это были гагаузы, так они себя называли. Православные, но говорили на языке, очень схожем с турецким. За что их и притесняли османские завоеватели. Если

другие народы как-то выживали, то безобидных гагаузов турки не терпели нигде: ни в порабощённой Греции, ни в Сербии, ни в Болгарии. Вот и снимались с насиженных мест, получив известия от родных о том, что в степях Бессарабии много свободной земли и там нет притеснений, что в этих местах Россия жёстко противостоит османам. Тайком снимались с насиженных мест, перебирались на восток, где они могли бы спокойно жить, обеспечивать себя и свои семьи своим трудом. Они уходили всё дальше и дальше. Но везде их настигали горе и безысходность. Только теперь нашлись люди, впервые их защитившие, — русские казаки.

Сила духа, самопожертвование русского воина ради незнакомых ему людей поразили. Это вернуло крепко выбитое жестоким, бесцеремонным обращением с ними высокое чувство своего достоинства. Именно это чувство заставило их схватиться за оглобли и поразить врага. Неожиданно они поняли, что, кроме покорности и беспомощности перед грубой беспощадной силой, применяемой против них, есть ещё и воля к сопротивлению злу. Которая дала возможность возродиться чувству гордости. Они поняли, что их враг — это такие же люди. Они так же пасуют перед силой.

В лагере отвели место, где они и расположились. Установив свои грузовые телеги в круг, кибитки с людьми поместили внутрь.

Вечерело. Разожгли костёр.

В одной из кибиток громко плакали женщины. Там умирал старейшина рода — боба Гицу. Прибывший войсковой врач только развёл руками. Он ничем уже помочь не мог. Слишком много потерял крови. Да и возраст у боба Гицу преклонный. От таких ран не всякий молодой может выжить. Во время ночной схватки он не смог отразить атаку опытного янычара, но успел накрыть своим телом малолетнего внука.

Поняв, что умирает, приказал женщинам замолчать. Прикрыв устало глаза, попросил собрать весь род, а его вынести из кибитки на воздух. Пришли все. Окружили лежащего. Боба Гицу открыл глаза, попросил приподнять его.

В наступившей тишине, послышалась тихая речь старейшины.

– Инсан! Сесля бени. (Народ, слушайте меня.) На Балканах гагаузов всегда притесняли, всегда что-то от нас требовали. У нас отбирали последний кусок хлеба. Угоняли в рабство наших детей и женщин. Мы были слабы духом, а от этого беззащитны. Но нашёлся один человек, который, зная, что погибнет, взялся нас защищать. Он был сыном своего народа, смелым, гордым и сильным духом. Он научил нас, как надо уважать себя. А народ может быть только тогда сильным, когда он един и способен дать отпор врагу. Если за нас вступился один русский человек и мы не трусили, смогли одолеть врага, то вместе с русским народом нас не победить. Но нам надо самим научиться быть дружными и смелыми, а значит – непобедимыми. Тогда смерть Тимофея, русского солдата, будет не напрасной.

Последние его слова были проговорены шёпотом, но их услышали все. После чего он затих. Навсегда. Мужчины скорбно стянули с голов бараньи папахи.

Кутузов, узнав о беженцах, распорядился об оказании им всяческой помощи. Помнил о тёплом приёме этим народом его кавалькады во время длительного перехода по сухим степям в Бухарест.

Подлечили, снабдили продовольствием, поправили телеги, подковали коней, выдали фураж. Отправили в Бухарест, выделив охрану – десяток казаков. Впрочем, узнав об этом, гагаузы от охраны отказались. Попросили помочь с оружием.

ГЛАВА 25

Ахмет-паша, совершив благополучно побег, вёл себя смиренно. Никаких инициатив не проявлял. Молчал пока и Кутузов. Ждал. Но время уходило. Осень брала своё. Генералы роптали. Петербург, находясь в раздражении и неопределённости, требовал активизировать действия. Торопил. Но

командующий Дунайской армией не принимал активных действий. Терпеливо выжидал. Но понимал, что надо как-то успокоить всех.

Поразмысляв пару дней, понаблюдав лично за противником в подзорную трубу, принял наконец решение. Приказал готовить атаку.

Наутро, чуть забрезжил рассвет, открыли пушечную канонаду — как с левого берега, так и с правого.

На острове османы замечались. Спасаясь от русской шрапнели, пытались отстреливаться. Но их батареи были давно подавлены. Редкие выстрелы их орудий не приносили вреда русским позициям. К тому же ответный огонь русских орудий тут же накрывал их.

Под прикрытием артиллерийского огня пошли в атаку пехота, егеря. Плацдарм, контролируемый османами, дрогнул. Русские штыковой атакой опрокинули передовые позиции, удерживаемые янычарами. Бились свирепо. Туркам отступить было некуда. Поэтому защищались отчаянно. Подход подмоги с острова, пресекали батареи Булатова и конница Засса.

К обеду канонада стихла. Пехота, наворотив дел в расположении противника, успокоилась. Стали обживать занятые позиции.

Кутузов дал команду — обедать. Теперь заработали в полную силу полевые кухни. Аппетитные запахи наваристого кулеша разносились по окрестностям. Чувствовали их и на острове. Это Михаил Илларионович велел подбросить в огонь жира и лук. На острове от запахов вкусной пищи у оголодавших турок сводило скулы. Эти меры привели к психологическому воздействию на противника и сыграли свою роль. В стане врага армия стала роптать. Командиры прятались. Но разгневанные воины не давали им покоя. Обстановка накалялась. Ахмет-паше ничего не оставалось делать, как направить парламентёров к Кутузову.

Довольный, но невозмутимый Михаил Илларионович, принял из рук турецкого старшины запечатанный свиток. В послании завуалированными фразами, но с чопорным

достоинством давалось понять, что Ахмет-паша непротив начать переговоры о замирении.

Но и тут генерал не стал торопить события. Ответил витиевато, но конкретных ответных предложений не выдвигал.

Уже ближе к вечеру опять зазвучали трубы парламентёров. Было доставлен очередной свиток от визиря. Теперь уже звучало конкретное предложение начать переговоры.

У Кутузова заранее был заготовлен пакет с ответом, который был тут же вручён в руки парламентёра. Ахмет-паше прямым текстом предлагалось во избежание недоразумений и проявлений актов какого-либо недоверия между сторонами из чувства гуманности, с целью сохранения численности армии обеих сторон вывести личный состав с острова в деревни на самостоятельный прокорм у населения за собственный счёт. Оружие и знамёна оставить на месте своих позиций, под сохранение до подписания мирного договора. Население согласно принять солдат османской армии под личное поручительство русского генерала от инфантерии Кутузова. После чего можно начать официальные переговоры о мире.

Ответа ждали долго.

Дабы ускорить события, генералу Маркову предложено было потрепать гарнизон в Рущуке. Для этого было переправлено на правый берег дополнительно десять орудий и отряд егерей с казаками.

Узнав о начавшемся передвижении русских войск, ответ Ахмет-паши был доставлен Кутузову немедленно. В письме великий визирь дал своё согласие на предложения Кутуз-паши. Просил не сердиться за задержку. Необходимо было получить согласие султана на переговоры о перемирии.

Это уже было началом победы. Кутузов ликовал. Хотя снаружи это никак не проявлялось.

И вот — свершилось. Оставив оружие на позициях, присмиревшие турецкие солдаты под присмотром людей Каменского и Булатова организованными колоннами прошагали в селения, где их уже ждали богатые магазины, снабжённые провиантом, разной мануфактурой.

Счастливы были все: и жители, и приказчики Варлама, и оголодавшие турецкие солдаты. Особенно был доволен Михаил Илларионович. Теперь он был на коне. Он мог диктовать свои условия. В Петербург были срочно отправлены гонцы с подробным описанием событий под Руцуком.

Получив подробный рапорт, Александр I вздохнул облегчённо. Теперь можно спокойно готовиться к встрече Наполеона.

Но не всё так было просто, посыпались обвинения в адрес Кутузова: малодушие, соглашательство с позицией противника, трусость. Стали поступать требования о выставлении условий по полной сдаче армии Ахмет-паши русскому войску.

Нельзя сказать, что Кутузов был удивлён. Аппетит приходит во время еды. Он всячески тормозил с ответом. Скрывался от прибывших гонцов с почтой, неделями задерживал их на перегонных станциях. Он всё настойчивей торопил Ахмет-пашу с началом переговоров.

Турки всячески оттягивали с назначением срока. Ахмет-паша ждал решения Стамбула, а там упорно отмалчивались.

Кутузов понимал причину. Чувствовалось воздействие французов. Султан попал в двоякое положение. С Россией воевать становилось дорого, средств, выделенных Наполеоном, не хватало. А обязательства перед Францией были. Прибыли от завоёванных территорий было недостаточно, почти всё уходило на содержание тамошних гарнизонов. Вот и тянул Махмуд II с заключением мира. Надеялся вырвать у Наполеона дополнительные средства. Но деньги Бонапарту самому были нужны. Содержание боеспособности огромной армии обходилось в копеечку. Все полученные суммы от контрибуций подвластных ему государств таяли на глазах. Выход был только один — завоевать богатую ресурсами Россию. Была ещё Британия, но война с ней была ещё дороже. Одна доставка армии морем требовала внушительных сумм, которых просто не было. К тому же английские эскадры очень опасны. Решив оставить Британию на потом, он окончательно устремил свой взор на Россию.

Но, чтобы начать войну, нужно иметь как минимум двойной перевес. Поэтому ему очень нужно силами османов прочно сковать русские силы на Дунае. Но неудобный Кутузов рушил все его планы. Турецкая армия попала в капкан, помочь им не было возможности. Султан колебался. Проявлял нерешительность. С одной стороны, хотел спасти боеспособность своей армии, с другой — хотел денег и поступления современного вооружения.

Всё это Кутузов понимал. Но политика дворцовых шарлатанов, вводящих в смуту императора, мешала ему, выводила генерала из душевного равновесия. Находясь в удалении, не мог активно противостоять им. Приходилось ловчить. Он сильно уставал от придворных интриг.

Ему сейчас чего-то не хватало. Не мог сначала понять своего состояния. Но, оставшись вечером один со своими мыслями, вдруг понял. Его гложит печаль. Ему не хватало Луксандры. Ему было не по себе от того, как он расправился с юной девушкой. Оставшись одна, она металась по жизни, порхая слабыми крылышками. У неё не было опоры. Рано потеряла отца. Ветреной матери она не была нужна. Воспитывалась у чужих людей. Попала ещё практически ребёнком в руки жадного до чужого добра обедневшего боярина Гулиано. Дабы завладеть остатками ещё не промотанного ветреной матерью приданого, он женился на Луксандре. И вот теперь её вовлекли в грязную интригу. Став игрушкой в подлых играх безжалостного Анжели и запутавшейся в шпионских интригах матери, она была жестоко наказана им, уже пожившим, познавшим все прелести и горечи жизни генералом в блестящих погонах, с золотой бахромой эполет. Ведь он, подыгрывая ей, сам втянул её в грязную игру. Не предостерёг, не оградил от лихих людей, не защитил, а наоборот — подставил в смертельной схватке этого, по существу, ребёнка.

От этих дум на него напала меланхолия. Ему захотелось домой, в имение, к жене. Поскорей спрятаться от чёрных пятен, застрявших грязным комом в его душе. Тут, стяхнув тяжёлые мысли, достал подаренное чудо-перо, лист казён-

ной бумаги. Снял парик, протёр платком вспотевшую шею, лоб, промокнул выступившую слезу, стал писать.

Это был грозный ультиматум Ахмет-паше. Он давал ему срок два дня на принятие решения о времени начала переговоров. Место переговоров он определил сам — Бухарест. В противном случае он начинает боевые действия, направленные на полное уничтожение армии великого визиря.

Запечатал пакет. Вызвал адъютанта. Приказал доставить лично Ахмет-паше. Без ответа не уходить. По прибытии обратно разбудить, немедленно доложить.

Услышав удаляющийся топот копыт, Михаил Илларионович встал, наложил троеперстный крест вслед удаляющемуся адъютанту. Троекратно перекрестившись сам на образа, пошёл спать. Но остановился. Вернулся к столу. Достал ещё один лист. Подумал. Стал писать. Закончив, запечатал письмо. Достал из секретера обшитый синим бархатом футляр. Открыл. В колыхавшемся свете свечи играло бриллиантовыми искрами золотое кольцо с крупным изумрудом на подвеске. Закрыв, положил в пакет вместе с письмом. Загасив свечу, ушёл спать.

Наутро из расположения войск в сторону Бухареста ускорился гонец.

Получив уклончивый ответ от Ахмет-паши, приказал привести армию в боевое положение.

В лагере началось движение. Чистили орудия, тренировалась пехота. По лагерю лихо скакали казаки, на ходу упражнялись шашками. К редутам подвозили боеприпасы. Готовились к решительному сражению.

В ответном письме визирь ссылался на недостаток отведённого времени для получения ответа от султана.

Но Кутузов был неумолим. Отвечать не стал. Устроив бурную деятельность в войске, играл на нервах Ахмет-паши. И тот не выдержал, прислал парламентёра.

Михаил Илларионович встретил посланника Ахмет-паши в штабном шатре сдержанно, не проявляя каких-либо эмоций. Приняв свиток, отложил его в сторону. Стал интересоваться самочувствием великого визиря. Спросил,

не надобно ему чего? Получив уклончивые, сдержанные ответы, поинтересовался, не голоден ли сам парламентёр. Предложил пройти в шатёр для гостей, испить кофе. Тот отказывался, но Кутузов настоял. Пока пили кофе, вскрыл свиток. Лицо командующего просияло. Согласие на начало переговоров получено. Великий визирь Ахмет-паша получил согласие султана Махмуда II на начало проведения переговоров. Предлагалось для начала встретиться в Журжеве.

Прошло несколько месяцев. Стороны долго спорили. Участвовавшие в переговорах английские и французские дипломаты, а также уполномоченный султана Галиб-эфенди всячески стремились затянуть процесс. Но Кутузову удалось и здесь переиграть противников. Он добился подписания договора за месяц до начала вторжения наполеоновских войск в Россию.

Генерал от инфантерии Михаил Кутузов эту войну выиграл.

Сдача турецкой армии под Русуком. Литография М.А. Гиришина

Эпилог

В Бухаресте, к огромному неудовольствию и глубокому разочарованию Наполеона, был подписан мирный договор с Турцией. Сохранив армию, Кутузов одержал удивительную, загадочную победу.

В результате Россия получила Бессарабию, с границей по реке Прут. Ряд областей в Закавказье, автономию Сербии. Сохранённую Молдавскую армию переправили в Смоленск.

Но Петербург опять сыграл с ним злую шутку. Победу Кутузова в итоге принизили, очернили. Оставшись не у дел, Михаил Илларионович уехал в имение. Сильно переживал. И только под давлением здравомыслящей общественности, на фоне сложившейся критической ситуации на фронте боевых действий в Отечественной войне 1812 года гений Кутузова был снова востребован.

Волей государя Александра I Михаила Илларионовича назначили главнокомандующим Русской армией. Понимая серьёзность положения, в которое попало Отечество, он отставил все обиды и сиюминутно приступил к исполнению своего священного долга — защищать Родину. Хотя переживания не прошли бесследно для его здоровья.

Используя весь опыт, полученный в предыдущих войнах, все накопленные знания, полученные уроки от великого Суворова, довёл сильнейшую, отлаженную, непобедимую до этого армию великого Наполеона до физического и

морального истощения, а впоследствии — полного её разгрома.

На этот раз Кутузову никто не пытался мешать, все решения генерала принимались к неукоснительному исполнению. Император полностью ему доверял, все попытки наушничества, дискредитации Михаила Илларионовича пресекались жёстко.

После смерти фельдмаршала, когда, уже без него был взят Париж и давно отгремели праздничные фанфары в честь русского оружия, манёвр великого русского полководца князя Голенищева-Кутузова под Рущуком называли репетицией разгрома Наполеона под Москвой. Была битва при Бородине, неожиданное оставление позиций. Сдача Москвы, с целью сохранения армии. Затем Тарутинский манёвр. И монотонное изматывание противника до полного его разгрома.

Александр I успел навестить тяжело заболевшего Кутузова перед его смертью. По слухам, он попросил прощения у Михаила Илларионовича. На что тот ответил:

— Я прощаю, государь, но Россия Вам этого никогда не простит.

Во время прощания с умершим от болезни Михаилом Илларионовичем в небольшом городишке Брунцлау в Пруссии в сопровождении русского полковника в мундире Преображенского полка появилась никому неизвестная молодая дама в чёрном платье, её лица, укрытого чёрной вуалью, нельзя было разглядеть. Но все обратили внимание на сверкающее роскошное брильянтовое ожерелье с крупным изумрудом на её изящной шее.

Припав перед гробом на колени, она горько рыдала.

Через двенадцать лет, в декабре 1825 года, этого же полковника заметили на Сенатской площади в Санкт-Петербурге. Далее его судьба неизвестна.

Через сто девяносто два года после победы под крепостью Руцук и подписания мирного договора, поселившись на отвоёванной великим Кутузовым земле, гагаузы получили мировое признание. Пройдя множество испытаний, они

добились автономии на юге солнечной трудолюбивой Молдовы – Gagauz Yeri, что означает земля гагаузов.

*Московская область, село Еганово.
Чадыр-Лунга, АТО Гагауз Ери, Молдова.*

2019 г.

*Новая карта России после Бухарестского договора 1812 года
с присоединёнными землями*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот так (или примерно так) закончилась эта история. Во всяком случае я так её увидел и так изложил. Конечно, я не претендую на абсолютно изложенную в этой книге правду о событиях тех лет. Но личность Кутузова, неординарность его мышления, методы ведения боевых действий наперекор всем установленным правилам и военной науке тех лет привели к полному разгрому врага.

Мало того, его пример, его тактика ведения отечественных войн была взята за основу при защите государства во время нашествия гитлеровской Германии. Первоначальный курс был поставлен на изматывание противника, как под Москвой, при обороне Ленинграда, в Сталинградской битве. Только достаточно измотав противника, методично выбивая танки и другое тяжёлое вооружение, разрушая коммуникации в тылу противника, нарушая снабжение, аккумулялировав собственные силы, приступали к наступлению.

Недаром были принесены в жертву жизни многих молодых людей, включённых в диверсионную работу. Их основной задачей было поджигать дома, где ночевали фашисты. Вроде не масштабные и не такие героические операции, но именно такие моменты выводили захватчиков из равновесия, обезоруживали морально противника.

Не малое значение в вооружённых силах уделялось разведке — как армейской, так и внешней, партизанскому движению. И здесь Кутузов проявил незаурядные таланты. Не-

даром светлейший князь Потёмкин обратил особое внимание на молодого генерала. Изучение им языка противника, нравов, национальных особенностей было началом заложения основ науки о разведке. Тогда зарождались и методы ведения профессиональной разведки.

Герой моей книги Каменский Павел Арсеньевич – персонаж вымышленный. В его лице я изобразил всех первых разведчиков и контрразведчиков того времени. Данные об этих людях, их делах и подвигах до сих пор содержатся в строгом секрете.

Шпион Анжели – персонаж не вымышленный, он существовал в действительности. Но в разных источниках его имя упоминается в разных вариациях: где Анджели, где Д'Анжели. Его бурную деятельность под Очаковым действительно нейтрализовал и обличил Суворов. В результате велением Императрицы был выслан с позором. Но вредить России не перестал. Свою службу исполнял исправно. Не всегда удачно, но на то есть воля божья. Видимо, душа была черна.

Если в условиях ведения войны на дунайском театре военных действий возможности не позволяли вести широкую партизанскую войну в тылу противника, то первые диверсионно-разведывательные отряды в тыл противника Кутузовым направлялись.

Во время Отечественной войны 1812 года партизанское движение уже широко применялось – как стихийное, так и организованное.

В Великой Отечественной войне 1941–1945 года разведка и партизанское движение приобрело невиданный размах. Помощь их имела неоценимые размеры.

Все эти нетрадиционные, но крайне полезные методы ведения войны были впервые организованно применены великим гением войны Голенищевым-Кутузовым Михаилом Илларионовичем. Они глубоко и, как показала история, не напрасно изучались и изучаются во всех военных заведениях страны и мира.

Применение его тактики и стратегии ведения войны явилось залогом победы над фашистской Германией в 1945 году.

Луксандра Гулиано — не вымышленный персонаж, как и Катенька Барканеску, и Константин Варлам. Они принимали активное участие в деятельности Кутузова на Дунае. Луксандра действительно была близка с Михаилом Илларионовичем. Часто появлялась верхом на лошади, наряженная в гусарскую форму, она гарцевала рядом с ним, объезжая позиции. Что, видимо, и являлось причиной появления многих разных мерзких инсинуаций на тему непристойного поведения Михаила Илларионовича. Была ли в действительности шпионкой Луксандра — точно неизвестно, но мать её, Катенька Барканеску, грешила этим занятием весьма удачно. Видимо, она использовала дочь в своих делах. Кутузову специальные люди, конечно, докладывали. Он не мог не использовать такую возможность без пользы для дела. И это явилось сюжетом для моего романа.

А на самом деле генерал, не единожды смертельно раненый в голову, переносил тяжелейшие головные боли. Его часто беспокоили приступы депрессии. Женщины в его жизни были отдушинами, незаменимыми помощниками. Придавали сил и энергии. Они были просто необходимы ему.

Этими компрометирующими генерала поступками, не понимая сути происходящего, пользовались недруги. Хотя они были достойными, серьёзными людьми и немало принесли пользы для России. В своих мемуарах излагали своё видение довольно неприлично. Успокаивает одно: в своём завещании разрешено было опубликовать мемуары только через пятьдесят лет. И сейчас, по прошествии немалых лет, находятся горе-историки, смакующие эти сомнительные материалы в разных информационных средствах. Бог им судья. Но от чистого и великого грязь отваливается сама, ей помогать не надо.

В романе упоминается загадочный народ гагаузы. Действительно в эти края ещё до крупных событий, описанных мной, переселялись люди. Обездоленные постоянными поборами, разными притеснениями, не имеющие никаких прав, со слабым государственным устройством. Их просто не признавали за народ, который может представлять какую-

то социальную общность. Спасая себя и своих детей, самые сильные, самые смелые, не желая быть чьими-то рабами, поднимались и уходили в места, где они могли бы быть свободными. Вместе с ними уходили болгары, северные греки, сербы и представители других национальных меньшинств. Но после появления Русской армии, которая давала достойный неоднократный отпор османским завоевателям, отток из насиженных мест усиливался. А после подписания Кутузовым Бухарестского мира 1812 году, по которому земли Бессарабии отходили России, поток переселенцев в Буджакские степи Бессарабии приобрёл массовый характер. И вот уже более 200 лет они, уживаясь с соседями, живут в этих краях, обрабатывают землю, занимаются животноводством, строительством и прочим мирным трудом. Они очень любят свою землю; совсем не воинственные, но и в обиду себя не дают.

**РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ П.В. СТАНЕВА
«КРЕПОСТЬ РУЩУК. РЕПЕТИЦИЯ РАЗГРОМА НАПОЛЕОНА»**

I

Книга писателя Петра Станева «Крепость Руцук. Репетиция разгрома Наполеона», безусловно, является знаковой художественно-исторической работой в современной литературе.

Имея за плечами солидный жизненный опыт, обладая незаурядной эрудицией, автор, как истинный историк, отказался следовать идеологическому клише в освещении российско-турецких взаимоотношений. Он, не следуя примеру ангажированных писателей от политики, объективно анализирует события того периода.

В более ранних художественных произведениях – «Неизвестный Измаил», «Восстание гагаузов», «Кагул – забытая Слава» – автор представляет новый взгляд на ход военных действий, роль Кутузова М.И., Суворова А.В., императора Александра I, турецкого султана Махмуда II и великого визиря Ахмета-паши. Исследование автора насыщено фактами из жизни Бессарабии начала XIX века, живыми примерами судеб гагаузов, переселявшихся с Балкан в знойные Буджакские степи.

Книга хорошо проиллюстрирована, написана увлекательно и читается на одном дыхании.

Как и другие произведения, данная работа не свободна от дискуссионных моментов, но бесспорно, что автор ещё раз проявил себя как оригинальный писатель, а его знания темы позволяют надеяться, что нас ждут новые и не менее интересные труды. Надо отметить и несомненную востребованность подобных произведений на русском языке для жителей Молдовы и Гагаузии.

Выход в свет книги «Крепость Руцук. Репетиция разгрома Наполеона» позитивно повлияет на современную историографическую ситуацию сегодняшнего и завтрашнего дня.

*П.М. Пашалы,
доктор истории*

II

Взяться за такую работу — это смелость. Чистая литературная смелость, которая выключает из жизни и заставляет писать о том, что было когда-то на Родной земле. Да так писать, чтобы самые придиричивые скептики согласились бы с тем, что выводы сделаны правильно и события не искажены. Пётр Станев смог показать своё литературное мастерство, которое имеет не только характер, но и силу, и свою индивидуальную неповторимость.

Сложная тема, в которой каждый нюанс весом и значителен. Каждый факт может трактоваться по-разному, но Пётр Станев видит истину и открывает для нас эпоху тех событий и героев. Они знают, за что сражаются. Смысл их цели понятен и неоспорим.

Зная характер своего народа, он показывает мирных людей, которые кажутся беззащитными. Но у этого народа огромный опыт поколений борьбы за свою свободу. Эта сила живёт в каждом, и в нужный момент эти тихие люди дают достойный отпор захватчикам.

Пётр показывает, как мудрый полководец видит искренние отношения между русскими солдатами и гагаузами. Он показывает их близость и ту опору, которая живёт в этих

людях. Он знает, что в трудный момент они не предадут. Их внутренний стержень станет ещё крепче. Все они знают, за что умирают, и чтят тех, кто умирает за них. Этой глубокой православной нитью пропитана вся книга. Их сила в единстве. И пусть они не знают тактики боёв, но они верят полководцу, который ведёт их к победе.

Надеюсь, что эта книга откроет сердца современной молодёжи и научит их поступать так, как поступали их предки.

За вклад в патриотические традиции Отечества Пётр Станев награждён медалью «Генералиссимус А.В. Суворов».

*Виталий Лиходед,
член Союза писателей России,
лауреат премии имени Александра Фадеева*

Использованные материалы и книги:

- Советская Военная энциклопедия, т. 7.
- *Жилин П.А.* Разгром турецкой армии в 1811 г.
- Хронос. Всемирная история в интернете.
- Материалы Исторического музея. Мундиры Русской армии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Плох тот генерал, что не бережёт солдата. Максим Замшев</i>	3
<i>От автора</i>	7
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	70
Глава 13	74
Глава 14	79
Глава 15	83
Глава 16	86
Глава 17	97
Глава 18	100
Глава 19	104
Глава 20	109
Глава 21	115
Глава 22	120
Глава 23	126
Глава 24	132
Глава 25	140
<i>Эпilog.</i>	147
<i>Послесловие</i>	150
<i>Рецензии на книгу П.В. Станева</i>	
<i>«Крепость Руцук. Репетиция разгрома Наполеона».</i>	154
<i>Использованные материалы и книги</i>	158

Литературно-художественное издание

Пётр Владимирович Станев

КРЕПОСТЬ РУЩУК.

РЕПЕТИЦИЯ РАЗГРОМА

НАПОЛЕОНА

Корректор — *А. Дурягина*

Компьютерная вёрстка — *У. Иващенко*

Дизайн обложки — *А. Дирижаблев*

Подписано в печать 31.10.2019

Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура «Newton СТТ»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 5. Тираж 120 экз. Заказ № 1641

Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр. 1

Тел. (495) 690-67-19

www.uniki.ru